

ДМИТРИЙ СИЛЛОВ

СНАЙПЕР

ЗАКОН ЗОНЫ • ЗАКОН СТРЕЛКА
ЗАКОН ШРАМА

Коллекция лучшей фантастики

Дмитрий Силлов

**Снайпер: Закон Зоны.
Закон стрелка. Закон шрама**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Силлов Д. О.

Снайпер: Закон Зоны. Закон стрелка. Закон шрама /
Д. О. Силлов — «Издательство АСТ», 2019 — (Коллекция
лучшей фантастики)

ISBN 978-5-17-113781-6

Закон Зоны Он не помнит, как попал в Зону. Однако Зона помнит о нем и всеми силами пытается уничтожить. Но он — Снайпер. И он идет к цели несмотря ни на что. Его цель — Саркофаг, скрывающий в своих недрах ответы на все вопросы. Если только Снайпер доберется до цели и останется жив, ведь это еще никогда никому не удавалось... Закон стрелка Он — киллер. Он получил задание ликвидировать группу сталкеров. И он идет по следу, не сомневаясь в успехе, ведь в прошлом ему случалось решать задачи и потруднее. Его главная цель — Снайпер, член отряда, полностью состоящего из легендарных ветеранов Зоны. Но что значат эти громкие слова для убийцы, который сам давно стал легендой? Его не страшат мутанты — он уничтожал на своем пути и более серьезных противников. Он не попадает в аномалии — на его пути они не встречаются. Его приняла Зона, и ничто не может ему помешать выполнить задуманное. Ведь какое дело киллеру до того, что у Снайпера и его товарищей тоже есть свое задание, от которого зависит судьба не только Зоны, но и всего остального мира. Закон шрама Зона в огне. Группировка «Монумент» расползается по ней, словно раковая опухоль, уничтожая на своем пути все живое. Кто-то очень могущественный стоит за спинами фанатиков, координируя их действия и снабжая самым современным оружием. Цель «Монумента» понятна: тот, кто возьмет контроль над Зоной, будет диктовать свою волю всему остальному миру. Но помимо амбиций фанатиков есть еще и воля самой Зоны. Вот почему вновь встречаются на обожженной излучением земле сталкеры-легенды: Меченый, Шрам, Снайпер, Японец... Отмеченные Зоной, призванные ею для выполнения своеобразного контракта, цель которого пока неизвестна никому из них. Но это и неважно, потому что один из главных законов Зоны — Закон наемника. Взялся —

делай. Даже ценой собственной жизни. Хотя лучше все-таки остаться в живых.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113781-6

© Силлов Д. О., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Закон Зоны	6
Глава первая	6
Глава вторая	41
Глава третья	77
Глава четвертая	97
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дмитрий Силлов

Снайпер: Закон Зоны. Закон стрелка. Закон шрама

Закон Зоны

Глава первая Закон долга

Неопознанные личности, задержанные в зоне влияния группировки «Борг» и не имеющие идентификационного штрих-кода, подлежат опознанию и идентификации в ближайшей комендатуре. Граждане Зоны, находящиеся на территории влияния «Борга», в обязательном порядке должны сообщать в комендатуру группировки обо всех подозрительных личностях и способствовать их задержанию для опознания и идентификации. Граждане Зоны, уклоняющиеся от выполнения данной статьи Закона, лишаются гражданских прав и подлежат ссылке на каторжные работы.

Закон долга, ст. 12, ч. 1

– И на хрена ты притащил сюда труп? Он же свежак, к ночи зомби будет. Немедленно выброси эту погань и не забудь отрубить голову.

– Я знаю, что делать со свежими трупами, Петрович. Но у тебя есть связи в комендатуре, а Закон долга...

– Плевать мне на Закон долга! Каждая группировка кивает на Закон долга и переинвентаризует его так, как ей выгодно. У меня свой закон, парень, и плевать мне на другие законы. Выкидывай его отсюда, говорю тебе, да побыстрее!

Голос того, кто не привык уважать законы, был дребезжащим и на редкость противным. Голос второго гудел ровно и монотонно.

– И лучше сразу в «ведьмин студень». Чтобы ни костей, ни следов. На хрена мне это дежавю? Было уже однажды, принесли соколика. Потом вся Зона кровью умылась и расширилась чуть не до Киева.

Я лежал на чем-то твердом. Это «что-то» неприятно давило на лопатки и затылок. Я попробовал сменить положение, и удалось это мне неважно – в затылке словно взорвалась граната. Я заорал. Во всяком случае, так мне показалось. На самом деле наружу вырвался лишь слабый стон.

– Уже? Что-то рановато для новорожденного зомби.

Слева коротко лязгнул металл.

– Нервный ты стал, Петрович, – прогудел голос второго. – Не видишь, что ли? Не зомби это. Человек.

– А мне один хрен... Чужой он. Первый раз его вижу. На кордоне и без него чужих хватает, каждый день прут из-за Периметра. Я в свое время Меча тоже не выбросил, пожалел – и вон чего получилось. Зона уже сюда добралась, никогда такого не было...

Я попытался открыть глаза. Удалось это не сразу, словно веки стянула твердая корка. В глаза брызнул свет. Я зажмурился и против воли застонал снова.

Металл лязгнул снова, но тише. Потом по мне пробежали чьи-то ловкие пальцы.

– Небогатый улов, Странник, – продребезжал тот, кого называли Петровичем. – Выкидуха, два сухаря, сигареты... пять штук в пачке, часы китайские. От силы за все пятьдесят рублей. Идет? Или консервами-патронами возьмешь?

– Еще полтинник за утилизацию, если помрет, – прогудел Странник. – Или сам его тащи до «ведьмина студня».

– А ты хорошо освоился в Зоне, парень, – хмыкнул Петрович. – Принес задаром, а унес за деньги. Только хрен ты угадал. Мне его за двадцатку кто хочешь и куда хочешь оттащит. Бери на семьдесят рублей консервов, своего недобитка – и до свидания. Конечно, если не надумал продать свой нож. Подумай, я тебе за него дам очень хорошую цену.

– Нож не продается. Смотрю вот я на тебя и все думаю: народ иногда тебя промеж собой Жмотпетровичем зовет. Случайно ли?..

– А поновее ничего не придумал? – перебил Странника тот, кого называли Петровичем. – Острижки-самоучки. Что б вы тут делали без меня?

Я не очень понимал, о чем говорят эти люди. Мне было важно открыть глаза. И я сделал это.

Глаза, похоже, уже привыкли к свету, как привык к раздирающей боли мозг в районе затылка. А еще я откуда-то знал, что стонать можно только тогда, когда точно знаешь, что рядом никого нет. Иначе будет очень и очень плохо.

Я сделал над собой усилие и, рывком приподнявшись на локте, попытался сесть. Меня качнуло, но в общем эксперимент удался.

Сидел я на подобии стола, грубо, но добротнo сколоченном из толстых шершавых досок. Пахло подвальной сыростью и чем-то слегка протухшим. Возможно, тухлятиной несло от толстого пожилого человека с маленькими пороссячьими глазками на одутловатом лице. Толстяк сидел на дорогом кожаном вращающемся кресле, как-то не вяжущемся с окружающей обстановкой.

Обстановка сильно напоминала продуктовый склад, совмещенный с армейской оружейкой. Вдоль стен громоздились ящики с надписями на разных языках, означающих одно и то же – «Тушеное мясо», «Гранаты Ф-1, 20 штук», «Сухой паек», «Патроны. Калибр 7,62»...

Там еще много чего было понаписано на тех ящиках. На некоторых из них лежали стопки нераспакованных камуфляжных костюмов, усиленных бронепластинами, какие-то баллоны, картонные коробки...

А еще здесь было оружие. Автоматы, гранаты, винтовки, армейские ножи в чехлах и без. Какие-то явно бывшие в употреблении, со сбитым воронением и пятнами ржавчины. Другие новые, блестящие от заводской смазки.

Всё это великолепие стерегли два комплекта уродливых доспехов, сжимающие в руках новехонькие автоматы Калашникова. За круглыми наглазниками шлемов, защищенных светофильтрами, человеческих глаз видно не было, но я не сомневался, что внутри неподвижных армейских бронекостюмов находятся вполне подвижные люди. Хотя бы потому, что их оружие было направлено точно на меня и на светловолосого парня в застиранном и залатанном камуфляже, не в лучшую сторону отличающемся от новенькой униформы, разложенной на ящиках. Парень мрачно смотрел на меня, и в его взгляде ясно читалось недовольство тем фактом, что я когда-то появился на свет.

– Вот и ладушки, – обрадовался толстяк, поворачиваясь к своему столу, на котором стоял пожилой компьютер, и отбивая на клавиатуре веселую дробь. Столбик цифр на древнем толстозадом мониторе стал на одну строчку длиннее. – Тело очнулось, стало быть, утилизации не требуется, и до границы моего участка оно доползет само. А ты его за десятку проводишь. Правда ведь, Странник? – бросил толстяк через плечо.

Парень буркнул что-то невнятное, выбрал из ближайшего ящика пяток консервов без этикеток, побросал их в свой тощий рюкзак и направился к выходу. Блестящий от плохо вытертой смазки ствол в руках одного из охранников плавно сопровождал его движение. Все это время Странник находился на линии выстрела. Малейшее лишнее движение – и пуля в голову обеспечена.

– А тебе что, особое приглашение?

Я понял, что это относилось ко мне.

Сцепив зубы, чтобы не застонать, я сполз со стола и нетвердым шагом направился к толстой металлической двери. Ствол автомата, словно нос преданной собаки, проводил меня до выхода. Краем глаза я заметил, что бронированный охранник неожиданно быстро сместился со своего места и захлопнул за мной тяжелую дверь. Изнутри прошуршали металлом о металл невидимые засовы.

Я вместе со своим провожатым оказался в небольшом коридоре, оканчивающемся ведущими вверх ступеньками. Вдоль сырых стен были свалены в кучу обломки ящиков, пустые консервные банки, какое-то тряпье. От куч мусора зловоние шло просто нестерпимое.

– Сука беспредельная, – отчетливо проговорил мой спутник, шагающий впереди. Его широкая камуфлированная спина, отягощенная рюкзаком, необъяснимым образом излучала крайнее недовольство. – Барыга хренов.

Сверху потянуло свежим воздухом. Странник непроизвольно ускорил шаг, слегка припадая на правую ногу. Я последовал его примеру. С каждой ступенькой, приближающей меня к спасительному свежему воздуху, боль в затылке становилась все менее ощутимой.

Наконец мы выбрались наверх.

За моей спиной что-то щелкнуло. Я обернулся.

Логово торговца снаружи выглядело как холм высотой в рост человека, теперь наглухо запечатанный еще одной стальной дверью. Не иначе, автоматической. Над дверью имелись две бойницы. Одна пошире, другая, над ней, поуже. В узкой бойнице заговорщически подмигивал глазок видеокмеры, защищенный бронированным стеклом. А из широкой недвусмысленно торчал ствол пулемета. Еле слышно зажужжали сервомоторы, и ствол плавно проехался туда-сюда, словно примериваясь, как бы половчее перечеркнуть наши фигуры огненным пунктиром.

– Пошли отсюда, парень, – буркнул Странник. – Гнилое место.

Я не стал возражать.

Место действительно было нездоровым. Позади логова Петровича вздымалась черная стена леса. Слева, похоже, было болото или заболоченное озерцо, судя по едва уловимому запаху стоялой тины и редкой поросли камышей. Оттого, наверно, в норе торгаша и воняло сыростью.

Впереди же виднелись развалины. Когда-то это была деревня. Я знал, что из деревень люди часто сбегают в города в поисках работы, денег и развлечений. Так как ни того, ни другого, ни третьего не могут найти дома. Я так и сказал:

– Брошенная деревня.

– Точно, – буркнул мой провожатый. – Стало быть, говорить ты не разучился. Что мы еще помним?

Я задумался, стараясь не отставать от Странника.

– Жмотпетровича помню.

– Молодец, – хмыкнул Странник. Похоже, настроение у него немного улучшилось. – А это что?

Из кожаного чехла на поясе, который назывался, кажется, кобурой, он достал потертую штуковину, которых было навалом в норе торговца. Только те выглядели поновее.

– Плётка, – сказал я.

– Можно и так, – кивнул Странник. – А еще оно как называется?

– ПМ, волина, ствол, пушка, «макар».

– Годится, – кивнул Странник, пряча ПМ обратно в кобуру. Он остановился и с сожалением посмотрел на меня.

– Еще что помнишь?

Я снова задумался.

– Понятно. Называется «не ходите, мальчики, к загоризонтной РЛС». Тебе еще свезло, причем два раза. Во-первых, живым вернулся, во-вторых не полным дауном. Только не пойму, почему у тебя с такими познаниями руки чистые, без наколок... Ну да ладно.

Странник достал из рюкзака банку консервов и маленький швейцарский нож.

– Держи, это тебе, – сказал он. – Как банки вскрывать, помнишь?

Это я помнил. Я вообще хорошо помнил все, что касалось жратвы. Думаю, что банку Странника я бы вскрыл и без ножа. Потому что от головной боли осталась лишь шишка на затылке, но вместо нее пришло болезненное чувство в желудке. Видимо, еще до возникновения шишки я не ел довольно давно.

– Хорошо, что хоть это не забыл, – кивнул Странник. – В Зоне почти вся жратва в банках. Та, что дешевая. А на дорогую ты пока не заработал. Теперь запомни. На дороге увидишь что-то подозрительное, типа марева или листочков, что по кругу летают, кинь туда какую-нибудь дрянь. Оно себя обозначит. Это аномалии, туда не суйся. Людей увидишь, особенно в камуфле или брониках, – хоронись или сваливай побыстрее. От машин и вертолетов – тем более. Найдешь чего интересного – тащи Петровичу или еще какому-нибудь барыге. Могут, конечно, пристрелить, но могут и пожрать дать. От зверей всяких тоже шугайся и охотиться на них не вздумай. Они тут все зараженные, пожрешь мяска – и сдохнешь в мучениях. В общем, так. Конечно, по-любому погибнешь ты здесь не сегодня-завтра, но некоторым полужомби, говорят, везло, поднимались они. Правда, я таких не встречал. Все, бывай, парень, удачи.

Он повернулся ко мне спиной и пошел к развалинам. Я же занялся ножом. Один предмет – штопор – у него оказался сломанным, зато остальные были в исправности. Банку я вскрыл за несколько секунд. Примерно столько же мне потребовалось для того, чтобы заглотить не жуя половину ее содержимого – волокнистого мяса, перемешанного с жирным желе...

А потом я услышал выстрелы. И даже не успел удивиться тому, как быстро шлепнулся на землю. Но еще в полете я понял, что удаляющаяся фигура Странника упала быстрее меня.

И не на живот, а на спину.

Так падает человек, в которого ударила пуля.

Когда стреляют, надо сваливать. Это я и так знал, а Странник подтвердил. Тем более, когда тебе не из чего выстрелить в ответ. Петрович к себе не пустит, скорее дистанционно из пулемета свинцом угостит. По идее надо было бы ползти к лесу. Хрен какой дебил полезет в чащу на ночь глядя – это я тоже знал абсолютно точно.

Но почему-то мне казалось, что это будет неправильно.

И я пополз вперед, шустро виляя тазом и уже не особенно удивляясь тому, как ловко я умею ползать. Судя по словам Странника, совсем недавно у меня была другая жизнь, о которой я не помнил абсолютно ничего. Я очень смутно представлял себе, о какой такой Зоне, аномалиях и зверях толковал парень, который вместо утилизации меня в каком-то «ведьмином студне» подарил банку консервов. Но мне понравилось то, как лихо я вскрыл эту банку. А еще я знал, что если снять с предохранителя ПМ Странника, дослать патрон в патронник и, прицелившись, нажать на спусковой крючок, то у Петровича во лбу может появиться аккуратная дырочка с неаккуратным выходным отверстием в затылке. Конечно, для этого надо было как-то миновать пулемет, стальные двери и двух монстров в доспехах с автоматами в руках, но это было уже неважно.

Сейчас важно было доползти до Странника раньше, чем его найдут в густой траве те, чьи голоса слышались со стороны разрушенной деревни. Хорошо, что у них не было собак. Я не знал, как выглядят собаки, но я знал, что без них точно доползу до Странника раньше, чем его найдут люди, стрелявшие в него.

И я не ошибся.

Дела Странника были неважными. Прямо скажем, хреновые были у него дела. Выше ремня по его рубашке расплзлось темное пятно, а в руках он держал ПМ, норовя приставить его к голове. Это было сложно сделать, потому что на раздробленных кистях Странника оставалось в совокупности лишь два целых пальца. Еще один болтался на клочке кожи, но толку от него, понятное дело, не было никакого.

– Разрывными стреляли, падлы, – прохрипел Странник. – Помоги.

Я взял пистолет из его рук. Почему-то мне не хотелось, чтобы в голове этого человека появилась аккуратная дырочка. К тому же я осознавал, что звук выстрела привлечет тех, кто ищет Странника с гораздо большим азартом, чем целая свора собак. И участок травы, в котором мы прячемся, они немедленно скосят прицельными очередями.

Я щелкнул из рукоятки магазин и пересчитал патроны. Потом вогнал его обратно и дослал патрон.

– Ты чего... делать собрался?

Я не ответил. Если тебе есть чем ответить на выстрелы – надо стрелять. Это я тоже знал абсолютно наверняка.

Их было трое. Я ясно видел их приближающиеся силуэты сквозь частые метелки травы. Они пытались идти цепью, прочесывая участок, но невольно с каждым шагом жались друг к другу.

Им было страшно.

Они боялись надвигающейся темноты, боялись опасности, таящейся в ней, боялись того, в кого они только что стреляли. Они не знали, что он уже не сможет им ответить.

И они боялись не того, кого бы им следовало бояться.

Я выстрелил три раза почти не целясь. Я знал, что не промахнусь.

Три тела рухнули в траву не так, как падает человек, который хочет спрятаться.

– Ты чего наделал? Ты их убил?!

Вместо ответа я щелкнул предохранителем, спрятал пистолет в кобуру Странника и взялся за воротник его куртки. Нехорошо брать чужое оружие, пока жив его хозяин. Но ведь Странник просил помочь. И я помог как умел. А еще нехорошо оставлять в поле человека, который тащил тебя на себе несколькими часами раньше. Долги надо отдавать. Это Закон, что бы там ни говорил Петрович.

– Не надо, – еле слышно сказал Странник, и я остановился. – Кранты мне... И тебе... Это же Охотники. Теперь будет рейд, хоть они и залезли на чужую территорию... Многие погибнут. Лучше сразу иди в комендатуру «Борга» и сдайся...

Я покачал головой. Сдаваться нехорошо.

– Там в кармане... обезболивающее.

Он кивнул на нагрудный карман своей камуфлы. Я открыл клапан. Ну конечно, шприц-тюбик с антибиотиком и наркотой. В который некоторые подмешивают «золотую» дозу. Чтобы, если будет совсем плохо, уйти весело и без боли.

Укол я сделал прямо через камуфлу, вогнав иглу чуть выше локтя. Судя по тому, как почти мгновенно расширились зрачки Странника, его шприц-тюбик был заряжен «золотом» под самую завязку.

– Надо же, троих! Тремя выстрелами из «макарова»! Далеко они были?

– Не очень, – сказал я. Слова давались мне с большим трудом, но невежливо молчать, когда с тобой говорит умирающий.

– Все равно круто. Ладно, снайпер, слушай сюда...

Он зашелся в кашле. Видимо, пуля задела легкое. Из разрыва камуфляжа в области живота показался край кишки, похожий на большого земляного червя. Я отвел взгляд, чтобы его не перехватил раненый и не посмотрел вниз.

– Оторвешь каблук у моего левого ботинка, – хрипло шептал Странник. – Найдешь Директора, отдашь ему... Все мое барахло возьми себе, пригодится... Главное – найди Директора, понял?

На его губах показалась кровь.

– Даешь слово?

– Даю, – сказал я. Сказал потому, что нельзя отказывать человеку, который собирается умереть.

– Хорошо, – прохрипел Странник. – А теперь быстро забирай мои манатки и вали отсюда... Охотники скоро очухаются, и тогда тебе кранты. И не забудь... отрезать мне голову...

Это были его последние слова.

Я не очень понял, о каких Охотниках он говорил. Со стороны деревни вроде всё было тихо, и я точно знал, что трое, стрелявшие в Странника, мертвы. И если Охотники – это они и есть, то как могут «очухаться» трупы? Но после таких слов стоило их осмотреть – хотя бы потому, что автомат всегда лучше «макарова», и живому он всегда нужнее, чем мертвому.

Стоптаный каблук я оторвал с помощью ножа Странника. Нож был очень хороший, широкий и надежный, выполненный из голубоватой стали одной пластиной вместе с рукоятью. Потом рукоять запрессовали резиной, сформировав на ней кольцо для крепления к автомату и оставив на торце стальной хвостик с небольшим отверстием, типа для того, чтобы веревку привязывать. Я знал, что это не так. Вернее, не только для веревки, а чтоб при случае и череп той рукоятью проломить. Откуда знал? Вот бы узнать... Хотя сейчас это тоже было неважно.

Важнее было понять, о чем это Странник так беспокоился.

Полость, грубо вырезанную в его каблуке, заполнял прямоугольник из тусклого серого металла. Я подцепил его ножом и вытащил наружу.

Прямоугольник был очень тяжелым для своего размера. Теперь понятно, почему хозяин ботинка при жизни слегка прихрамывал. Поди потаскай такую штуку изо дня в день.

Я посмотрел на свои напрочь убитые ботинки, сравнил их с ботинками Странника, после чего недолго думая рукоятью ножа приколотил подошву на старое место и переобулся. Страннику ботинки все равно больше не понадобятся.

Размер подошел идеально, словно те ботинки на меня шили. Вот и ладно. Камуфлированная куртка Странника тоже пришлась кстати – у меня кроме футболки с короткими рукавами вообще ничего не было. Еще я вытащил из кобуры мертвеца пистолет и переложил его в карман куртки. Теперь можно. Особенно после того, как хозяин сам озвучил завещание.

Так. Теперь надо найти Директора. Хотя нет. Странник просил сначала отрезать ему голову. С чего бы это?

Через мгновение я понял с чего.

Глаза Странника открылись. Но это были уже не его глаза. Расширенные зрачки словно две черные опухоли расплзлись по глазным яблокам, разрывая ткани белка и превращая их в кровавое месиво.

В карманах мертвецов было много всякой непонятной дряни – пачки с бумажными палочками, набитыми трухой, конверты с резиновыми кольцами, раскатывающимися в непрочные мешочки, бумажки с нарисованной на ней отрезанной головой...

Бумажки мне понравились. Они были разноцветными и приятно шуршали в руках. Я сунул их в карман. Потом подумал – и полностью переоделся в камуфляж, оставив себе только ботинки и куртку Странника. Верхняя одежда обезглавленных трупов была поновее ношеной

куртки, но уж больно сильно залита кровью. Еще я забрал у Охотников консервы, колбасу, хлеб и фляги с водой. Мне показалось странным, что я точно знаю, что делать с оружием, колбасой и флягами, и в то же время совершенно не представляю, для чего нужны остальные предметы. Которые, судя по всему, тоже были необходимы мертвецам, когда они были живыми.

Обо всем этом я думал, пока ел. Когда еды осталось примерно половина, а я почувствовал, что она меня больше не интересует, я сложил оставшиеся консервы и объедки в мешок и направился к деревне. После еды мне очень захотелось спать, но спать в открытом поле опасно. В нескольких шагах от меня на отрезанную голову Охотника приземлилась большая черная птица и деловито выклевала глаз из глазницы. Мне показалось, что голова дернулась от боли. Но, наверно, я ошибся. Скорее всего, голову просто толкнула птица.

Я подумал, что если я лягу спать прямо здесь, птица может принять меня по ошибке за труп, и, решив не рисковать, направился к деревне.

Селение было сильно разрушено временем и взрывами. Некоторые дома обветшали сами собой и вросли в землю до слепых окон с разбитыми осколками стекол в рамах. Другие разметали то ли гранаты, то ли снаряды, оставив на месте человеческих жилищ лишь посеченные осколками кирпичные печи.

Подойдя ближе, я увидел, что уцелевшие бревенчатые стены словно ходами жуков-древоточцев сплошь изъедены пулевыми отверстиями. В этом месте воевали часто и увлеченно.

Однако сейчас вокруг было тихо. Спать хотелось нестерпимо. Я уже спотыкался на ходу и готов был, бросив прямо на землю рюкзак и автомат, упасть рядом с ними и заснуть прямо на месте. Но я все-таки заставил себя найти более-менее сохранившийся одноэтажный дом и войти внутрь.

Внутри дома было очень много мусора, но я расчистил себе свободное местечко, вышвырнув в окно дочиста обглоданные кем-то остатки человеческого скелета, лежащие на ржавом пулемете. Пулемет отправился вслед за хозяином.

Распиная ногами по углам пустые консервные банки, гильзы и кучки засохшего дерьма, я свернулся калачиком прямо на полу и мгновенно уснул.

* * *

– Вот он, тот козел, который завалил Странника и троих Охотников, упокой их Зона.

– Точно, он самый. Дрыхнет, сука, и никуда себе не дует. Стреляй, чего ждешь?

– Да пули на него жалко.

Слова прозвучали прямо над моей головой. А потом в ней взорвался сноп кровавых искр.

Меня крутануло по полу, словно тряпку. Глаза не успели открыться, но одна моя рука, словно существо, живущее отдельно от меня, уже шарила по полу в поисках автомата, а другая выдернула из-за пазухи пистолет Странника.

– Хоронись, Моздырь, у него ствол!

Жаль, что я не успел открыть глаза. Да и трудно это было сделать спросонья, особенно после удара в лицо чем-то тяжелым – скорее всего, армейским ботинком. Я выстрелил на звук, но в следующее мгновение меня сильно долбанули по руке. Как раз в эту секунду я наконец разлепил глаза. И в них плотно запечатлелась картинка – крупный мужик в спортивном костюме и зеленой армейской бандане с кровавой бороздой на щеке от моей пули, целящийся в меня из двустволки, и занесенная надо мной подошва кирзового сапога.

Потом картинка схлопнулась одновременно со вторым ударом ногой в лицо.

– Мочи козла!

На меня обрушилось еще несколько ощутимых ударов. Один из них опять пришелся в лицо, и перед глазами у меня заплесали красные круги. Наверно, меня били бы дольше, но со стороны дверного проема, давно лишенного двери, прозвучал решительный голос:

- А-атставить мочить козла!
- С какого хрена, Майор, он же...
- Я сказал а-атставить! Точка.

Больше меня не били. Две пары ног отошли в сторону, и ко мне приблизилась третья.

Послышался звук отвинчиваемой крышки армейской фляги, и мне на лицо пролилась струйка жидкости.

Я фыркнул и закашлялся – вода попала в гортань. Кашель отозвался болью в ребрах, но я точно знал, что ничего не сломано. Только синяки останутся. Те двое не умели бить лежащего по-настоящему – с напряженной стопой и зафиксированным коленом.

И снова я удивился глубине своих познаний, о которых до этого не подозревал. Определенно у меня была прошлая жизнь, о которой я ничего не помнил! Теперь, помимо выполнения воли умирающего Странника, у меня появилась вторая задача – выяснить, кто я и кем был до того, как все забыл.

- Кто ты?

Это я бы и сам хотел узнать. Но говорить было пока трудно. Я знал, как произносятся слова, но, думаю, я давно их не говорил. Поэтому я просто разлепил склеенные кровью глаза и помотал головой.

- Не помнишь?
- Нет, – выдавил я из себя. Надо было учиться говорить заново.
- Как тебя зовут, помнишь?
- Возможно, это мое имя назвал Странник, когда я превратил его убийц в живые трупы.
- Снайпер, – ответил я.
- Не знаю такого, – качнул головой мой собеседник. И задумался.

Был он широк в плечах, мясист, горбонос и основателен с виду. На погонах его черномалинового комбинезона красовались большие звезды, вышитые вручную красной ниткой. Автоматно-гранатометный комплекс «Гроза» с подствольником и ночным прицелом в его руке казался несерьезным и бесполезным нагромождением металла. Сжатый кулак другой руки производил гораздо более сильное впечатление.

- Это «Гроза»? – спросил я.
- Что? – не понял тот, кого называли Майором.
- Это «Гроза»? – повторил я, указывая на оружие.
- Она самая, – сказал Майор. Потом вдруг присел на корточки и, оттянув вверх мое левое веко, взгляделся в мой глаз, словно собирался его выклевать.

– Ясно, – сказал он через пару секунд, принимая прежнее положение и поворачиваясь к тем, кто собирался меня «мочить». – Это точно он завалил троих из «макара»?

– Всех точно в лоб, – мрачно кивнул тот, что был в бандане. – Как по линейке дырку отмерил. А потом им ножом бошки состриг, будто грибы по осени. Так что мы в своем праве.

– На территории «Борга» работают только законы «Борга», – веско сказал Майор. – А ваши права стоят примерно столько.

Он плюнул в угол.

Двое молчали. Поскольку на голове одного из них имела темно-зеленая повязка, я про себя окрестил его Банданой, удивившись тому, что я знал такое мудрёное слово. Удивившись вторично, я назвал Адидасом второго в темно-синем спортивном костюме с тремя полосками на штанинах.

– Этим бошки состриг? – кивнул Майор на нож Странника, уже болтающийся на поясе Адидаса.

- Этим, – проворчал тот.
- Похоже, отвоевались вы, пацаны.

«Пацаны» растерянно переглянулись, потом оба уставились на «Грозу» Майора, пока что безвольно болтающуюся у него в руке стволом вниз.

– Я не о том, – угрюмо хмыкнул Майор. – Группировке «Борг» вы по барабану, пока на нашей территории беспредельничать не начнете. Но, похоже, ОСНГ решили задействовать Зону в интересах своих государств. Слухи об этом давно ходят. А это, – он кивнул на меня, – первая ласточка.

– По возможности поясни, Майор, – буркнул Адидаас. – Ни фиги не понятно.

– Комендант тебе пояснит, – хмыкнул Майор. – За нарушение двенадцатой статьи Закона в курсе что бывает?

Адидаас побледнел. У того, что в бандане, затряслись губы. Сейчас они оба были похожи на нашкодивших детей, которых суровый папа собирался отправить в угол. Да только угол тот для великовозрастных шалунов был, похоже, страшнее смерти.

– Слушай, командир, может, договоримся? – с надеждой спросил Адидаас.

– Может, и договоримся, – великодушно хмыкнул Майор. – Сейчас вы оба идете со мной в комендатуру и записываетесь в «Борг». Хорошо бандюковать по Зоне. Согласны?

Бандиты наперебой закивали.

– Вот и ладушки, – сказал Майор. – С солдатами «Борга» я обязан делиться информацией, которую они должны знать. В том числе и с новобранцами. Так вот, Объединенные силы независимых государств давно планировали превратить Зону в зону для особо опасных преступников. Справиться с Зоной вояки не могут уже черт-те знает сколько времени, так почему бы не использовать ее как зону с маленькой буквы? Преступникам дается шанс все начать с чистого листа. Им избирательно стирают память и сбрасывают в Зону, чем и объясняется двенадцатая статья Закона. А задача «Борга» – приставить их к делу.

– Артефакты для вашей группировки собирать? – поинтересовался Адидаас.

– Разговорчики, солдат! – рявкнул Майор. – Если понадобится, завтра после присяги ты как раз и пойдешь собирать артефакты. И задницей в «жару» сядешь, если я прикажу. А теперь разрядить оружие и вернуть Снайперу.

– Есть оружие Снайпера разрядить! – вновь подал голос Адидаас. Он, похоже, среди двоих бывших бандитов был самый смелый. Его напарник предпочитал помалкивать.

– И свое тоже, – сказал Майор, приподнимая ствол «Грозы» на уровень груди Адидааса. – Патроны сдашь мне.

– Нет вопросов, командир.

Адидаас поспешил засвидетельствовать лояльность новому руководству, и через пару минут боезапас Майора пополнился семью магазинами для АКС, десятком патронов для двустволки и двумя пистолетными магазинами. Проводив взглядом нож, с кислой миной возвращаемый мне Адидаасом, Майор сказал:

– Хороший нож. Легендарный. Из большого артефакта «Бритва» откован. «Бритва» такой величины в Зоне встречалась лишь однажды, а сковать две «Бритвы» вместе еще никому не удавалось. Продашь? Пятьсот рублей прям сейчас даю.

Я сделал вид, что эти слова ко мне не относятся. Я был занят – плевал на кусок тряпки, найденный в кармане моей куртки, и оттирал лицо от своей и чужой крови.

– Ладно, – сказал Майор. – Как хочешь, дело твое. Береги нож, а то сопрут ненароком. Или грохнут. В Зоне за меньшее убивают. Короче, базар окончен. Давайте вперед на выход.

Похоже, Майор не особо доверял своим новообращенным бойцам, поэтому я вместе с бывшими бандитами вынужден был шагать впереди, не сомневаясь, что «Гроза» в руках офицера «Борга» в любой момент готова вклепить мне порцию свинца между лопаток.

Наверняка то же ощущение преследовало и бывших бандитов. Адидаас обернулся и попытался восстановить статус-кво.

– Слушай, Майор, ну не дело это. Не ходят по Зоне с разряженными стволами. Вдруг нечисть какая покажется?

– Еще как ходят, – заверил Майор. – Вот вы сейчас, например, идете – и ничего. А нечисть появится – падайте на землю, ее я беру на себя. Ты молчи лучше, а то сглазишь.

Мы отошли от деревни меньше чем на полкилометра. Впереди еще примерно на столько же простиралось поле, заросшее высокой травой. За полем снова начинался лес. Неяркое солнце приятно грело макушку. Благодать, да и только. И не скажешь, что в этих местах водятся ходячие мертвецы.

Майор иногда покрикивал «левее», «правее», ведя нас по одному ему ведомому пути – никакой дороги, даже тропинки под ногами решительно не угадывалось.

– Писец какой-то, – проворчал Адидаc. – Ведет, как бычков на бойню.

– Так оно и есть, – отозвался его товарищ. – Я слышал, что из рейдов «Борга» от силы половина личного состава возвращается. Они же одни против всех. Потому им постоянно свежие силы требуются. А чуть что не так, по их долбанутым законам людей тупо к стенке ставят, без суда и следствия.

– Рразговорчики в строю, – весело рыкнул Майор.

– Слышь, дядя, – обернулся к нему Адидаc, играя желваками, – мы пока что...

И вдруг взвизгнул истошно:

– Сзади!

Майор ухмыльнулся.

– Ты меня на испуг не бери, салабон. Таких как ты, чтоб меня напугать, дивизию нужно.

Проговаривая это, Майор на всякий случай шагнул в сторону, чтобы видеть одновременно и нас, и то, что возможно приближалось сзади.

Однако сделал он это недостаточно быстро.

Сзади на него катился огромный студенистый шар, сквозь который просвечивала лента примятой им травы. Я ясно видел, что трава не просто была придавлена к земле весом шара. Травинки корчились, словно живые, и медленно растворялись, превращаясь в полужидкую грязно-зеленую массу.

Рефлексы сработали раньше, чем я успел осознать опасность. Мои ноги толкнули тело вправо, и в полете я успел увидеть, как Майор долбанул по шару из гранатомета, а потом прошил его очередью крест-накрест. Однако это не остановило движения его желеобразного противника. Шар накатился на человека и подмял его под себя. Последнее, что я увидел, было проваливающееся в студень ухмыляющееся лицо Майора с кольцом от ручной гранаты в зубах.

Я прыгнул снова, уходя в кувырок.

Гранаты в руке и в подsumке Майора рванули почти одновременно. Взрывной волной меня ощутимо толкнуло в спину. Прокатившись по инерции пару метров на манер только что увиденного студенистого шара, я вскочил на ноги и выдернул из чехла нож. Автомат я бросил еще при первом прыжке – бесполезный груз без патронов, особенно если придется убегать со всех ног.

Убегать не пришлось. Всё было кончено.

Я вложил нож в ножны и вернулся. Не для того, чтобы посмотреть на то, что осталось от бравого «борговца» и глыбы студня. Мне нужно было подобрать автомат и пошарить по карманам Майора – если, конечно, после взрыва остались карманы.

Карманы остались, и в них уже копался Адидаc. При моем приближении он нехорошо ощерился и дослал патрон в патронник автомата. Видимо, он уже нашел, чем накормить свое оружие.

– Вали отсюда, придурок, – процедил он сквозь зубы. – Это мой хабар!

С этим трудно было не согласиться. Я слишком далеко отпрыгнул вместо того, чтобы спрятаться от разлетающихся осколков за телом одного из своих спутников, как это сделал

Адидас. Сейчас второй бандит валялся в траве с широко открытыми от удивления глазами, а по его зеленой бандане расплзалось темно-красное пятно.

Я знал, что Адидас прав – кто первый завладел хабаром, тот и есть его хозяин, – но мне стало интересно. Взрывы разорвали студенистый шар на несколько частей, и сейчас каждая из них, пульсируя и сокращаясь, ползала по траве. Жуткое зрелище, хотя и завораживающее. Так же, как и то ли измочаленный осколками, то ли наполовину переваренный труп Майора. От него осталось немного – голова и кусок туловища. На его чудом сохранившемся лице застыла улыбка. А изо рта все еще торчало кольцо от гранаты, застрявшее в раскрошившихся зубах.

– Чего уставился? – проворчал Адидас. – Сказано тебе – вали, пока цел.

– Что это было? – спросил я.

– «Перекасти-поле». То ли аномалия, то ли мутант, не разберешь. Некоторые думают, что это по новой мутировавшее квазимясо. Появились у Болот два выброса назад. Зона плодит уродов взамен сдохших. И каждый раз все более жутких и живучих. Не каждое «перекасти-поле» удастся разнести парой гранат. Разве только самому в него залезть да подорваться, как наш Майор, упокой его Зона.

– Эволюция, – сказал я.

– Че-го? – опешил Адидас. – Это кто?

Я не знал, что ответить. Слово пришло в голову само, и что оно значит, я тоже не знал. Но был уверен, что попал в точку.

– В общем, так, debil.

Адидас поднялся с колен и вытер руки о штаны. Я отметил, что на его штанах остались зеленовато-розовые разводы.

– Я тебе раз сказал, чтобы ты валил? Ты не внял. Ты захотел получить информацию. И получил ее. Так что не обессудь, в Зоне всё имеет свою цену. Гони мне свой нож за время, которое я потратил на тебя, и топай отсюда, пока я тебя не пристрелил.

– Ты не сможешь, – покачал я головой.

– Что не смогу? Нож, говорю, гони!

– Ты не сможешь... пристрелить, – сказал я, глазами показывая на его руки, сжимающие автомат.

Видимо, у «перекасти-поля» был гуманный желудочный сок. Поэтому Майор до сих пор продолжал улыбаться, хотя его лицо уже понемногу стекало по костям черепа вниз. Как и пальцы Адидаса, которыми он уже никак не мог нажать на спусковой крючок.

– Эволюция, – повторил я. – Это, наверно, чтобы другие... мутанты или люди не чувствовали боли вот этим...

Я положил пальцы на лоб. Слова мне еще плохо давались, и не все я мог ими объяснить.

– И не убегали... когда их едят... – добавил я.

Но Адидас меня понял и без этого. Он с ужасом смотрел на свои руки и на то, как стекает с фаланг пальцев его растворенная плоть. Зря он, конечно, полез голыми руками в карманы Майора. Откуда-то я знал, что жадность до добра не доводит.

Адидас завыл. Тонко и протяжно.

Это могло привлечь новых мутантов. Или людей. И неизвестно еще, что хуже. Поэтому мне ничего не оставалось, как вытащить нож и полоснуть им по горлу Адидаса. Ему же лучше – все равно ведь жить без рук наверняка очень неудобно.

Автомат Адидаса, магазины к АКС, пистолет, патроны к нему, а также непереваренные «перекасти-полем» консервы я аккуратно обтер карманом, оторванным от куртки Банданы. По клочкам материи, оставшимся от камуфляжа Майора, было видно – когда шар был жив, его интересовала только органика. Впрочем, она его интересовала и после смерти. Один из полупрозрачных кусков напелз на шею Адидаса и принялся словно губка впитывать кровь. К нему

шустро стали подтягиваться остальные. Вот один из них подполз поближе – и с неприятным чавканьем воссоединился с трапезничающим собратом. Следом еще один. И еще.

Я понял, что через несколько минут мне придется иметь дело с новым «перекати-полем». А гранат-то у меня не было. Поэтому, наскоро подобрав то, что еще можно было подобрать, я поспешил убраться из этого беспокойного места. Последнее, что я увидел, оглянувшись, – это был солидный кусок студня, наползающий на ноги ожившего Банданы, который, смотря прямо перед собой черно-красными глазами, дергался, снова и снова пытаюсь встать, чтобы дотянуться до искореженной взрывом «Грозы» Майора.

* * *

Нож Странника можно было носить не только на поясе. Два ремешка, скрытые в специальном кармашке, позволяли пристегнуть ножны к руке. Что я и сделал – уж слишком большой интерес вызвала «Бритва» у тех, кто ее видел. После чего надел куртку. Конечно, достать нож, не повредив рукав, стало проблематично, но в случае чего и фиг бы с ним, с рукавом. Куртка, как подсказывал опыт, в Зоне дело наживное...

Они расположились на самой кромке леса. Грамотно расположились. От стены деревьев их отделял искореженный взрывом ржавый БТР, впритык к которому они отрыли полнопрофильный окоп с приземистым бруствером. Четыре ствола перекрывали сектор на девяносто градусов, а ближайшие сто метров до бруствера были свободны от травы. То ли скосили, то ли «перекати-поле» пустили покататься. Во всяком случае, незаметно к ним не подобраться. Да мне это и не надо.

Мне нужны были люди. Люди – это еда и патроны. И неважно, как ты их добудешь – в обмен на что-то или заберешь даром у мертвых. На что менять необходимые мне вещи, я представлял слабо. А даром у них вряд ли что возьмешь – уж больно хорошо они окопались. Даже спираль «егозы» по верху БТРа пустили, чтоб сверху на них никто не спрыгнул. Но люди – это жизнь. Независимо от того, хорошо или плохо они окопались. И поэтому я шел прямо на них.

Судя по движению двух стволов, заметили они меня давно. Но пока не стреляли. Это было хорошо. Значит, хотят поговорить. Что ж, поговорим. Вроде как последние произнесенные мною слова дались мне почти без усилий.

– Стой!

Я остановился на границе выжженной земли. Все-таки не коса и не «перекати-поле». Огнеметом прошлись.

– Кто такой?

Голос был жутко противный, будто тупым ножом по ржавому боку БТРа провели. Я молчал. Мне самому очень хотелось бы узнать ответ на вопрос, заданный на редкость мерзким голосом.

– Какая группировка?

Это было совсем непонятно.

– На зомби вроде не похож. Немой, что ли? – вполголоса предположил другой голос, не намного приятнее первого. – Имя хотя бы у тебя есть?

С этим было проще.

– Снайпер, – сказал я.

– Ишь ты, крутое погоняло, – раскатисто хохотнул третий голос. – И чего я до такого не додумался?

– Это потому, Угол, что ты не головой, а другим местом мыслишь, – скрипуче пояснил тот голос, который первым меня окликнул. – Ладно, Снайпер. От автомата магазин отсоедини, затвор передерни – и ходи сюда.

Я повиновался. Патрон, вылетев, упал на землю. Я подобрал его, вставил в магазин, после чего сунул тот магазин в специальный чехол на камуфлированной штанине. Не очень удобно, когда сидишь, зато выдернуть – секунда времени.

– Вот, учись, Угол, как надо патроны беречь, – наставительно продолжил голос.

– А ты меня еще полечи, куда бабе хрен совать, – огрызнулся тот, кого называли Углом.

– И полечу, коли надо будет. Еще спасибо скажешь. Потому как твоя скудная фантазия на эту тему может предложить крайне ограниченный набор действий.

– Ладно, базар окончен, – грубо прервал дискуссию еще один голос. Принадлежал он небритой копии Майора, которая высунулась из-за бруствера. Копия прищурилась, отчего стала похожа на задумчивого бульдога, и, оглядев меня с головы до ног, качнула головой:

– Перелезай.

Я перелез через бруствер и, скользя на спине по утрамбованной земле, съехал в траншею, отрытую в полный рост. Через мгновение я был обезоружен, по моим карманам прошлась ладонь величиной с лопату, после чего меня прижали лопатками к брустверу и оттянули веко. Копия Майора, как и ее оригинал, недолго занималась исследованием моего глаза.

– Блаженный, – констатировала копия.

Габаритный мужик в черной униформе с красными вставками на груди, наверное, вряд ли приходился родственником покойному Майору. Но щекастая голова, посаженная на короткую шею, подозрительные, колючие глаза и широченные плечи выдавали в нем ту же породу профессиональных вояк, чьи манеры оставляют желать лучшего и судьба которых примерно одинакова.

Подчиненные командира, которого я про себя так и окрестил Копией, еще не доросли до физических кондиций начальника, но имели к тому все задатки. Их было трое. В той же черной форме с лычками на плечах, в отличие от четырех мелких звездочек, рассыпанных по погонам Копии. Крепкие, высокие, словно отштампованные на одном станке. Сходство усиливали одинаковые черные маски на лицах, оставляющие открытыми лишь рот и глаза.

– Чего помнишь? – спросила копия Майора.

Я перевел глаза на оружие, которое Копия небрежно держал в своей правой лапе.

– ВСС «Винторез», – сказал я. – Под специальные патроны СП-5 и СП-6. Предназначен для ведения бесшумной и беспламенной стрельбы на дальность до четырехсот метров. Принят на вооружение в восемьдесят седьмом году. Через год после...

Я зажмурился.

Ощущение было болезненным, словно льющийся из меня поток информации перерубили раскаленным клинком, и клинок тот прошелся по моим глазам изнутри. И зачем я выдал это «через год после...»? После чего?

– Точно. Через год после Первого Взрыва, – сказал Копия. – А больше ничего не помнишь?

Боль в глазах прошла так же внезапно, как и началась. Я осторожно приподнял веки.

– Чего шуришься, как китайский новобранец? Больше, говорю, ничего не помнишь?

– Не знаю, – пожал плечами я.

Я и правда не знал. Сведения об оружии всплывали в голове по мере того, как перед глазами появлялись новые образцы. А еще я знал, как им пользоваться. Остальное тоже было узнаваемо – трава, солнце, люди... И мертвецы. И шар, катящийся по полю. Возможно, я не видел этого ранее, но знал, что нужно с ними делать.

Как, например, сейчас.

Ощущение пришло внезапно. Словно со стороны моего левого виска ко мне стремительно приближались две ледяные точки. Именно две. Я четко различал их. Одна большая, другая поменьше. А не особенно далеко за ними чуть медленнее двигалась россыпь таких же точек.

Копия уже не держал меня, поэтому ничто не помешало мне рвануться, оттолкнуть одного из парней в маске и, припав к стационарному пулемету, дать короткую очередь.

С другой стороны бруствера раздался визг, перешедший в предсмертный хрип. В траншею свалилась собака. Слишком большая для того, чтобы инерцию ее бега погасила встречная пуля. Вторая, более мелкая, осталась лежать за бруствером. На месте глаз твари, которая свалилась в траншею, зияли две пустые дыры, заполненные гноем. Третья дыра, еще не успевшая заполниться желтой вонючей жижей, была как раз между ними.

– Волна мутантов! – прорычал Копия. – Рассредоточиться! Огонь по моей команде!

Парень, которого я оттолкнул, попытался в свою очередь отпихнуть меня от пулемета, но рык Копии остановил его:

– Блаженный остается у пулемета! Угол, ведешь огонь из «калаша»!

– Есть из «калаша», – отозвался парень. В его голосе звучали обиженные нотки.

Однако через мгновение ему стало не до обид. Как и остальным.

Две безглазые собаки, которых я почувствовал левым виском, просто были самыми резвыми. То ли голод, то ли охотничий азарт, то ли и то и другое вместе послужили причиной того, что они вырвались вперед основной группы мутантов, несущихся на блокпост. В группе было с полсотни особей, в которой ведущую роль играла чудовищная псина, по размерам больше напоминающая небольшую лошадь, с которой только что содрали кожу. Тварь неслась на нас, и в отличие от тех собак, которые бежали рядом с ней, в ее глазницах были глаза – черные, лишенные зрачков шарики с сочащимися кровью остатками белков по краям.

Что такое лошадь, я не знал, но сравнение в голову пришло именно такое. Автоматы Копии и его подчиненных поливали тварь свинцовыми очередями, но она продолжала нестись вперед, не обращая внимания на куски кровавой плоти, вырывающиеся пулями из ее тела. Она не чувствовала боли, и я знал, что отверстия от пуль причиняют ей беспокойство не большее, чем мне комары. Только злят. И подогревают желание побыстрее убить назойливых тварей, вставших на пути ее стаи.

Я чувствовал это желание. Именно оно сплотило вокруг черной собаки стаю более хилых безглазых собратьев. Ведь для них убийство – это еда. А еда – это жизнь.

А что для меня убийство?

«Тоже жизнь», – подумал я, нажимая на спусковой крючок.

Я знал, что убить тварь можно лишь одним способом. И что этот способ есть решение всей проблемы в целом. Поэтому стоило ли тратить лишние патроны? Ясно дело, что не стоило.

Пулемет твякнул дважды – и замолк.

– Стреляй, твою мать! – заорал Копия. И тут же добавил удивленно: – Ну ни хрена себе!

Два черно-кровавых шарика взорвались в глазницах твари. Она по инерции пробежала еще несколько шагов, но ее окончательно остановила автоматная очередь, выпущенная Углом, – хотя в ней не было особой надобности. К чему тратить боеприпасы на и без того мертвое тело?

Труп собаки с раскроенным черепом шлепнулся на землю, словно кровавый стейк на сковородку. Именно это сравнение пришло мне в голову. Оставалось выяснить, что такое стейк и сковородка.

С потерей вожака стая собак мгновенно превратилась в визжащий ком из лап, безглазых голов и тел, усеянных открытыми язвами и обрывками кожи. Задние напирали на передних, которые метались, потеряв направление движения, сбивали их с ног и падали сами. А всю эту кучу гнилой плоти поливали свинцом четыре автомата.

Дело завершила пара гранат, синхронно брошенных по команде Копии. Я выглянул из-за бруствера.

В десятке метров от меня разбитая, заросшая травой дорога превратилась в месиво из обрывков подрагивающей плоти, костей, крови и грязно-желтого гноя, перемешанного с землей и асфальтовой крошкой.

– Зачем? – спросил я. – После смерти вожака они бы и так разбежались.

Четыре пары глаз с недоумением уставились на меня. Немая сцена продолжалась секунд десять. Я почти чувствовал, как в головах этих людей ворочаются мозговые извилины, перемалывая информацию. Интересно, что я такого сказал, отчего они синхронно выпали в ступор?

– Это Зона, парень, – наконец сказал Копия. – Или мы мутантов, или они нас. Видишь мутанта – стреляй не раздумывая.

Я его не понял. Зачем стрелять в существо, которое не хочет тебя убить? Я видел, что Копия тоже не понимает меня. Но это было неважно. Я хотел есть, и эти люди могли дать мне пищу для того, чтобы жить. И патроны для того, чтобы защищаться. Поэтому я должен был подчиняться их законам. Пока что.

Я кивнул.

– Вот и хорошо, – сказал Копия. – Хоть ты и блаженный, но молодец, завалил-таки волкопса.

– Кого? – переспросил я.

– Вожак мутантов. За это будет тебе от «Борга» благодарность. В «Борге» всегда отдают долги.

– Но товарищ капитан, – пробормотал Угол, – директива генерала Грачева...

– С генералом я сам поговорю, – отрезал Копия. – А ты голос будешь подавать, когда научишься, как этот блаженный, очередь в два патрона мутантам глаза вышибать. Вопросы есть, товарищ солдат?

– Никак нет! – вытянулся в струнку Угол.

– О то-то ж. А теперь кругом – и на чистку пулемета.

– Опять я? – не выдержал Угол.

– Ты помолись Зоне, что я тебя под трибунал не отправил, – сказал Копия. – Третий сектор чей?

– Мой, – сник Угол.

– Стало быть, кто мутантов-то проворонил? Блаженному спасибо скажи.

– Спасибо, – процедил сквозь зубы Угол, бросив на меня взгляд, полный ненависти.

– Вот так-то лучше, товарищ солдат, – сказал Копия. – А теперь кругом и шагом марш выполнять приказание. А ты, блаженный, можешь пожрать и отдохнуть. Скоро смена придет и мы в казармы отправимся. Надеюсь, ты не против того, чтобы вступить в «Борг»?

Я пожал плечами. Мне было все равно. Я хотел есть и спать.

Копия протянул мне две консервы и большой сухарь.

– Воду в канистре возьмишь. Там кружка рядом общаковая, чтоб сподручней было фляги наполнять. После еды ополоснуть ее не забудь. Кстати, меня Тарасом звать. Погоняло Кобзарь. Ну, а как присягу примешь, кроме как «товарищ капитан» лучше не обращайся, а то сразу в челюсть огребешь. Усёк?

Я кивнул. Мне было все равно, как называет себя Копия.

Место мне указали в конце траншеи, где на нескольких досках лежал старый тюфяк. Я лег, свернулся клубком – и задумался.

Я подумал, что мало чем отличаюсь от волкопса, которого убил из пулемета. А еще я подумал, что так же, как эта помесь волка с собакой чувствовала членов своей стаи, посылая их в атаку на блокпост, я чувствовал пули, которые послал в него. Прицел не имел никакого значения. Я мог стрелять с закрытыми глазами. Я чувствовал цель и чувствовал оружие, которое держал в руках. Так насколько сильно я отличаюсь от того мутанта, который посылал своих бойцов, чтобы убить меня?

Вопрос был слишком сложным. И для того, чтобы на него ответить, мне явно не хватало информации. Поэтому я просто перестал думать и практически мгновенно заснул.

Снилось мне, что двое бойцов из команды Копии, чуть высунув головы за бруствер, внимательно следят за горизонтом, а сам Копия и Угол сидят на другом конце траншеи, курят одну на двоих кривую «беломорину», передавая ее друг другу и подолгу задерживая дым в легких, и ведут неспешную беседу, которую я слышу отчетливо, словно они сидят в двух шагах от меня.

– И на фиг тебе, Тарас, этот ушлёпок сдался?

Глаза Угла я тоже видел. Были они слегка осоловелые, но, тем не менее, отчаянно злые.

– Ты же знаешь блаженных. Через неделю он встанет на четвереньки, и будет в округе одним снарком больше.

– Или не станет, – степенно возразил Копия. – Бывали случаи, что сталкеры всё вспоминали.

– Один из тысячи. Или из двух. По кому загоризонтная РЛС прошла, тому нет возврата к людям.

– А ты знал тех, кто вспомнил? Хоть одного?

– Не довелось, – покачал головой Угол.

– Еще одна причина, почему ты старшина, а я капитан, – хмыкнул Копия. – А я знал одного. Он притащился на четвереньках в чем мать родила и неделю только скулил и пил воду. Ну снарк и снарк, только непереродившийся пока что. Казалось бы, пристрелить от греха подальше – и все дела.

– Ну?

– Вот тебе и «ну». Однако генерал Грачев – он тогда еще в подполковниках ходил – прикинул, что выполз тот блаженный из Черной долины, причем сразу после выброса.

– И что в этом такого?

Копия усмехнулся.

– Пару лет назад Черная долина вообще непроходимой была, это сейчас выбросы ее аномалии по всей Зоне раскидали. Тогда их в той долине было что грибов после радиоактивного дождя. Ну нереально было там человеку выжить, пусть даже непереродившемуся снарку. А уж тем более выброс пересидеть. В общем, любопытство его разобрало. И пошел он в рейд, прихватив с собой того блаженного.

– И что?

– И то, – хмыкнул Копия. – «Веселые призраки», «электроды» и «комариные плешки» с дороги того блаженного натурально расползались как живые твари, которых напугали до трясушки. А остальные аномалии он чуял не хуже псионика и просто обходил без всяких болтов. Тогда еще таких детекторов не было, как сейчас, потому от него «Боргу» вышло большое подспорье. Особенно по части глубоких рейдов в Зону. Потом к нему соображение помаленьку вернулось, и на корячках ползать он, само собой, тоже перестал. Только вот что до этого было, как он в Зону попал и что с ним после приключилось – как отрезало. Вот так-то.

– И что с ним потом стало?

– Потом, – вторично хмыкнул Копия. – Потом он в «Борг» вступил, и звание ему за заслуги присвоили. Потом еще одно. И следующее, вне очереди.

Копия понизил голос почти до шепота и, наклонившись к уху Угла, произнес:

– А теперь это наш полковник Павленко. Только не тренди об этом кому попало, не дай Зона, до его ушей дойдет. Тогда нам обоим несдобровать. Не любит он ворошить прошлое. Не иначе опасается, что его за мутанта считать станут.

– Ну дела... – протянул Угол.

– И теперь прикинь, старшина, своей головенкой, что бы было, если б тогда подполковник Грачев того блаженного пинками от блокпоста прогнал. И приполз тот блаженный на четырех костях, скажем, к «Воле». Разумеешь?

– Разумею, – криво улыбнулся Угол, щелчком отправляя вонючий «бычок» за бруствер. – Получается, загоризонтная радиолокационная станция кое-кому часть мозгов отключает, а взамен способности мутантов дает.

– Круче, чем у мутантов, – сказал Копия. – Не слыхал я, чтобы от ктулху или даже от психиков аномалии бегали. Или чтобы они из пулемета двумя выстрелами кому-то глаза вышибали. Сдается мне, что не ЗГРЛС это.

– Думаешь, Монумент?

– Думать можно что угодно, – фыркнул Копия, – а мне давно майорские звезды получать пора. А тебе – лейтенантские. Так что береги этого блаженного. Думаю, при хорошем раскладе он «Боргу» сильно помочь может.

Я не помнил, какими должны быть сны. Наверно, такими, что ты слышишь и видишь все, что происходит вокруг тебя на многие километры. Мне надоело слушать, о чем говорят Копия с Углом, и я взлетел, легко оторвавшись от земли.

И увидел Зону.

Мир, в котором мне предстояло научиться жить.

Черную, выжженную, мертвую землю с яркими, живыми пятнами, которые люди называли аномалиями. И ослепительным пятном, блистающим далеко на севере. Меня с непреодолимой силой потянуло туда, все мое существо рванулось навстречу свету и теплу... но вдруг снизу, с мертвой земли поднялась до неба черная стена. От нее веяло безысходностью, страхом и болью. Невидимая боль ударила меня, пронзив все тело миллионами разрядов, разрывающих мою плоть на части. Я попытался закричать пульсирующими остатками голосовых связок... и проснулся.

– Что, сталкер, корежит тебя? Ни хрена ужасного, переживешь.

Сейчас мерзкий голос Копии был для меня словно глас ангела. Кстати, надо не забыть узнать, что значит слово «ангелы». Мне еще многое надо было узнать. И желательно у того, кто уже побывал в моей шкуре. Если, конечно, сны не врут.

– Вставай, парень, смена пришла. На заводе доспишь.

Почему-то мне казалось, что на заводах не спят, а работают. Но я решил не доверять смутным и необъяснимым ощущениям, оставшимся у меня от прошлой жизни, о которой я ничего не помнил. Гораздо проще было доверять снам. По крайней мере в них было больше конкретной информации.

Старший новой смены отличался от своих подчиненных только количеством вышитых звездочек на плечах и пальцев на левой руке – их там осталось всего два из положенных пяти.

– Тоскливое это дело, Кобзарь, после тебя смену принимать. Как мутантов стрелять – так вы первые. А как падаль после себя сжечь – так это сменщикам оставляем. Так?

– Тебе, Пианист, один хрен делать нечего будет, – нимало не смутясь резким тоном начальника новой смены, ответил Копия. – Вот и займешься.

– Ты не вконец оборзел, Тарас? – тихо спросил тот, кого называли Пианистом.

– По ходу, это ты нюх потерял, – ответил Копия, словно невзначай кладя руку на свой «Винторез». – Если не в курсе, по новой поправке к Закону сменщики убирают за ликвидаторами. Повезет тебе отбить волну мутантов – я уберу за тобой без базара, если следующей будет моя смена. А если тебя что-то не устраивает – не вопрос, пригласи меня на арену. Ты же знаешь, я никому не отказываю.

Я слышал, как Пианист еле слышно скрипнул зубами перед тем, как, повернувшись к своей группе, отдать короткую команду. А еще я видел, как сверкнули ненавистью его глаза. Примерно так же, как у Угла. Странная манера у этих людей – ненавидеть тех, кто им не по зубам. Зачем тогда нарываться?

Многое мне было непонятно в этом мире. И во многом предстояло разобраться.

Мы покидали на дно траншеи рюкзаки с патронами и продовольствием, привезенные сменщиками, после чего влезли в бронированный автомобиль, на котором они приехали.

На крыше тупорылой машины, обшитой со всех сторон бронелистами, была смонтирована пулеметная турель. Мне показалось не очень удачным техническое решение, при котором двое сидящих сзади были вынуждены нюхать носки пулеметчика, вращающееся кресло которого находилось значительно выше. Но порадовало, что носки эти пришлось нюхать не мне.

– Слышь, парень, как тебя там. Полезай к пулемету, – бросил мне Копия, усаживаясь рядом с Углом, устроившимся на водительском сиденье. Про себя я отметил, что блаженным капитан меня не назвал. Хотя значения этот факт не имел никакого. Мне было достаточно того имени, которым меня назвал Странник. И какая разница, знают его другие или нет. Кто не знает – спросит. А кто не спросит – и хрен с ним, как сказал бы Копия.

Автомобиль тронулся по асфальтовой дороге, неизвестно зачем проложенной через редколесье много лет назад. В некоторых местах корни деревьев взломали покрытие, но в общем состояние дороги было вполне сносным для того, чтобы с относительным комфортом ехать со скоростью пятьдесят километров в час.

Угол управлял автомобилем, сосредоточенно вцепившись в рулевое колесо, что было неудивительно – с обеих сторон обочина представляла собой полужидкое месиво из зеленовато-коричневой грязи.

Наверху было лучше, чем в душном салоне автомобиля, куда воздух проникал только через бойницы. Правда, бойница перед моим лицом была значительно шире, и поток воздуха бил мне прямо в лицо, приятно освежая. Если, конечно, не обращать внимания на примешанные к тому потоку запахи болотной тины, сырости и мертвечины, которыми, кажется, было пропитано всё вокруг. Но я не обращал внимания на такие мелочи. Это был обычный запах мира, в котором я собирался научиться жить.

– На три часа по ходу движение, – прорычал Копия. – Пулеметчик, огонь!

Действительно, в указанном капитаном направлении жрал чей-то труп молодой кабан едва вылезшими из пасти клыками. Я знал – кабан уже почти сыт и нападать не собирается. Тем более на бронированную машину. Но Копия хотел огня. Что ж, он его получит.

Экономная очередь прошла ствол корявого дерева на два пальца выше головы зверя. Разрывные пули выдрали из мертвого ствола горсть трухи и щедро осыпали холку кабана. Тот хрюкнул от неожиданности, подпрыгнул и галопом чесанул в чащу.

– Попал? – осведомился Копия. Мы уже пронеслись мимо, и результатов стрельбы капитан видеть не мог.

– Да, – сказал я. Я действительно попал туда, куда целился.

– Молодец, – рыкнул Копия. – Так держать, товарищ солдат!

Я держал рукоять пулемета так, как мне было удобно, и не собирался менять положение рук. Непонятно, к чему Копия сказал эту фразу, но я не стал переспрашивать. Я уже понял, что люди говорят много ненужных слов, и для них это нормально. Поэтому я сказал то, что считал нужным:

– Лучше прибавить скорость.

Со своего места я видел, как Угол бросил вопросительный взгляд на капитана. Копия кивнул, и водитель вдавил педаль газа. А потом автомобиль поглотило пламя. Ненадолго, секунды на две. Однако этого было достаточно, чтобы внутренняя обшивка машины ощутимо нагрелась.

Автомобиль вильнул, нас тряхнуло, но Углу удалось справиться с управлением.

– Ты чего творишь, козлина блаженная! – заорал он. – В «жаре» решил нас спалить?

– Заткнись, – коротко бросил ему Копия. И, повернувшись ко мне, начал меня разглядывать. Интересно зачем. До этого, что ли, не рассмотрел?

– Ты аномалии чуешь? – спросил Копия, окончив осмотр.

Я пожал плечами. Когда воздух, бывший мне в лицо, принес ощущение тепла, я решил, что лучше проскочить очаг огня, чем объезжать его по бездорожью, рискуя застрять колесами в грязи. Думаю, что если бы на моем месте оказался любой другой, он почувствовал бы то же самое. Только, похоже, Копия думал иначе.

– С полчаса назад сменщики этой дорогой ехали, и не было на ней никакой «жары», – подал голос один из парней с заднего сиденья. – Они б сказали и на КПК отметили.

– Сам знаю, – буркнул капитан, отворачиваясь от меня. – Похоже, в Зоне движуха непонятная началась. То псы ни с того ни с сего дуриком на блокпост полезли, то «жара» не пойми откуда за час образовалась. Дела.

Больше за всю дорогу ни он, ни его бойцы не проронили ни слова.

Автомобиль вынырнул из редколесья, пролетел метров двести по черной, выжженной земле – и я увидел «Росток». То есть старый бронетранспортер БТР-90 со снятыми колесами. Ранее секретная разработка, выпускаемая под кодовым названием «Росток», не выдержав испытания Зоной и, видимо, получив невосстановимые повреждения ходовой части, была наполовину врыта в землю и превращена в долговременную огневую точку с вполне функциональной поворотной башней, снабженной автоматической тридцатимиллиметровой пушкой. То, что пушка функциональна так же, как и башня, было очевидно – иначе для чего невидимый наводчик столь оперативно повернул ее в нашу сторону?

«Росток» был врыт прямо перед воротами, над которыми имелась насквозь проржавевшая вывеска «Электромеханический завод».

При виде нацеленной на автомобиль автоматической пушки Угол немедленно сбросил скорость, а Копия сосредоточенно что-то забубнил в рацию. Однако наводчик БТРа продолжал держать нас под прицелом до тех пор, пока мы не остановились. Из импровизированного блокпоста вылез лейтенант и всунул нос внутрь нашей машины.

– Это кто? – спросил он вместо приветствия, ткнув пальцем в мои ботинки.

– Дед Пихто, – недипломатично ответил Копия. – Докладывать я буду лично Павленко.

– Не имею права пропускать на территорию неопознанные личности, – заупрямился было лейтенант. Однако Копия, взяв лейтенанта за погон, притянул его к себе и сказал на ухо несколько слов. После чего настроение несговорчивого офицера разительно переменялось.

Он отошел от машины с кислой миной и пробубнил что-то невнятное в висящую на его плече портативную рацию. После чего башня бронетранспортера с тихим жужжанием вернулась на исходную позицию, а толстые ворота медленно разъехались в стороны.

Наша машина медленно въехала на территорию завода.

Первое, что мне бросилось в глаза, был огромный плакат, прибитый над входом в какой-то полуразрушенный цех:

«Сталкер! На территории группировки “Борг” применение оружия строго запрещено! Нарушители расстреливаются на месте!»

«Странно, – подумал я. – Если применение оружия запрещено, то из чего же на месте расстреливаются нарушители?»

Автомобиль осторожно вписывался в узкие заводские улочки, то и дело рискуя зацепить бампером то ржавый электрокар, то стопку поросших зеленым мхом бетонных блоков, то кусок кирпичной стены, отвалившийся от просевшего в землю здания. Похоже, на территории «Борга» следили только за использованием оружия, но никак не за порядком и чистотой на самой территории.

Между тем жизнь в ветхих зданиях старого завода была ключом. Над дверями в бывшие цеха имелись надписи «Гостиница “Бэр”», «Арена», «Казино “Стронций”», «Бар “Грэй”». Люди входили и выходили из зданий, а то и просто сидели у костров, разведенных чуть ли не на дороге. Кто-то, пренебрегая услугами гостиницы, разбил палатку между двумя зданиями,

несколько человек грелись около бочки, внутри которой горел огонь, какой-то парень просто спал в кустах, завернувшись с головой в потертую куртку с капюшоном и обняв автомат.

Рядом с кустами были грудой навалены мешки с песком, между которыми имелся узкий проход. В проходе стояла бой-баба в черно-красном комбинезоне. То, что этого солдата группировки лучше назвать «бой-бабой», мне пришло в голову, когда я увидел две большие выпуклости, приподнимающие красные вставки костюма на уровне груди. Если бы не они, отличить «бой-бабу» от остальных «борговцев» было бы затруднительно, так как на голове этого нестандартного солдата имелась стандартная шерстяная маска с прорезями для глаз и рта, а в руках удобно, словно ручная такса, устроился тупорылый автомат АКС-74у.

Я собрался было спросить у Копии о значении термина «бой-баба» и заодно выяснить, что такое объемное спрятано под защитным костюмом странного солдата, но не успел. Угол довольно резко нажал на тормоз и заглушил мотор.

– Все свободны, – сказал Копия. – Кроме тебя.

Это уже относилось ко мне.

– Ты со мной.

Я не возражал. Тем более, что выбор у меня был невелик.

Мы вылезли из автомобиля.

– Я к Павленко, – сказал Копия. – Он со мной.

Бой-баба окинула меня подозрительным взглядом, но ничего не сказала и посторонилась, пропуская капитана. Интересно, что такое сказал Копия на ушко летехе там у КПП, что теперь неопознанную личность, то есть меня, везде пропускают, словно я прям свой в доску?

– И посмотри, что за фрукт там дрыхнет в кустах, – бросил Копия через плечо.

– Он не дрыхнет, – флегматично сказал вполне мужским голосом нестандартный солдат. Или солдатка? Интересно, вернется ко мне когда-нибудь память, чтобы я наконец разобрался в значении слов, которые я помню, но смысл которых остается для меня загадкой?

Копия остановился на полпути.

– А если не дрыхнет, вызови труповозку. Еще не хватало, чтобы он вонять начал. И автомат заberi.

– Есть автомат забрать, – так же флегматично ответила бой-баба.

– В оружейку сдать не забудь и оприходовать.

– ...ять, – тихо прошелестело за спиной.

– Все говорить надо, без приказа никто вшу на собственной заднице не поймает, – ворчал на ходу Копия.

Мы шли вдоль ряда одинаковых барачков, сложенных из кирпича и недавно покрашенных в уставной зеленый цвет.

– Это и есть настоящая территория «Борга», – пояснил капитан. – В отличие от того гадюшника.

Он кивнул в сторону оставшихся позади мешков с песком.

– А гадюшник зачем? – осведомился я.

– Жить-то как-то надо, – сказал Копия. – Сталкеров пускаем-охраняем, они торговцам хабар сбывают, водку в баре жрут, девок в гостиницу таскают, а нам со всего этого налоги идут. Государство получается, как ни крути. Генерал Грачев недавно официальный закон утвердил. Скоро суд откроется и тюрьма при нем. А там, глядишь, и вся Зона под «Боргом» будет. Так-то, сынок.

Со стороны «гадюшника» раздалась громкая бравурная мелодия, сменившаяся механическим хрипом, сквозь который прорезался голос:

– Сталкер! С каждым выбросом Зона расширяет свои границы. Наша задача остановить раковую опухоль, пожирающую планету. Вступи в «Борг», пока мутанты не сожрали твоих близких и пока твои близкие не стали мутантами. Убей тварь, тянущую грязные лапы...

Новый приступ механического кашля и хрипа поглотил слова невидимого оратора.

– Помехи передатчик глушат, – с досадой сказал Копия. – Не любит Зона, когда ей на хвост наступают. Да только «Борг» аномалиями да мутантами не возьмешь!

В его словах я почувствовал некую наигранную фальшь. Словно Копия сейчас рисовался перед кем-то невидимым, при этом отчаянно его опасаясь. Но мне было как-то наплевать, кто и чем собирался взять «Борг». Я уже поставил себе первоочередные задачи, и «Борг» имел к ним отношение постольку поскольку.

Пройдя ряд барачных, мы вышли на небольшой плац, по краям которого торчали вкопанные в землю металлические рамы, сваренные из тронутых ржавчиной труб, в которые были вставлены плакаты. Неправдоподобно громадный мужик в черно-красном комбинезоне, в традиционной маске и с автоматом, давящий ботинком крохотного клыкастого кабана, и подпись под ним: «Воин “Борга”! Защити наш мир от Зоны!» На втором плакате аналогичный защитник мира стрелял в человекоподобного монстра с красной бородой. И подпись: «Зона – это болезнь. Встречайте доктора!» На третьем был изображен борговец, тыкающий пальцем в зрителя. И подпись: «А ты записался в “Борг”?»

– Интересуешься? – улыбнулся Копия. Его улыбка напоминала оскал придавленного каблуком мелкого кабана на первом плакате.

Я промолчал. Какой интерес в нарисованных фигурах, местами слегка размытых льющимся с неба слабокислотным раствором?

За плацем стояло белое трехэтажное здание. Кое-где штукатурка отвалилась, обнажив краснокирпичную сущность стен, но в целом здание выглядело вполне прилично по сравнению с цехами «гадюшника». Над входом понуро висели подмокшие флаги – сине-желтый украинский и черно-красный борговский. Вход загораживал огромный детина, про которых говорят «что поставишь, что положишь». Не иначе, форму ему на заказ шили.

«Мутант, наверно», – подумал я. А потом подумал, что в обозримом прошлом живого человекообразного мутанта-то я и не видел, разве что на плакате.

«Значит, это будет первый», – решил я про себя.

А еще я решил не заморачиваться попусту. Определенно, мой изначально стерильный мозг по мере накопления впечатлений вытаскивал из своих темных углов остатки воспоминаний прошлой жизни. Которые мне кто-то очень постарался подчистить, но, видимо, преуспел не до конца. И кто этот «кто-то», мне тоже надо было узнать. Хотя бы для того, чтобы восстановить для себя картину прошлого. Потому что человек без прошлого – не человек, а так: зомби не зомби, дебил не дебил. В общем, не пойми что.

У «мутанта» были ленивые глаза профессионального палача. Он равнодушно скользнул взглядом сначала по мне, потом по Копии, потом снова по мне.

– Куда? – спросил «мутант».

Голос у него был бесцветный и тусклый, как кислотный дождь. Не тот, что периодически накрапывал в Зоне, заставляя сталкеров натягивать непромокаемые капюшоны во избежание преждевременного облысения, а настоящий. Который часто случается сразу после выброса и от которого не спасают ни капюшоны, ни даже армейские каски.

– В штаб, – лаконично ответил Копия.

На каменном лице «мутанта» не отразилось ни единой эмоции.

– Я понял, что в штаб. К кому?

– К Павленко, – терпеливо сказал капитан.

– Оружие сдай.

Это относилось ко мне.

Я снял с плеча автомат Адидаса и вручил его «мутанту».

– А в карманах что?

ПМ Странника тоже пришлось отдать.

«Мутант» для верности похлопал меня по карманам и ногам и, ничего не обнаружив, сказал:

– Сними куртку.

– Хорошо тут мужским стриптизом развлекаться, – поморщился Копия. – У нас срочное дело.

– У всех срочное, – буркнул «мутант» для того, чтобы сохранить лицо, но на куртке больше не настаивал.

– Проходите.

Мы поднялись по выщербленным ступенькам и вошли в здание.

В коридоре стоял еще один «мутант», охраняющий стеклянную пирамиду с черно-красным знаменем. В руках у него была гаусс-пушка, или, как ее ласково называли сталкеры, «гусенок», – страшное оружие Зоны, способное не только продырявить любой бронированный комбинезон, но даже пробить броню среднего танка. «Мутант» номер два при нашем приближении лишь чуть шевельнулся, корректируя ствол «гауссовки» так, чтобы он был направлен мне в голову. Так я и прошел до конца коридора, ощущая неприятное покалывание в области затылка. То ли это был страх, то ли воздействие используемого в «гауссовке» фрагмента артефакта «батарейка», который на самом деле на фрагменты дробить не рекомендуется – чревато, если ты не фанатик Монумента...

Меня замутило, и я остановился. Перед глазами поплыли красные круги.

– Что с тобой?

Я помотал головой, ничего, мол. Круги перед глазами таяли с той же скоростью, что и появились. Так сказать, временная контузия малопонятными мыслями, всплывающими в голове, словно старые трупы после взрыва гранаты в болоте.

Копия раздраженно фыркнул.

– Ну тогда не тормози. Давай, шевели щупальцами, нам на второй.

На втором этаже имелся ряд кабинетов. Возле некоторых из них стояли «мутанты» в масках и при оружии. Копия сунулся в ближайший кабинет, «мутантом» не охраняемый.

– Можно, трицц полковник?

– Заводи, – раздалось из глубины кабинета. – А сам сгинь пока.

– Есть.

Копия втолкнул меня внутрь и сгинул, почтительно притворив за собой обшарпанную дверь.

«Мутант» для охраны этого кабинета и вправду был бы лишним.

За столом сидел военный, шириной плеч превосходящий любого из своих подчиненных раза в полтора. В моей голове всплыл еще один «труп» – виденная где-то древняя кольчуга русского витязя, у которого ширина плеч превосходила длину кольчуги. Этаким лежащий параллелепипед. «Трицу полковнику» она подошла бы в самый раз. И откуда они такие берутся? Не иначе, действительно мутации.

На столе у полковника имелись лишь пять предметов – компьютер, селектор, пистолет, портсигар и полированный череп бородатого мутанта с плаката, плотно набитый сигаретными окурками. Для удобства складирования окурков верхняя часть черепа была отпилена, но под плохое настроение «бычки» порой пихались в глазные, ушные и ротовые отверстия, которых у черепа было несколько.

– Садись, – вместо приветствия сказал полковник, коротко кивнув на единственный стул.

Я повиновался.

– Курить будешь?

– Нет, – сказал я.

– Ладно.

Полковник ткнул в череп дымящимся «бычком» и, вытащив из портсигара свежую сигарету, прикурил ее от вонючей бензиновой зажигалки.

– А теперь говори, зачем пришел и откуда.

Я пожал плечами. Зачем и откуда, я не помнил. Эти «трупы», наверно, все еще лежали на дне болота и ждали своего «взрыва». Причем, судя по недавним кровавым кругам перед глазами, такого мощного «взрыва» я мог и не пережить.

– Понятно, – кивнул головой полковник. Голова у него была лысой и бугристой, как поверхность луны в ясную ночь. – Ни хрена не помнишь, говорить трудно, но мысли в башке не умещаются. И притом кажется, что с каждой минутой умнее становишься. Так?

Я кивнул. Точнее не скажешь.

– Капитан доложил мне по рации, что ты стреляешь как дьявол и аномалии чувствуешь. Так?

Зрительных ассоциаций с дьяволом у меня пока не было, а насчет стрельбы... Получалось, что другие стреляют хуже. Хмм... До этого я как-то не задумывался, что пули могут лететь не туда, куда ты их собирался послать. Рука дрогнет или еще что. Надо взять это на заметку.

– Аномалии не знаю, – сказал я. – Тепло чувствую, электричество тоже. Артефакт в «гауссовке».

– Понятно, – сказал полковник. Похоже, это было его любимое слово. – Мне тут торгош по имени Петрович видеофайл скинул, у него вокруг логова на столбах да на деревьях мини-камеры с датчиками движения понатыканы. Любопытный файл, надо сказать. Давно не было, чтобы «роженица» так далеко из Зоны выползала.

– Роженица? – не понял я.

– Аномалия, воскрешающая мертвецов, – пояснил полковник. – В Зоне их полным-полно, вреда от них никакого, и не проявляют они себя никак. Пока в них труп не попадет. Человека ли, собаки ли, кабана. Из человека получается зомби, а из мутанта – мутант в квадрате. Такого убить можно, только если мозг напрочь из гранатомета разнести, чтоб даже кусочка в черепе не осталось. Или голову отрезать. Многие раненые мутанты «роженицу» чувствуют и ползут в нее подышать. Вот такие дела. Стало быть, аномалия к Петровичу в гости приползла, а ты в ней четырех зомби уделал. Причем мозгов в то время у них было побольше, чем у тебя.

– А откуда...

– Откуда я про мозги в курсе? Сам такой был. И до сих пор не знаю, что со мной случилось до того, как в Зону попал. И знать не хочу. Поначалу жутко хотелось раскопать, что да как. Сейчас же до фонаря. Когда есть цель в жизни, прошлое не имеет значения. Тем более, если ты о нем ничего не знаешь. Поэтому очень рекомендую тебе поскорее обзавестись хорошей целью. Например, в составе «Борга» полностью взять Зону под контроль, очистив ее от мутантов и всякого сброда. Ты не хочешь поучаствовать в создании нового государства? «Боргу» не помешал бы такой снайпер, как ты.

Я покачал головой.

– У меня есть цель, – сказал я.

Полковник нехорошо прищурился.

– И какая же, позвошь узнать? Уж не упомянутое ли мной стремление раскопать свое старое дерьмо?

Я покачал головой.

– Нет. Мне надо узнать, кто такие «ангелы».

Петренко внимательно посмотрел на меня, потом криво ухмыльнулся.

– Группировка. Которую мы вырезали подчистую с год назад. Религиозные фанатики. Считали себя воинами апокалипсиса, а Зону – его началом. В последнем они, возможно, были правы, но у нас свои взгляды на проблему. В общем, та же нечисть, что и остальные. Еще вопросы будут?

Вопросы были. Два. На первый полковник уже частично мне ответил, остальное я раскапаю сам. Что ж, может, со вторым поможет.

– Мне нужно найти Директора.

На мгновение мне показалось, что кто-то невидимый долбанул прикладом «гауссовки» по макушке полковника. Он поперхнулся сигаретным дымом и уставился на меня, словно я ни с того ни с сего превратился в псионика.

Дьявол!

Кто такой псионик, я тоже не знал, и наличие в моей голове непонятных для меня слов и выражений начинало серьезно раздражать. Впрочем, кто такой дьявол, я тоже не знал, но слово пришлось очень кстати.

Тем временем полковник очень аккуратно ввинтил в гору окурков очередной «бычок» и медленно положил руки на стол рядом с пистолетом.

– А зачем тебе Директор? – вкрадчиво спросил он.

– Нужен, – сказал я. – Последняя воля умирающего.

Полковник подобрался. Сейчас он был похож на готовую к прыжку черную собаку.

– Странник тебе что-то дал для Директора? – быстро спросил он.

Я отрицательно качнул головой. Для Директора Странник мне ничего не давал, да и мудрено ему это было сделать с искалеченными руками. Он лишь сказал слова, а потом я вскрыл его ботинок.

– Тогда зачем тебе Директор?

– Воля умирающего, – повторил я.

– Та-ак, – протянул Павленко. – Значит, воля умирающего, говоришь?

В третий раз я повторять не стал. Сколько можно?

Полковнику повторения и не требовалось. Ему требовалась новая сигарета. Он достал портсигар, раскрыл его и некоторое время скреб волосатыми пальцами по гладкому серебру, при этом уставившись почему-то на череп мутанта. Со своего места мне было видно, что портсигар пуст. Странно. Интересно, долго он еще будет точить ногти?

Оказалось, недолго. Павленко оторвался от черепа, раздраженно захлопнул портсигар, швырнул его на стол и нажал на красную кнопку, вделанную в стену рядом со столом. В коридоре тренькнул звонок, и буквально в ту же секунду в кабинете возникли двое – Копия и один из коридорных «мутантов».

«Небось, сейчас их за сигаретами пошлет», – подумал я.

И ошибся.

– Увести, – произнес полковник. – И расстрелять.

Я не сразу понял, что сказанное относилось ко мне. И поэтому даже не успел шевельнуться, когда жесткие клешни схватили меня за руки и заломили их за спину, а запястья захлестнула петля.

Потом меня сдернули со стула и подняли на ноги. Вокруг запястьев обвилось еще несколько витков холодного полимерного шнура, больно врезавшегося в кожу.

«При такой вязке через час кисти лучше будет отрезать», – промелькнуло в голове. Интересные, однако, сведения имеются в моей голове. Только буду ли я сам жив через час?

– Проведете по-тихому черным ходом за пищеблок, там разденете, рассчитаете и закопаете в контейнере с отходами. Потом подгоните погрузчик, вывезете контейнер обычным путем и типа случайно утопите в болоте. Одежду сложите в мешок и сдадите в лабораторию на исследование. Вопросы?

– Контейнер позавчера вывозили, он еще на две трети пустой, – по-хозяйски озабочился «мутант». – На посту вопросы могут возникнуть.

– Я распоряжусь, чтоб не возникли, – сказал полковник. – Выполняйте.

И ткнул кнопку селектора.

– Есть выполнять! – рявкнули борговцы. Но полковник их уже не слушал.

– Дежурный, – прорычал он в тушку селектора, отчего та завибрировала металлическими кишочками, – пришли кого-нибудь пепельницу очистить! Твою мать, пока не напомнишь, никто и не почешется!

* * *

– Он что, сам окурки выбросить не может?

Меня вели по подземному ходу.

База борговцев была продумана до мелочей. Прямо в кабинете полковника Павленко имелась винтовая лестница, искусно скрытая в поворотной стене. По этой лестнице меня спустили вниз, поддерживая за воротник куртки, и теперь вели вдоль сырого тоннеля, подсвечиваемого тусклыми лампочками, висящими на проводах под потолком.

Я прекрасно осознавал, куда меня ведут и зачем. Непонятно было – за что? В моей и без того полупустой голове накопилось слишком много вопросов, и почему-то сейчас помимо моей воли озвучился наиболее дурацкий.

– Он может, – сказал Копия. – Только лишний раз сервомоторы сажать не хочет.

– Какие моторы?

Еще один дурацкий вопрос. Какая разница, какие моторы, когда тебя на расстрел ведут? Но Копия ответил:

– У полковника ног нет. Вместо них протезы, сконструированные на базе экзоскелета.

– Ясно, – сказал я.

– А мне не очень, – проворчал Копия. – И за что он тебя приговорил?

– Какая разница за что?

Из дырок в маске нехорошо зыркнули белесые глаза «мутанта».

– Ног нет, зато голова есть, потому он и полковник. Будь моя воля, я бы вообще всех этих сталкеров...

– Пока воля не твоя, лейтенант, – отрезал Копия. – Поэтому заткни хайло и выполняй приказ!

«Мутант» еле слышно скрипнул зубами, но заткнулся. Дисциплина у них в «Борге», надо признать, была на уровне.

За что меня приговорил Павленко, было и мне непонятно, поэтому я промолчал. Да и не до разговоров было. Повинуясь толчку стволом в лопатку, я повернул в одно из ответвлений подземного хода и уперся в очередную винтовую лестницу. Подъем осуществили по той же схеме, что и спуск, правда, здесь наверху был люк. Впереди шел Копия, он люк и открыл, предварительно введя код на панели, привинченной к стене ржавыми болтами. Подняться по лестнице мне «помогал» «мутант», больно пихая стволом автомата в позвоночник.

Наконец восхождение закончилось. Мы поднялись наверх, и сразу же меня накрыло вонью гнилой капусты, тухлого мяса и лежалых объедков.

Это была обычная помойка с заляпанным присохшей кашей ржавым мусорным контейнером, стоящим у длинной грязной стены столовой с черной железной трубой, торчащей из крыши. Рядом с контейнером притулился переоборудованный под погрузчик старый ГАЗ-66, готовый принять на свою железную спину вонючий гроб с моим телом. А еще я увидел угол забора, собранного из бетонных панелей, на одной из которых имелось небрежно замкнутое бурое пятно.

– Ну что, парень, становись где больше нравится, – сказал Копия, досылая патрон в патронник своего «Винтореза». – Не по душе мне все это, но приказы начальства не обсуждаются. Не обессудь уж, у каждого из нас своя судьба. И упокой тебя Зона. Только сначала нож мне подари.

– Ты о чем, капитан? – спросил «мутант», тоже беря на изготовку свой «калаш». – Какой нож?

– Тот самый. Мне майор Хруст перед смертью на наладонник скинул. Этому снайперу Странник, умирая, «Бритву» подарил.

– Да ну? – подивился «мутант». – Ту самую?

– Точно, – кивнул Копия. – Легендарный нож. Ничем не затупишь, даже кость ктулху перерубает.

Теперь я понял, почему Копия не настоял на детальном обыске при входе в штаб. Знал заранее, чем все закончится? Или предполагал?

Я понял того парня, который не захотел умирать возле мусорного контейнера. И, подойдя к бетонному забору, встал у стены, прикрыв спиной бурое пятно.

– Стреляй давай, – сказал я. – С трупа снимешь.

– Э нет, – покачал головой Копия. – К легендам Зоны мы имеем уважение. «Бритву» можно продать. Или подарить. Или в крайнем случае снять со случайно найденного тела, убитого не тобой. Тогда от нее новому хозяину будет одно сплошное уважение и подспорье. А вот отнять никак нельзя. Потому как «Бритва» отомстит. Подари, Снайпер, чего тебе стоит? Клянусь, шлепну так, что ничего не почувствуешь.

Я усмехнулся.

– Со связанными руками?

– А ты осторожно пальцами под рукав залезь и «Бритву» вытащи, – посоветовал Копия. – Для такого ножа шнур – что нитка.

Такая мысль приходила мне в голову, когда мы шли по коридору, но то ли случайно, то ли нарочно ствол «Винтореза» Копии пару раз ткнулся мне в ладони, словно давая понять, что дергаться не стоит. Теперь было понятно, что не случайно.

Руки мне Копия связал тоже с умыслом. Именно так, чтобы я мог достать нож и перерезать путы. Что ж, если есть возможность пожить еще пару минут, почему бы ее не использовать?

– А поближе подойти боишься? Как подарок-то забирать будешь?

Два ствола, готовые выплюнуть кусочки нагретого свинца, смотрели мне в грудь. Два пальца лежали на спусковых крючках. Две пары внимательных глаз смотрели за каждым моим движением, не реагируя на мою вялую попытку вывести их хозяев из равновесия. Шансов не было.

Обрезки шнура упали на землю.

– Теперь не торопясь поверни нож лезвием к себе и кидай подарок сюда, – сказал Копия, выделив голосом слово «подарок».

«Что ж, подарок так подарок, – подумал я, медленно отводя руку назад. – Только затем ли дарил мне его Странник, чтобы я через день дарил его кому-то другому?»

Мысль была такой же медленной и плавной, как и мое движение. Как дыхание, которое замедлилось у меня в груди. Как биение почти остановившегося сердца. Как почти синхронное опускание век, смачивающих слезной пленкой глазные яблоки «боргов» и одновременно на долю секунды прикрывающей их зрачки.

На очень долгую долю секунды...

Вполне достаточную для того, чтобы сместиться в сторону от пятна на заборе и бросить нож рукоятку вперед в точку, расположенную как раз между глазных яблок «мутанта». И метнуться следом за ним подобно ленте, привязанной к гайке, которая летит, пущенная рукой сталкера, в вихрь молний, потрескивающий над серой лентой разбитой асфальтовой дороги.

Такой вот странный образ возник у меня перед глазами. А потом пошла смена кадров. «Мутант», заваливающийся на спину. Моя рука, подхватывающая падающий нож. Поворачи-

вающийся в мою сторону ствол «Винтореза». И блеск клинка, рассекающего напополам мечту любого сталкера Зоны.

И взгляд Копии. Сначала на меня, а после – на две половинки своего снайперского комплекса, которые он все еще продолжал сжимать в руках, словно от этого части «Винтореза» могли срастись.

– Ох, ёпт... Ну ни хрена себе!!!

Из остатков снайперского комплекса на землю высыпались три маленьких кусочка металла.

А потом я увидел глаза Копии. И мне понравилось то, что я в них увидел.

Капитану «Борга» было все равно, двинется ли моя рука в обратном направлении, вскрывая ему брюшную стенку, или останется там, где находится сейчас. Копия откровенно любовался идеальным разрезом, располовинившим его оружие.

– А я думал, что это сказки про самурайский меч, которым япошка во время Второй мировой пулеметный ствол разрубил, – сказал Копия.

Я подобрал с земли укороченный АКС «мутанта» и вложил «Бритву» обратно в ножны. Из фразы Копии я понял только что-то про пулемет, остальное мне было пока недоступно.

– Разгрузку на землю, – сказал я, направляя автомат в живот капитана. – И не дергаться.

Копия улыбнулся, но перечить не стал. Разгрузка шлепнулась на землю, словно набитая икрой жирная жаба.

Продолжая держать Копию на прицеле, я подошел к лежавшему в отключке «мутанту» и с неожиданной для себя сноровкой обыскал его разгрузку, разжившись парой гранат, четырьмя снаряженными магазинами к автомату, стандартной армейской аптечкой, набором для выживания, наладонником и десятком высококалорийных белково-углеводных батончиков импортного производства.

– Ишь ты, запасливый хомяк, – хмыкнул Копия.

Похоже, ситуация здорово его веселила. Или нервировала. Или и то и другое вместе.

– Хотя ясно дело, что обычной армейской пайкой такую тушу не прокормишь. Очнется – надо будет поинтересоваться, на что и у кого он всё это выменял. Или прикупил, – добавил капитан, увидев, как я достаю из кармана «мутанта» пачку цветной резаной бумаги с изображениями знакомой мне головы.

Сухая бумага могла подойти для растопки костра, поэтому ее я тоже сунул в карман своей куртки, где уже имелась стопка аналогичных бумажек. Потом соразмерил плечи «мутанта» со своими и с сожалением отказался от мысли переодеться в его костюм – с такой маскировкой мой план имел бы гораздо больше шансов на успех.

– И как ты собрался отсюда сваливать, дружок? – участливо спросил Копия, забрасывая обрезки «Винтореза» в мусорный контейнер. – Через пять минут полковник обеспокоится отсутствием связи, и придет тебе закономерный конец, упокой тебя Зона.

– А не боишься, что она быстрее тебя упокоит?

Прогресс был налицо – произносить слова становилось все легче и легче. Как и думать, кстати. Вот план созрел, например, как покинуть не в меру гостеприимную базу группировки «Борг». Дьявол его знает, удастся не удастся, но что-то делать всяко лучше, чем стоять у бетонной стенки, готовясь обновить плохо замытое пятно.

– Так все там будем рано или поздно, – пожал квадратными плечами Копия. – И какая разница, чуть раньше или чуть позже?

– Есть разница, – сказал я. – Мне к Директору надо.

Копия прищурился.

– К Директору? Тебе? А за каким хреном?

– Воля умирающего.

– Понятно.

Копия почесал небритый подбородок.

– Из-за этого тебя Павленко в расход списал?

Всё сходилось. Ведь именно после моих слов о Директоре на физиономии полковника появился тот же злобный прищур, похожий на две амбразуры дота, что сейчас был на лице капитана. И приказ о моем расстреле прозвучал сразу после них же.

Я кивнул.

– Что ж, может, он и прав по-своему, – задумчиво протянул Копия. – Центр Зоны лучше не тревожить. Только, по-моему, все равно это неправильно, чтобы трёхнутого Зоной человека не разобравшись в расход пускать. Может, это у него просто глюк такой. Но глюк не глюк, а уважаю, – подвел итог своим раздумьям капитан. – За то, что цель у тебя есть. Конкретная. И настоящая. Чего нет у большинства здесь.

Он неопределенно кивнул в сторону стены пищеблока.

– Потому, думаю, что свезло тебе сегодня, парень, во второй раз. А на будущее запомни – борговца автоматом не напугать и на мякине не провести. Ты не иначе решил, что сейчас меня за руль посадишь, а сам под «торпедой» с автоматом скукожишься и такой комбинацией мы через пост проедем?

Я удивился – Копия определенно умел читать мысли.

– В чем-то ты прав, а в чем-то – не очень. Например, не учел ты, что на посту дежурный обязан в кабину заглядывать. Именно для предотвращения таких комбинаций. Потому придется тебе мне довериться. Вывезу я тебя в Зону, а там уж молись тому, кого помнишь. Или сам себе бога придумай – в Зоне порой придуманные сущности во плоти проявляются.

Наверно, на моем лице отразились сомнения, потому что Копия презрительно фыркнул.

– Не веришь? Слова борговца для тебя недостаточно?

Мне было недостаточно, но особо выбирать не приходилось. Тем более что капитан достал из кармана свой наладонник, поднес его ко рту и буркнул в микрофон: «Задание выполнено, товарищ полковник».

– Если что, я гранаты взорву, – пообещал я, подбирая с земли разгрузку капитана и надевая ее на себя.

– Взорви, – разрешил Копия. – Но сначала давай-ка, помоги друга-товарища в контейнер закинуть. А то очнется, разорется раньше времени и всю мазу тебе испортит.

Я не успел оглянуться, как «друг-товарищ» был спеленут словно младенец таким же шнуром, каким был только что связан я, а во рту у него оказался специальный кляп, фиксируемый на затылке ремешком на «липучке».

Несколько удивленный таким поворотом событий, я, ухватив «мутанта» за ноги, помог капитану закинуть неподвижное тело в контейнер.

– Хорошо ты его приложил, – сказал Копия. – А теперь давай следом за ним полезай. И чтоб ни звука. Начнет дергаться – разрешаю добавить. Только не убивай, а то потом «Борг» год за нами по всей Зоне гоняться будет, про артефакты позабывши...

От концентрированной вони, помноженной на тряску, я слегка прибалдел, но за чеку верхней гранаты на разгрузке капитана держался крепко, сконцентрировав на ней все внимание и твердо решив в случае чего одним движением руки разом решить все проблемы. Пожилой «газон», пересчитав внутри базы «Борга» все выбоины и трещины разбитого асфальтового покрытия, остановился. Не иначе как на посту.

Минута... Вторая...

Я уже начал задыхаться. Когда мусоровоз еще ехал, струйка воздуха худо-бедно просачивалась под неплотно пригнанную крышку контейнера. Сейчас же и этого не было. Появилась мысль, что если еще минут пять машина не тронется с места, то проще будет взять автомат «мутанта» и застрелиться, благо он укороченный и для такого дела весьма удобный. Потому

как смерть от помоечных ароматов – это совсем уже не дело для мужика, пусть даже с полупустыми мозгами.

Однако машина тронулась и набрала скорость. Тряска усилилась. Выждав минут десять, я мощно пнул крышку снизу вверх – будь что будет – и вынырнул из контейнера как карась, случайно попавший в кучу дерьма.

Однако пока что стреляться или рвать гранатную чеку надобности не было. «Газон» неся по Зоне.

А следом за ним бежала стая громадных кабанов с налитыми кровью глазами.

Непонятно, кем представилась им грохочущая куча старого железа – то ли чудовищем, покусившимся на их территорию, то ли передвижной пороссячьей кухней, испускающей шлейф запахов, столь сладких для любой, пусть даже мутировавшей свиньи. Однако намерения тварей с вылезающими из пастей клыками длиной в мою ладонь были весьма очевидными. Также не оставляло сомнений, что в случае успешной погони меня, насквозь пропахшего отходами, ждет участь этих самых отходов.

Не в моих правилах стрелять в животину, которая просто бежит мимо по своим делам, не покушаясь на мясо, обросшее вокруг моих костей. Однако если это мясо вызывает в ней устойчивый гастрономический интерес, то извините, звери, но вы не оставляете мне выбора.

Первая граната легла немного позади стаи, наподдав задних кабанов взрывной волной и слегка хлестанув осколками по их филейным частям. Немедленно раздался истошный визг задних, и следом недовольный рев тех, кто неся в середине – кое-кому досталось клыками собратьев под хвост. Несколько кабанов, не разобравшись в чем дело, сцепились друг с другом, но ситуацию в мою пользу это не решило. Что такое стая в две сотни голов, от которой откололся десяток? Одним словом, перелёт. Получается, гранаты кидаю я не так хорошо, как стреляю. Или же практики давно не было.

Вторая граната легла точнее. Центр стаи посекло в фарш из радиоактивной свинины. Но каждая кабанья туша была для собратьев своеобразным мясным щитом весом под полтонны. В этих щитах и застряло большинство осколков, не причинив стае в целом существенного вреда. Твари были на редкость невосприимчивы к боли. Я заметил, что у одного кабана осколки порвали артерию и выхлестнули глаз. Однако он продолжал нестись вперед не сбавляя скорости, словно ни в чем не бывало.

Третья граната. Четвертая. Пятая... Последняя.

Стая уменьшилась наполовину. За ней по дороге тянулся дымящийся кровавый след.

– Стреляй, твою мать!!!

Я обернулся на голос, перекрывший рев мотора. Как раз для того, чтобы увидеть, как в кабине скрывается коротко стриженный затылок Копии.

Рука автоматически поставила предохранитель автомата на одиночные. А в мозгу почти ощутимо заработала машина, выдающая в сознание сведения, о наличии которых я и не подозревал.

«Лоб мутировавшего черномыльского кабана покатый. При малейшем отклонении линии выстрела в сторону возможен рикошет. Поэтому поражать рекомендуется либо глаза, либо суставы передних коленей при наличии достаточной огневой мощи».

Вряд ли тупорылый АКСу можно было считать достаточной огневой мощью. Тем не менее я оторвал одну руку от борта контейнера и, пытаясь таким образом сохранить равновесие, стоя к тому же по колени в крайне нестабильной куче мусора, начал методично расстреливать тварей, чьи морды уже почти доставали задние колеса «газона».

Да, я чувствовал пули, словно стрелял не свинцом, разогретым пороховыми газами, а управляемыми кусочками собственной плоти. Да, словно продолжение собственной руки ощущал я автомат, мало пригодный для прицельной стрельбы с раздолбанного грузовика, летящего вперед на предельной скорости. Но при всех этих составляющих, похоже, кабаны Зоны тоже

каким-то образом чувствовали мои намерения, и от уже вылетевшей из ствола пули порой ухитрялись либо отклониться в сторону, либо принять ее тем самым пуленепробиваемым черепом, от которого свинцовые цилиндры отлетали, оставляя на башке твари глубокие рваные раны, тем не менее не причинявшие кабану существенного вреда.

К тому же меня вдруг чем-то сильно долбануло по подколенному сухожилию. Я упал на одно колено и чуть не выронил автомат. Второй удар пришелся по внутренней стороне бедра.

Резко развернувшись всем корпусом, я вслепую махнул автоматом как дубиной, уже зная, куда и по чему попаду.

Ну конечно!

От тряски и вони пришел в себя связанный «мутант», который сейчас, извиваясь, словно гигантский червяк, пытался снова достать меня подошвами и носками своих армейских ботинок.

Удар горячим стволом пришелся ему в шею, схожую с шеей ближайшего кабана, преследующего грузовик. Та же колонна жилистого мяса с насаженной на нее тупой башкой, которой мой удар что пощечина. Только злости добавляет.

Злости у борговца и без того было немерено – на десятерых хватит. Как и дурной силы. Его лицо вдруг стало багровым, словно прокисшая свекла, на шее канатами вздулись вены, шнур, стягивающий его руки, глубоко врезался в мясо – и лопнул. Повинуясь инерции движения, лапищи «мутанта» разлетелись в стороны, словно он собирался меня обнять, одна из них выбила из моих рук автомат...

И тут грузовик подбросило.

Возможно, это была аномалия. Возможно, просто выбоина дороги. А может быть, какой-то не в меру мощный кабан все-таки смог догнать машину и поддеть ее снизу. Только это было уже неважно. Потому что я летел в «объятия» здоровенного борговца, понимая, что через мгновение его нереально мощные руки легко и непринужденно свернут мне шею.

Единственное, что я смог сделать, это выбросить вперед кулак с согнутым в суставе указательным пальцем. Который и воткнулся в лицо лейтенанта чуть ниже мощной надбровной дуги.

У каждого есть свой болевой порог. У кого-то низкий – порезал палец и в обморок. У кого-то повыше – из такого жилы тяни, молчать будет. Из принципа или из вредности, что зачастую есть одно и то же. Но когда глазное яблоко вдавливают человеку в череп, тут на одной вредности не выедешь. Тут природа заставляет рычать от ярости, но запрокидывать голову назад. Потому что тех яблок только два и третьего не будет.

Яблоко свое борговец спас, но и я в капкан из его рук не попал, а, оттолкнувшись от головы «мутанта», извернулся в воздухе и приземлился спиной на кучу мусора. Под лопатку больно ударило что-то острое – не иначе край консервной банки – но это было уже не особенно важно.

Не достав меня руками, лейтенант рванулся к автомату. Если бы у него не были связаны ноги, тут бы и была поставлена во всей этой истории жирная свинцовая точка. А так рывок с первого раза не удался. Немного, от силы на полметра. «Мутант» бросил на меня быстрый взгляд и нехорошо оскалился. Мне дергаться вообще не имело смысла – лейтенант лежал как раз между мной и автоматом. И чего мне стоило кувыркнуться в другую сторону?

Эту мысль я додумывал уже в полете. Машину подбросило во второй раз, и я, не став дожидаться, пока «мутант» дотянется до автомата, перебросил свое тело через борт контейнера – будь что будет.

Но мой организм никоим образом не желал погибать под копытами кабаньей стаи и сделал всё лучше, чем я мог предположить. Мои пальцы стальными клещами вцепились в борт контейнера, после чего меня с силой шмякнуло грудью о его железную стенку. Дыхание перехватило, но главное было сделано – между мной и «мутантом» теперь был металл толщиной

миллиметра три. И десять секунд времени на то, чтобы найти другое, более оптимальное решение для спасения самого себя. Ибо через десять секунд лейтенант окончательно освободится от пут и обязательно проверит, куда это делся недостреленный смертник, чуть не лишивший его глаза. Или же бегущий сбоку от машины ближайший кабан подымет клыкастую башку, соображая, что это за пара аппетитно пахнущих ботинок болтается у него перед носом.

За пять секунд мне удалось встать носками на узкий край платформы, на которой стоял контейнер. А потом все произошло одновременно.

Словно со стороны увидел я кабана, поднимающего снизу страшную морду с налитыми кровью глазами, себя, цепляющегося за край вонючего контейнера... И перевешивающегося через этот край бортовца с автоматом в руке.

Но стрелять лейтенант не собирался. Словно в замедленном фильме начал подниматься вверх огромный кулак, чтобы последующим резким движением размозжить мне пальцы. Много не надо. Один удар – и, лишившись опоры, я полечу навстречу желтым клыкам, заляпанным коркой засохшей крови.

Много не надо. Один удар...

И, сам не зная, зачем я это делаю, я ударил. Со всей силы. Подошвой ботинка Странника по какой-то железной палке, торчащей из платформы возле кабины водителя.

В ту же секунду машину снова подбросило. Так же, как подбрасывало и до этого. Однако теперь ничем не удерживаемый контейнер рывком сдвинулся и со страшным скрипом поехал назад. И тут я понял – от отчаяния я треснул ногой по рычагу фиксатора, удерживающего контейнер на платформе мусоровоза.

Мне опять повезло. Огромное металлическое корыто не расплющило в ласты мои стопы, а поехало под углом, буквально затащив меня на платформу. Я вовремя отцепил пальцы от его края и увидел удаляющееся от меня растерянное лицо лейтенанта, мусорный контейнер, срывающийся с платформы и веретеном прокатившийся по кабаньей стае... И оставшуюся после него жуткую дорогу из раздавленного мяса и кабаньих костей.

А еще я увидел, как словно по команде остатки стаи синхронно сбавили скорость и бросились к рассыпанным по асфальту отходам. Я не видел, что стало с лейтенантом, – да и не хотел видеть. Мне было не до того. Сейчас надо было любой ценой удержаться на платформе грузовика, который Копия продолжал гнать, выжимая из мотора все, на что была способна старенькая машина, несущаяся по разбитой дороге.

* * *

– Вот уж никогда бы не подумал, что черныбыльский кабан способен бежать вровень с машиной. Не, ну понятно, что надо было как-то аномалии и дырки в асфальте объезжать, чтоб колеса на дороге не оставить, но все равно – свиньи свиньями, а восемьдесят в час выдали к гадалке не ходи. По новой, что ли, мутируют, твари?

– Эволюция, – снова зачем-то произнес я непонятное слово.

– Точно. Она самая, – сказал Копия. – И Дарвин при ней по Зоне шастает. С выжженными мозгами. Помаленьку эволюционирующий в терминатора. Ты от платформы-то отцепись и иди в ручье сполоснись. Я проверил, вода там нормальная. А то несет от тебя, как из выгребной ямы, того и гляди кабаны по-новой сбегутся.

Я огляделся и действительно обнаружил себя лежащим на склизкой от пищевого жира платформе мусоровоза. Наверно, я на некоторое время потерял сознание. Во всяком случае, отрезок времени, когда Копия остановил машину и ходил по воду к ручью, начисто вывалился из моей памяти.

Слева черной стеной стоял лес, еще более мрачный на фоне заката. Справа раскинулось заросшее сорняками поле с останками насквозь проржавевшей сельхозтехники. Далеко впереди маячили уже плохо различимые в сумерках контуры одноэтажных и двухэтажных домов.

– В городок не пойдем, – сказал Копия. – Здесь заночуем.

– А в доме не лучше? – спросил я.

– Не лучше.

Копия смачно сплюнул. И пояснил:

– В такие поселки лучше без оружия не соваться. Многие твари, видимо, раньше были людьми, и людские привычки у них остались. Нечисть в Зоне по лесам редко шляется, ее все больше к жилью тянет. И вообще, без оружия в Зоне тоскливо.

Копия криво усмехнулся.

– Так что завтра будем думать, где нам стволы добывать. На завод больше ни тебе, ни мне хода нет. Да, может, оно и к лучшему. Не по душе мне эти новые законы «Борга». Так что до поры до времени обзываемся свободными сталкерами и начинаем работать на себя. Пока к группировке какой-нибудь не примкнем. Или свою не создадим. Видел я урывками, как ты в помойке воевал, уважаю. Ну что, пойдешь ко мне в напарники, Снайпер?

Я пожал плечами. Почему бы и нет?

– Вот и ладушки, – кивнул бывший капитан «Борга». – А теперь снимай-ка, напарник, мою разгрузку и бегом мыться, пока я с твоих ароматов армейским концентратом не блеванул.

В его разгрузке обнаружился кусок клубничного мыла из американского набора для выживания, как объяснил его хозяин. Что мне ровным счетом ничего не сказало. Но судя по тому, с каким многозначительным видом Копия это произнес, не иначе мыло помимо его прямого предназначения как минимум продлевало жизнь своему хозяину лет на десять-пятнадцать.

Не знаю, как насчет продления жизни, но мытье в ледяном ручье – пусть даже с пахучим американским мылом – вряд ли прибавило мне здоровья. Правда, вонять отходами и я, и моя одежда стали гораздо меньше. К разведенному Копией костру я вернулся стуча зубами, словно крупнокалиберный пулемет. Тем не менее капитан покрутил носом и счел необходимым выдать:

– Не пойму, чем от тебя больше пахнет – дерьмом или клубникой. Но все же лучше, чем одним дерьмом...

А потом его взгляд остановился. Копия внимательно смотрел мне через плечо, и от этого взгляда у меня по спине побежали мурашки. И холод мокрой одежды, прилипшей к телу, был здесь абсолютно ни при чем.

Отражение стремительнодвигающейся фигуры я увидел в глазах Копии.

Дальше время замедлилось...

Оборачиваться было некогда. Тем более что отражения вполне хватило для того, чтобы понять, кто ко мне приближается со спины. Именно такую тварь давил борговец на плакате, установленном на плацу. И именно в череп ее сородича пихал окурки полковник Павленко.

Я упал влево, переворачиваясь в воздухе и пытаясь одновременно выдернуть «Бритву» из рукава куртки. И уже падая понял, что не успеваю. Как назло, мокрая материя прилипла к телу, и рукоять ножа запуталась в ней...

В памяти всплыло как всегда ниоткуда: в последние мгновения жизни человек вспоминает всю свою прошлую жизнь. Моя не вспомнилась. Потому оставалось лишь остро переживать последние кадры этих самых последних мгновений – когтистые лапы, тянущиеся к моему лицу, белые, ничего не выражающие глаза без зрачков и пасть, раззявленную на манер раскрытой двенадцатипалой пятерни, где вместо пальцев были красные отростки с подрагивающими коричневыми присосками.

А потом сзади полыхнуло огнем, и я увидел, как верхняя половина черепа твари взрывается ошметками мяса и осколками костей, обнажая абсолютную черноту ссохшегося, сморщенного мозгового вещества.

Потом был удар правым плечом о землю, и грязная трехпалая нога с набухшими, подрагивающими сухожилиями перед моим лицом. По которым я и резанул со всей силы «Бритвой», которую мне наконец-то удалось освободить из плена мокрой одежды.

Я почувствовал, как нож рассек вязкую плоть и тяжело прошел через кость.

«Резать шеи зомби было не в пример легче...» – промелькнула в голове мысль.

Живучая тварь не собиралась останавливаться, и, возможно, следующее ее движение было бы для меня последним. Но ее практически перерубленная нога подвернулась, и ночной монстр, испустив жуткий вопль, грохнулся раскроенной головой в костер.

Однако и это было не всё.

Оттолкнувшись от раскаленных углей передними лапами, тварь выпрыгнула из костра – и внезапно свернулась в клубок. Мне показалось, что она пытается зажать лапой рану, из которой хлестала темная кровь, но я ошибся. Монстр ухватил свою стопу, болтающуюся на лоскуте кожи, оторвал ее, швырнул мне в лицо и, рывком вскочив на ноги... вдруг начал пропадать, словно растворяясь в стремительно сгущающихся сумерках. Еще мгновение – и тварь стала бы полностью невидимой.

Но тут рядом с ней словно из ниоткуда выросла фигура Копии. Мне показалось, что бывший торговец протянул к голове монстра указательные пальцы обеих рук, из которых неожиданно вырвалось пламя.

Огненные струи довершили начатое. Я видел, как черный мозг монстра вылетел из черепной коробки, словно протухший «завтрак туриста» из консервной банки. После чего Копия просто мощно ударил тварь ногой в грудь.

Монстр пошатнулся – и завалился на спину. По его телу пробежали маленькие молнии, сотрясая его в агонии. Потом он перестал мерцать на границе между невидимостью и явью и стал просто горой красноватого мертвого мяса.

– Порядок, – сказал Копия. – Ты жив?

– Да, – ответил я.

– Удивительно, – нервно хмыкнул Копия. – Вдвоем и считай без оружия мы только что завалили ктулху, и при этом оба живы. Кому расскажи – скажут, очередные сталкерские байки.

– Ну, не совсем без оружия, – сказал я, вытирая «Бритву» о жухлую траву. – Только я не понял, откуда ты достал... это.

Я кивнул на пару сдвоенных трубок, которые Копия продолжал рефлекторно сжимать в ладонях.

– А, это... Это я достал из рукавов. На резинках изнутри одежды крепится, рекомендую. Тряхнул руками – и получи дополнительных четыре выстрела.

«Вот тебе и разоружил...» – подумал я.

Копия словно прочитал мои мысли.

– Впредь, когда будешь разоружать торговца, заставь его раздеться и остаться в чем мать родила. И то не гарантия, что он себе никуда запасной ствол или гранату не засунул.

Копия еще раз хмыкнул. В бою он действовал четко и хладнокровно, а сейчас, видимо, наступила реакция.

– Не пойму, везет нам или нет, – сказал он. – Третье нападение монстров за сутки. Это у них после выброса гон бывает, а сейчас-то с какой радости такие подарки? И если бы не ты, хрен его знает, чем бы все закончилось во всех трех случаях.

Я не знал, что на это ответить, и потому промолчал. При этом подумав, что когда человека слегка трясет после боя, ему лучше поговорить, чтобы отвлечься. Правда, собеседник из меня неважный. Но Копии ответов и не требовалось.

Он извлек из кармана портативную аптечку.

– Дай-ка намажу тебе морду зеленкой.

– Для чего? – не понял я.

– Для маскировки, – снова хмыкнул Копия. – Чтоб слился с природой.

Я помотал головой, ничего не понимая. Зачем мне ночью маскировка?

– Тебе ктулху своим педикюром портрет слегка подпортил. Надо продезинфицировать где кровит, а то хрен его знает, где он лазил. Еще заразу какую подхватишь.

Только сейчас я заметил, как саднит щека, и провел по ней пальцами. И вправду, лицо пересекли две глубокие царапины, влажные от крови.

– Да не лапай ты харю, чучело! – возмутился бывший торговец. – Говорю же, рожа располосована, не хватало еще, чтобы ты сам себе столбняк занес.

С медициной у Копии было все просто. Сняв колпак с зеленого карандаша, он несколькими широкими мазками закрасил ущерб, причиненный мутантом.

– Сойдет, – сказал он, защелкивая аптечку и оценивая результаты своего художества. – Боди-арт от экс-торговца и приبلудного ктулху, прям хоть сейчас на выставку. Кстати, насчет ктулху.

Копия подошел к трупу твари и внимательно его осмотрел.

– Подросток, – сказал он. – Наверно, первая самостоятельная охота. И не иначе где-то рядом учитель или папаша ошиваются. Поэтому отрежь-ка у него то, что от головы осталось, а я пока шест вырежу. И не забудь руки тряпками обмотать, а то с желез слизь на кожу попадет и разъест на фиг.

И, щелкнув швейцарским складным ножом, ушел в темноту.

Не скажу, что задание доставило мне массу удовольствия. Но мысль о том, что из ктулху может получиться зомби, добавила мне энтузиазма. Большую тряпку я вырезал из пустой разгрузки Копии и, замотав в нее остатки головы монстра, перепилил «Бритвой» толстую шею, состоящую из переплетений тугих мышц.

Копия вернулся с заостренной с обеих сторон метровой палкой и воткнул ее возле почти погасшего костра.

– Отпилил? Молодец. Давай сюда.

Он забрал у меня подобие мешка, после чего, удерживая голову ктулху через тряпку, резко насадил ее на кол.

– Это чтобы он в зомби не превратился? – спросил я.

Копия покачал головой.

– Мутанты не превращаются в зомби, – сказал он, проверяя, крепко ли сидит на колу половина головы ктулху. – Это участь мертвецов, умерших в аномалии «роженица», либо живых людей, которых захватил псионик. А это, – он кивнул на череп, – один из феноменов Зоны. Если ты убил гуманоидного мутанта и насадил его голову на кол у костра, то к этому костру в течение суток ни один другой мутант не подойдет. Такая вот волшебная комбинация – башка плюс огонь. Возьми себе на заметку, пригодится. В Зоне много таких необъяснимых феноменов.

– А что такое гуманоидный мутант? – спросил я.

– Тварь, которая когда-то была человеком, – мрачно ответил Копия, палкой поправляя костер, разбросанный ктулху. – Еще бывают негуманоидные, типа безглазых псов или сегоднешних кабанов. Ну, понятно, еще есть тут у нас аномалии и их порождения – артефакты. Что такое аномалия, на самом деле не знает никто. Иногда они ведут себя как живые. Да что я тут распинаясь?

Копия расстегнул клапан кармана и достал портативный компьютер.

– Держи наладонник, – сказал он, протягивая мне прибор, действительно не превышающий размером моей ладони. – КПК серии Z. Последняя разработка. Само собой, Wi-Fi,

Bluetooth, GPS и куча других прикамбасов, которые в Зоне работают от случая к случаю, когда работают – глючат, а чаще вообще не работают. Но тебе это пока до лампочки. Там встроенная «Энциклопедия Зоны» есть. Если сталкеры что-то новое заметят или на своей шкуре испытывают, вносят в общую базу данных, чтоб новичкам легче в Зоне жилось и старикам на чужие грабли меньше наступалось. Сиди, изучай. Первая половина ночи твоя, она самая легкая. Как на наладоннике два ноль-ноль высветится, меня разбудишь, я дежурить буду. Так что времени тебе на ликбез четыре часа. Вопросы есть?

Я покачал головой. Если Копия не врал, его машинка должна была без него ответить на все мои вопросы.

– Ну и ладушки, – сказал бывший борговец, укладываясь спиной к костру. Однако напоследок он обернулся:

– Забыл спросить, а ты читать-то умеешь? Букварь из башки не стерся?

Я кивнул. С чтением, в отличие от остального, было все в порядке.

– Надо же, – сказал Копия. – Мозги гладкие как у динозавра, а боец хоть куда. С такими данными хоть сейчас в армейский спецназ. Или в бандиты. Что, в общем-то, одно и то же. Но это, как говорится, Зона сама рассудит, кто отмычка, кто шакал, а кто легенда Зоны. Ну что ж, удачного чтива, Снайпер.

И мгновенно заснул.

– А что такое «отмычка», «шакал» и «легенда Зоны»?

Мой вопрос потонул в ночи. Копия спал, не отвлекаясь на мелочи, как, наверно, умеют спать только истинные ветераны Зоны. Мне еще предстояло этому научиться. Как и многому другому.

Глава вторая

Закон свободы

Свобода – это осознанная необходимость.
Спиноза (Плакат над входом на территорию базы группировки «Воля»)

Тихо шумел ночной лес. Невдалеке потрескивала аномалия, называемая, как я знал теперь, «электродом». Где-то рядом бродил ктулху, подвывая и не решаясь подойти к костру. То ли учитель, то ли папа незадачливого ночного охотника, развороченный череп которого торчал на шесте возле костра... Или это был не ктулху. Оказывается, много кто мог в Зоне бродить ночью вокруг сталкерского ночлега, облизываясь от запаха свежего и пока еще живого человеческого мяса.

Я листал «Энциклопедию Зоны», прокручивая джойстиком страницу за страницей. И на каждой из них было слишком много человеческой крови, заплаченной за опыт познания. От начала кошмара, случившегося в конце прошлого века, и до сегодняшнего дня. Когда черное пятно на теле планеты достигло размеров небольшого государства. В котором группировки людей с облученными мозгами боролись за призрачную власть над тем, причины чего до сих пор оставались невыясненными.

«В результате необъяснимых последствий аварии на Чернобыльской АЭС объект “Укрытие” начал генерировать выбросы неведомого излучения. По предположениям ученых, это вызвало аномально быстрые неуправляемые мутации как среди людей, так и среди животных, находящихся на территории Зоны отчуждения. Предполагается, что к мутациям также имеет отношение и повышенный радиационный фон.

Предположений о природе этого излучения высказывалось множество, начиная от вполне научных догадок и заканчивая фантастическими домыслами. Тем не менее до сих пор причины мутаций среди животных и людей, а также возникновения аномалий и порождаемых ими артефактов, остаются до конца не выясненными.

Неоднократные попытки проникновения в центр Зоны организованных научных групп в сопровождении войск Объединенных сил Независимых Государств и НАТО приводят лишь к уничтожению этих групп либо к их необъяснимому исчезновению. Компьютерная модель ядерной бомбардировки объекта “Укрытие”, также называемого “Саркофагом” и расположенного в условном центре аномальной Зоны, с вероятностью 97 % предполагает не уничтожение, а лишь резкое расширение границ Зоны отчуждения».

Странно, но я понимал все, что было написано. Незнакомые слова в связке со знакомыми предложениями обретали смысл, словно я не узнавал новое, а вспоминал давно забытое. Мне казалось, что все это уже было – ночь, костер и молодой сталкер-новичок, листающий только что купленный КПК в поисках новых сведений о странном и страшном мире Зоны.

Я бегло просмотрел главу «Мутанты», пробежался по «Артефактам» и «Аномалиям» и немного задержался на «Оружии и снаряжении», в котором сталкеру настоятельно рекомендовалось при кратковременных походах в Зону иметь с собой месячный рацион в тубиках и концентратах, медицинский набор на все случаи жизни (а лучше три), защитный костюм, смахивающий на батискаф, и от трех стволов огнестрельного оружия различной мощности с усиленным комплектом по возможности взаимозаменяемых патронов.

Я усмехнулся. Из вышеперечисленного у меня имелся:

- батончик белково-углеводный один,
- зеленка на лице,
- дырявая куртка, доставшаяся от Странника по наследству,

- три магазина для автомата Калашникова (без автомата)
- и нож, на который уже впору было молиться – столько раз он успел выручить меня за последнее время в казалось бы безвыходных ситуациях.

Однако нож ножом, но стоило всерьез озаботиться поиском того, что рекомендовала энциклопедия. Пусть хотя бы по минимуму для начала. Проснется Копия, надо будет с ним потолковать насчет планов на будущее. Выживать – оно всяко сподручнее на пару, как показала последняя схватка с ктулху. Да и опыта у бывшего борговца побольше будет, чем у меня.

Спать хотелось неимоверно. Глаза слипались, хоть сучки в них вставляй. Но как-то не хотелось быть съеденным во сне приبلудным кабаном или безглазым псом, потому как не особо верилось мне, что новая заготовка для пепельницы, насаженная на палку, сможет защитить меня от голодных тварей, шляющихся в темноте. Потому приходилось заставлять себя разбирать крошечные буквы на экране КПК, пока они не стали сливаться в сплошные черные линии.

Читать дальше стало невозможно. Несколько раз я сильно сжимал веки, после чего широко открывал глаза так, что, выйди кто из людей к нашему костру, глянул бы и подумал, что не иначе на ненормального компьютерщика нарвался. Морда в зеленке, в руках наладонник, и глаза бешеные навывкате. Жуть, да и только.

Усмехнувшись про себя, я предпринял более кардинальные меры – закрыл глаза, пару минут помассировал веки, после чего энергично проморгался и, восстановив фокусировку, снова принялся за поиски интересной информации. Однако ничего стоящего больше в наладоннике не нашлось. От нечего делать я сунулся в раздел «Игры», но мне показалось скучным в образе мохнатой обезьяны лупить битой доброго с виду пингвина, пытаюсь зашвырнуть его подальше, или пытаться попасть палкой в комбинацию из пяти чурок, называемых странным словом «городки».

В папке «Порно» и вовсе не было ничего интересного. Разве что, прокрутив несколько текстов и коротких фильмов, я разобрался с тем, что люди делятся на два вида. Причем, судя по текстам и фильмам, мужчины, встретив женщину, тут же начинают ее «трахать». «Траханье» на первый взгляд показалось мне действием неаппетитным, для мужчин утомительным, а для женщин болезненным, хотя тексты утверждали обратное. Но поскольку в Зоне пока что существ, похожих на героинь папки «Порно», я не встречал, проверить, как оно обстоит на самом деле, не представлялось возможным. Поэтому решение этого вопроса я отложил до лучших времен.

Наконец я с облегчением разглядел зеленые цифры в углу экрана «2:00», мучительно вспомнил настоящее прозвище Копии, и позвал:

– Слышь, это... Кобзарь. Подъем. Два ноль-ноль уже.

Копия не шевелился.

«Крепко, видать, замотался мужик», – подумал я. И, протянув руку, слегка толкнул его в плечо.

– Капитан...

Тело бывшего капитана «Борга» покачнулось и завалилось лицом в траву.

Я медленно поднялся со своего места, еще ничего не понимая.

Подошел, потрогал место на шее, где согласно только что внимательно прочитанной главе «Медицина» должен был биться пульс... Уже понимая, что это бесполезно.

Пульса не было. Кожа Копии была холодной словно лед.

«Иногда здоровые и полные сил сталкеры умирают около костров без видимой причины. Это еще один из необъяснимых феноменов Зоны».

Короткая строчка из КПК, на которую я не обратил внимания, всплыла в памяти. Еще один необъяснимый феномен... Пришлось снова заглянуть в наладонник и прочитать информацию более внимательно.

«Тело такого мертвеца безопасно. В зомби не превращается, псионик не может им управлять. Не разлагается и не представляет интереса в качестве пищи для мутантов. Практически не имеет собственного веса. Неодушевленные предметы, находящиеся с ним в непосредственном контакте, также теряют вес. Вследствие чего в экстренных случаях данный труп может быть использован в качестве контейнера для переноски тяжестей. Однако в силу моральных причин подобное использование мертвых тел не одобряется членами практически всех группировок, вследствие чего данный феномен не может быть отнесен к артефактам, имеющим материальную ценность. Горюч. Рекомендуемая утилизация – сожжение».

Сон как рукой сняло. Вдоль моего позвоночника пробежал неприятный холодок, и очень захотелось оглянуться. «Наверно, это и есть страх», – подумал я, и ощущение мне не понравилось. Даже если кто-то или что-то, отнявшее жизнь у капитана, смотрит сейчас на меня из темноты – пусть смотрит. Какой смысл бояться взгляда, который умеет убивать так быстро и легко? И вообще, какой смысл бояться неизбежного, если все по-любому рано или поздно умирают?

– Спасибо тебе за всё, Тарас Кобзарь, – сказал я. Потом вытащил нож и шагнул в темноту. Мне нужно было много топлива для кремации. И мне было всё равно, кто ждет меня в темноте.

Хворост я набрал довольно быстро – благо в лесу было навалом мертвых, скрюченных, ссохшихся деревьев с отвалившимися от них ветвями. А отблеска костра вполне хватило, чтобы набросать приличную кучу сушняка.

Я нагнулся и попытался приподнять тело Копии. «Энциклопедия» не врала – оно действительно было абсолютно невесомым. Положив мертвеца на хворост, я зачем-то скрестил ему руки на груди. При этом из рукава трупа вывалился маленький пистолет, похоже, сделанный каким-то умельцем из обрезка ствола двустволки. Мне стало любопытно, и я пальцем подцепил оружие. Невероятно! Палец не ощутил никакого сопротивления, мне показалось, что я подцепил воздух, а не вороненый металл, тускло отражающий блики костра.

– Я только твой КПК возьму, ладно? – сказал я мертвецу, так непохожему на обычный труп. После чего вернулся к костру, взял тлеющую головню и поднес ее к хворосту.

Бесполезно. Я думал, что сухие ветви должны были заняться не хуже пороха, но, видимо, тлеющей головни было мало. Нужен был открытый огонь.

Вздохнув, я оставил попытки поджечь погребальный костер и занялся костром, который развел Копия, когда был еще жив.

Но с костром тоже были проблемы. Отправившись за сушняком, я забыл подбросить в него топлива, и сейчас костер был на последнем издыхании. Подпитка сухими ветками не принесла ожидаемого результата. Раздувание подернувшихся пеплом углей – тоже. И тогда я вспомнил про бумажки.

Их у меня был полный карман. Я достал одну, приложил к тлеющему угольку и принялся дуть изо всех сил. И, конечно, пепел тут же запорошил мне глаза. Потому я и не увидел того, чей глухой голос раздался сверху:

– Нехило живешь, бродяга. Баблом костер разводить – это сильно.

Я зажмурился, утер рукавом черные от пепла слезы, после чего поднял голову.

Мне в лицо смотрел автоматный ствол. Привычная, в общем-то, за последнее время картина. Потому я и не удивился. Проморгавшись, я снова склонился над костром. Ствол стволом, а дело делом.

Бумажка занялась было, но налетевший порыв ветра задул огонь.

– Слышь, убери череп.

Сперва я подумал, что хозяин ствола имеет в виду наш с копией трофей, насаженный на шест, и собирался проигнорировать приказ. Но, увидев краем глаза, что на месте ствола нарисовалась зеленая бутылка с надписью «Спирт питьевой», понял, что ночной гость имеет в виду мою голову, и отодвинулся от костра.

Незнакомец плеснул на угли прозрачной жидкости, полюбовался на взметнувшееся пламя, после чего убрал бутылку в рюкзак и вновь направил на меня автомат.

Лицо незнакомца было скрыто резиновой маской, дыхательный шланг которой терялся в недрах темно-зеленого защитного костюма, снабженного вшитыми броневыми накладками.

– Ты торговец?

Я помотал головой.

– Вижу. На всякий случай спросил. А чего с ними шатаешься?

Маска шевельнулась в сторону трупа Копии.

– Так получилось, – сказал я, вытаскивая из костра занявшуюся ветку. После чего отнес ее к куче хвороста, на которой лежал труп, и поджег ее на этот раз удачно. Пламя нехотя разгорелось.

– Это ты зря тут погребальными кострами для торговцев развлекаешься, – сообщил «зеленый». – Того и гляди какая нечисть на огонек припрется. Не мутанты, так люди.

– Он тоже был человек, – сказал я.

– Торговцы людьми не бывают, – отрезал «зеленый». – «Борг» – это как дерьмо. Вступить легко, а отмыться потом невозможно. Вонь все равно останется.

– Этот был человек. Про других не знаю, – повторил я. И добавил: – Ты ствол-то убери, если стрелять не хочешь.

– А я еще не решил, стрелять или нет, – проворчал незнакомец, но автомат все-таки закинул за спину. – К костру пустишь?

– Садись, – пожал я плечами. – Не жалко.

Незнакомец вытащил из рюкзака обрезок затертого туристического коврика, положил на землю и, усевшись на него, протянул руки к огню.

– Это чтоб простатит не подхватить, – пояснил он, перехватив мой взгляд. – Ты, что ли, ктулху завалил?

– Мы вместе с ним, – сказал я, кивнув в сторону второго костра. Пламя уже достигло мертвого тела – и вдруг взметнулось вверх, словно труп был насквозь пропитан питьевым спиртом «зеленого».

– Я ж говорил, что не надо было специальный костер городить, – произнес «зеленый», доставая из рюкзака хлеб, колбасу, консервы и знакомую бутылку. – «Рюкзаки» горят не хуже бензина, только спичку поднеси.

– Кто?

– Умершие у костров, – пояснил «зеленый», стаскивая с лица маску. – Ты, кстати, зря в наших местах без оружия и костюма шляешься, да еще по ночам. Тут помимо ктулху разной гадости навалом. Тот же «жгучий пух» в морду сыпанет – не обрадуешься, не говоря уж об остальных прелестях. Ты давно в Зоне?

– Нет.

– Оно и видно, – хмыкнул «зеленый». – Бабками костер разводить – это только новичок или блаженный додуматься может.

– Я они и есть, – сказал я.

– Кто? – не понял «зеленый».

– И то, и другое.

«Зеленый» недоверчиво посмотрел на меня. У него было бледное скуластое лицо, короткая рыжая борода и глаза под цвет его костюма.

– Не, – сказал он. – Бреешь. Ни блаженный, ни новичок ктулху завалить не могут. А уж тем более без оружия. Поэтому ты что-то третье. Расскажешь, как было?

Я рассказал как умел.

– Круто! – восхитился «зеленый». – Вдвоем ктулху и реально без оружия!

Я попытался возразить, но «зеленый» отмахнулся.

– Две пукалки и нож против такой твари не оружие. Его из «калаша»-то полным магазином не всегда остановишь. Кстати, погоняло у тебя есть?

Я непонимающе уставился на него.

– Ну прозвище, кликуха.

– Снайпером люди звали.

– А я Колян, погоняло Метла, – сказал «зеленый», протягивая мне кусок колбасы с хлебом. – Жрать хочешь?

– Хочу.

– Ну и вперед.

Из своего бездонного рюкзака Метла вытащил два металлических кругляка и синхронно их встряхнул. Кругляки превратились в стаканы, куда Колян нацедил немного спирта.

Один из них он протянул мне.

– Ну что, Снайпер, помянем твоего кента. Не в моих правилах поминать борговцев, но этот, судя по твоему рассказу, и вправду был человеком. Упокой его Зона.

Спирт перехватил горло, и я поспешил протолкнуть в обожженный пищевод кусок колбасы.

– А почему так говорят: «упокой его Зона»? – спросил я, когда дыхание немного восстановилось.

– Потому, что не всем она дает такое счастье после смерти. И неупокоенных в ней намного больше, чем настоящих тихих мертвецов. Жуть это жуткая, жить после смерти. Если честно, единственное, чего я боюсь на свете, так это, сдохнув, превратиться в зомби.

Метла помрачнел, переживая что-то своё. Потом разлил остатки спирта по стаканам.

– Давай по второй. За тех, кто навсегда в Зоне остался.

Вторая пошла легче.

– Всё дело привычки, – сказал Колян, наблюдая за моей реакцией. – Убивать в первый раз тоже тяжело. Потом гораздо проще.

Я вспомнил своего первого убитого Охотника и пожал плечами. Мне было никак. Может, потому, что в прошлой жизни уже приходилось. Но об этом еще предстояло вспомнить.

– Ты лучше скажи, откуда у тебя столько бабла, что ты им костры разжигаешь? – поинтересовался Метла, вполне оправдывая свое прозвище – еда исчезала в его глотке с потрясающей скоростью.

Я понял, что «баблом» мой новый знакомый называет цветастые бумажки с цифрами и головой лысого человека. Достав из кармана одну, я покрутил ее в руках. Не обнаружив на ней слова «бабло», я непонимающе уставился на Метлу.

– Ну да, наверно, за кордоном лет двадцать уже такого никто в руках не держал, – усмехнулся Колян. – Новички в Зоне тоже офигевают. Но традиция есть традиция. Когда сталкеры начали Зону обживать, то нашли пару машин с инкассаторскими сумками, потом еще в местном банке залежи обнаружили. Так вот, сталкеры между собой и решили, что не фига по Зоне с ценностями шляться, мол, пусть это будет местная валюта, типа чеков «Американ Экспресс». Так до сих пор эта нумизматика здесь у народа на руках и ходит. Раз в год группировки собираются на мирную Большую Сходку и договариваются, помимо всего прочего, сколько надо «деревянных» допечатать. Война войной, но есть общие дела, которые надо сообща решать.

– Какая война? – не понял я.

– А ты, я смотрю, совсем не в курсах, – удивился Колян. – Война за сферы влияния. Зона-то пока все еще относительно небольшая, артефактов на всех не хватает, потому они и в цене растут. За кордоном пяток паршивых «батареек» сегодня уже можно на подержанную иномарку выменять. И чем дальше от Зоны, тем цена артефактов выше. Вот и быются группировки между собой то тайно, то явно, территорию делят. Пока однажды военные не поставят на этой войне жирную точку.

– А почему до сих пор не поставили?

– Стра-ашно, – протянул Метла и хитро подмигнул. – Пытались, ан пока не получается. Мы, старожилы, как партизаны. Всё здесь знаем, и выкурить нас из Зоны ой как непросто. Плюс цыганская почта работает. Только вояки в одном месте рейд затеют, а мы уже в другом, благо у каждого КПК имеется. Военный чихнет на кордоне, а вся Зона знает, что у него ОРЗ. Какое тут на хрен тотальное уничтожение группировок? Одни слова. Пока они все вместе не решат Зону прочесать. Но это тоже вряд ли получится.

– Почему?

– Зона не хочет, – пожал плечами «зеленый». – Пробовали как-то Большой рейд устроить, так все до одного полегли вместе с армейскими сталкерами, что их вели.

– Так она что, живая?

– Похоже на то, – кивнул сталкер. – Я так думаю, что точно живая. Организм разумней нас с тобой. Типа бабы. И такой же хитрый. А выбросы у нее как месячные, когда она ненужное из себя отторгает, обновляется и круче становится. А иногда и больше размерами. Но это все так, теория. Наблюдение со стороны.

– Ты тоже из группировки? – спросил я.

– А что, не видно? – оскорбился Метла. И спохватился: – Ну да, попутался я малость, забыл, что ты «и то и другое». Из «Воли» мы. Слушай, ты что, реально вообще ничего не помнишь?

Я покачал головой.

– Только то, что недавно было.

– Да и хрен с ним, – почему-то обрадовался Колян. – Оно часто и ни к чему. Слушай, а давай к нам? «Воле» нужны парни, которые горазды ктулху ножами резать на колбасу. Пойдешь?

Я неопределенно дернул плечом. Последнее похожее предложение окончилось для меня расстрелом.

– И это правильно, – сказал Метла. – Настоящему сталкеру любое решение стоит сто раз обдумать. Давай так. Бабла у тебя немерено, а снаряги нет. Давай-ка я тебя к нам на базу сведу, у меня там брат двоюродный лабазом заведует. Прикупишь у него что понравится, заодно и посмотришь, какие у нас порядки. Понравится – запишешься. Идет?

Со снаряжением и вправду было, мягко говоря, неважно. К тому же в КПК я не нашел ни одного упоминания о Директоре. Стоило, наверно, спросить об этом Метлу, но тут до меня дошло, что еще немного – и я просто упаду головой в костер.

– Э-э, парень, да тебя, я смотрю, развезло с двух стопок, – протянул Колян. – Отваливай-ка ты на боковую, я тебя ближе к утру растолкаю. Полтора часа до рассвета отдежуришь – и мы в расчете. Идет?

Вместо ответа я свернулся прямо на земле в позе эмбриона и мгновенно уснул.

* * *

Мы с Метлой шли по дороге. Время от времени мой спутник подбирал и бросал впереди себя куски битого асфальта. Когда асфальта не было, он доставал из кармана болт и бросал его перед собой. Потом подбирал и клал обратно в карман.

– Зачем? – спросил я его.

Метла не ответил, метнув ржавый кусочек металла в легкое марево, дрожащее над дорогой. Марево дрогнуло – и вдруг лопнуло, словно большой пузырь. Расплавленный болт опал на асфальт огненными каплями раскаленного металла. А на месте марева в полуметре от асфальта зависло бледно-синее яблоко, по бокам которого время от времени с легким треском пробегали маленькие молнии.

Было в том яблоке что-то притягательное, волшебнo-манящее. Я непроизвольно потянулся к нему, сделал шаг, другой – и вдруг услышал за спиной характерное клацанье.

Я обернулся.

Дульный срез автомата смотрел мне в грудь. Глаз Метлы не было видно за стеклами маски. Просто выпуклые стекла и просто маска за ними. Я видел, как палец Метлы медленно давит на спусковой крючок автомата... и понимал, что не успеваю ничего сделать.

Бросаться вперед было поздно, оставалось лишь попытаться уйти с линии выстрела. Я резко присел, кувыркнулся назад – и почувствовал, как мою руку ожгло случайное прикосновение к яблоку. А потом мое тело сотрясли врывающиеся в него пули...

От этой тряски окружающий мир дрогнул – и лишенное маски лицо Метлы заполнило всё обозримое пространство. Я попытался ударить по нему, метя в глаза растопыренными пальцами, но лицо исчезло.

А тряска осталась.

Понемногу я осознал, что лежу возле костра, а мой убийца трясет меня за плечо, на этот раз благоразумно зайдя со спины.

– Всё, всё, – пробормотал я. – Хватит.

– Точно хватит? – осведомился Метла. – Может, еще потрясти?

– Не надо.

– Ну, если больше кувыркаться, за головешки хвататься и глаза мне выкалывать не будешь, то ладно, – согласился Колян, присаживаясь рядом. – Чего снилось-то?

– Шар. Синий, – буркнул я.

– А, понятно, – кивнул Метла. – Артефакт «чистое небо». Который все видели во сне и никто в жизни. Мне он тоже снился пару раз. После такого сна народу или везет сильно конкретно, или такая же конкретная непраха начинается, вплоть до пули между глаз. Так что жди событий. Кстати, тебе пора дежурить, а мне на боковую.

Из рюкзака сталкера появился на свет мешок из тончайшего материала. Его Метла сноровисто надул, превратив в матрасик, после чего принялся обстоятельно устраиваться на ночлег.

– Почему не спальный мешок? – поинтересовался я.

– А подумать никак? – отозвался Колян, укладывая автомат рядом с собой. – Пока из того мешка выберешься, тебя здесь уже съедят, переварят и сходят тобой по-большому.

– Интересно, а как ты прошлой ночью спал, когда дежурить некому было? – спросил я, твердо решив при первой возможности обзавестись таким же предметом первой необходимости – сон на стылой земле не прошел даром, и подмороженный левый бок немного ныл.

– На дереве, – сказал Метла, укрываясь таким же тонким невесомым шерстяным пледом, занимающим в рюкзаке места не больше, чем консервная банка. – Только если в Зоне на дерево полезешь, не забудь дозиметром его проверить на радиацию, и тепловизором на органику. И учти, что «жгучий пух» никаким детектором не определяется. Влез в него – пеняй на себя.

И уснул в обнимку со своим автоматом.

Судя по тому, как он спал, я уже начал думать, не превратился ли он в «рюкзак» заодно с покойным Копией. Во всяком случае, «чистое небо» ему точно не снилось. Прислушавшись, я разобрал мерное сопение человека, не отягченного особыми грехами и переживаниями по поводу оных. И во второй раз дал себе слово при первой возможности обзавестись компактными и удобными походно-постельными принадлежностями.

Остаток ночи прошел без приключений. Как ни странно, я успел выспаться и, не теряя времени даром, листал КПК, загружая свободное место в мозгах сведениями о Зоне. Как только солнце окрасило лучами первые попавшиеся под них облака, я растолкал Метлу.

– Чего чуть свет-то? – простонал он, медленно, но уверенно выбираясь из-под пледа.

– Сам сказал, что спать будешь до рассвета.

– Язык мой – ктулху мой, – простонал Колян.

Несмотря на стоны и стенания невыспавшегося Метлы, сборы и легкий консервный завтрак прошли довольно быстро.

– Гони стольник, – мстительно сказал Метла после завтрака.

– Это бабло? – уточнил я.

– Ага. Оно самое.

– За что? – поинтересовался я, доставая из кармана требуемое и протягивая две бумажки по пятьдесят рублей. Благодаря «Энциклопедии» я за остаток ночи научился отличать «стольник» от «полтинника», «четвертака», «червонца», «пятерика», «трехи» и «деревянного».

– Жратва плюс консультации. Плюс полезные знакомства, как на базу придем. Плюс рекомендации, ежели надумаешь к нам присоединиться. Так что это еще по-божески.

– Не вопрос, – сказал я. Прочитав в КПК пару историй о Зоне, я значительно расширил свой лексикон.

– Ну и молоток.

«Стольник» перекочевал в один из обширных карманов Метлы. После чего подобревший Колян озвучил дальнейшие действия:

– Ну, попёрли.

И мы «попёрли» навстречу то ли удаче, то ли наоборот.

Проходя мимо брошенного мусоровоза, я заметил, что меньше чем за сутки с ним произошли заметные изменения. Колеса захватил в плен рыжий мох, успевший до ободов разьесть покрышки. Тот же мох сплошным ковром покрывал платформу, на которой я совсем недавно катался. Я подумал, что еще сутки – и грузовик превратится в грязно-огненный холм.

Метла покрутил носом, напомним мне покойного Копию.

– Во как Зона на дерьмо набрасывается, – прокомментировал он метаморфозы, произошедшие с машиной. – Только вот все в толк не возьму, что ж завод-то с его борговской базой до сих пор не рыжий и не мохнатый?

Наверно, Метла ждал, что я продолжу тему, но мне она была неинтересна.

– Долго еще до базы? – спросил я вместо продолжения.

– Лес пройдем, за ним хутор, тут оно и будет, – буркнул Колян, обманутый в лучших надеждах.

И достал из кармана ржавый болт.

Сон мгновенно всплыл у меня в голове в мельчайших подробностях. Я понимал, что к реальности он не имеет ни малейшего отношения, но уж больно четко повторялись детали: слева лес, справа бескрайняя лесостепь с развалинами деревенских домишек, ржавыми останками сельскохозяйственной техники, желтыми знаками радиационной опасности и покосившимися от времени столбами с предупреждающими надписями «Заражено! Более 7 МР!», под ногами – разбитая асфальтовая дорога, а сбоку – тот, кто стрелял в меня во сне. Невольно моя правая рука потянулась к ножнам с «Бритвой», пристегнутым к левому предплечью.

И опустилась.

Потому что вместе с болтом Метла извлек из того же кармана нехитрое приспособление – деревянную катушку с ниткой, продетую в примитивную рамку, скрученную из проволоки. Катушки не было во сне, и меня это странным образом успокоило. Размахнувшись, Метла с силой швырнул болт перед собой. Катушка в его руке тихо застрекотала.

– А то задолбался уже по пять кило железок в карманах таскать, – пояснил Колян, смаывая нитку обратно. Болт, вдосталь напрыгавшись на выбоинах, послушно вернулся в руку хозяина.

– Вот еще бы к пулям что-то такое приделать, – хмыкнул Метла. – Реально на патроны да на жратву все бабло уходит.

– И к жратве заодно, – добавил я. – Чтоб... как это... замкнутый цикл был. И ни на что тратиться не надо.

Колян захохотал.

– На баб все равно бабло уходит, – сказал он, отсмеявшись. – Хотя погоди! Если резиновую надувную с собой таскать как мой матрас, так миллионером можно...

– Это что? – прервал я поток сознания своего веселого спутника.

У дороги росло кривое дерево без намека на листья, к которому был приколот кусок ржавой жести. На импровизированном плакате кто-то грубо вывел краской: «Обережно! Дикі тварини – це небезпечно!»

Колян удивленно посмотрел на меня.

– Написано же, тварини. Кабаны, собаки безглазые...

– Я не про то, что написано. Слушай.

Из-за леса явственно нарастал глухой звук, словно сотня борговцев палила из бесшумных «Валов» по асфальтовому покрытию.

– Ох, ёпт... – приглушенно вскрикнул мой спутник и опрометью бросился к лесу. Я рванул следом за ним.

Вкатившись в густую тень мертвых деревьев, Метла шлепнулся на землю – и в своем темно-зеленом костюме словно слился с травой. С трех метров не догадаешься, что это человек, а не пригорок с торчащим из него стволом «калашникова».

– Костюмчик мне похожий подбери на базе, – прошептал я, падая рядом.

– Подберу, если живы останемся, – ответил Колян. – Только молчи и не шевелись!

– А что...

– Со скидкой договорюсь, только заткнись и не отвечивай, – почти взмолился Метла. – А то обоим кранты.

Я замер, надеясь, что неведомые «тварини» сочтут меня за что-то неудобоваримое в моей драной и вонючей куртке. Хотя кто их знает, может, именно в этой одежде я для них и есть самый лучший в мире многослойный гамбургер.

Слово, всплывшее из неведомых мне уголков сознания, не имело привязки к мысленному образу. То есть я понятия не имел, что такое «гамбургер», а спросить было нельзя. Хотя очень хотелось. Бывает же такое – тебя по-человечески просят заткнуться, а какой-то неестественный зуд противоречия не дает лежать спокойно. Хоть убейся, а надо мне знать, что такое «гамбургер», причем немедленно.

Но через секунду я забыл и о неведомом «бургере», который «гам», и о спутнике, который просил сохранять молчание.

Потому что по дороге двигалось нечто.

Я не знал, как назвать огромную группу странных и жутких тварей, бегущих по дороге. Стая? Нет, не стая. Может, табун? Тоже нет. Первое слово применимо к плотоядным, второе – к травоядным. Наверно, что-то среднее, хотя по тому, как рванул с дороги Метла, в гастрономических предпочтениях «тварин» сомневаться не приходилось.

Головы мутантов одновременно напоминали лошадиные и шакальи. Гибкое тело с пятью развитыми когтистыми пальцами могло бы принадлежать льву или леопарду, если б не серый цвет шкуры, не эти самые хорошо развитые пальцы, чем-то похожие на человеческие, и не рост. Высота в холке каждой твари была никак не меньше полутора метров, что слишком даже для очень крупного льва.

Я искренне порадовался тому, что мы успели исчезнуть с пути этих монстров. Потому, что стая-табун голов в пятьдесят гнала перед собой стаю обезумевших кабанов числом чуть ли не вдвое больше. Я не успел удивиться, почему бы это с виду нисколько не менее мощным кабанам не дать отпор этим шакало-коням, когда один из отставших, а может, подраненных кабанов споткнулся.

Передний самый крупный мутант сделал гигантский прыжок и настиг жертву. Длинная шея грациозно изогнулась, огромная пасть раскрылась – и смазалась в пространстве. Един-

ственное, что я успел заметить, – это голова кабана, взлетевшая над набежавшей стаей серых мутантов. Зубы шакало-коня с легкостью состригли клыкастую башку с мощного туловища. А стая, не сбавляя хода, довершила остальное.

Над серыми спинами взметнулся кровавый фонтан, в который превратилась обезглавленная туша кабана. Взметнулся – и опал уже позади стаи. Теперь двух мнений быть не могло – мимо нас пробежала именно стая плотоядных тварей. Пожалуй, наиболее опасных из всех, что я видел до этого.

Мерный гул, вызываемый стуком сотен когтей об асфальтовое покрытие, давно исчез, но Колян все еще не шевелился.

– Кажись, ушли, – рискнул прошептать я.

– Хрен их знает, – прошептал в ответ Метла. – Могут обойти и сзади неслышно подкрасться. Хитрющие, суки.

– Кто это хоть?

Колян осторожно пошевелил затекшими плечами.

– Научник один забредал на базу, говорил, фенакодусы это. Или что-то в этом роде. Только здоровые больно. Высотой с нормальную лошадь.

Такого слова я точно не знал. О чем и сказал.

– Лошадь первобытная, – пояснил Метла. – После черновыльской аварии ученые в Зону из заповедника Аскания-Нова лошадей Пржевальского завезли. Эксперимент ставили, выживут коняги или передохнут. Они, как видишь, выжили. И расплодись что твои крысы. А когда их излучением Саркофага накрыло, у них эволюция обратно пошла. И получилась такая вот хищная тварь, от которой в Зоне всё живое шхерится, даже сфинксы. Ну, ясно дело, все, кроме Всадников.

Про Всадников КПК умалчивал. О чем я тоже сообщил своему спутнику.

– Много будешь знать, опять «чистое небо» приснится, – почему-то зло огрызнулся Колян. – Давай завязывать с ликбезом и ходу к базе, пока нас тут между делом к замкнутому циклу не подключили. Не нравится мне что-то вся эта движуха в Зоне, ох как не нравится.

Метла из положения лежа перетек в полуприсед и побежал короткими бросками от дерева к дереву, не рискуя выходить на дорогу, но и не теряя ее из виду. Я двинулся за ним, копируя движения. «Энциклопедия» энциклопедией, а пока своего опыта особо нет, придется чужой срисовывать. Параллельно с накоплением своего.

Дальнейший путь прошел без приключений. Через некоторое время Метла успокоился и пошел нормальным шагом. Что не мешало ему, удерживая палец на спусковом крючке автомата, свободной рукой периодически кидаться болтом в воздух перед собой, промеривая пространство на предмет скрытых аномалий.

По пути нам попала только одна, видимая и без помощи болта. Серый пыльный вихрь высотой в два человеческих роста лениво кружился над полуобглоданным трупом какого-то животного. Что за зверь погиб в результате столкновения с вихрем, понять было уже невозможно. Время от времени красный ломоть плоти отрывался от туши и исчезал в недрах пыльной воронки. Тогда в серой массе вихря на мгновение проявлялись багровые нити.

– Кормится, – кивнул Метла на воронку, на всякий случай оглябая ее по большой дуге. – Потому и не шхерится. Новый вид аномалий – охотники. Теперь большинство из них, когда голодные, лишнего хлама в себя стараются не захватывать. Потому прозрачные на вид, как пузырь водки без этикетки. А как нажрут, ленивые становятся, и все дерьмо обратно к ним прилипает. Как к человеку.

– Не понял.

– Ну, когда у тебя всего богатства только одежда да автомат, ты скромный да работающий, – пояснил Колян. – Ну а как бабло перестает в карманы влезать, так всё дерьмо из чело-

века и лезет. А на то, что вылезло, новое налипает. По принципу подобное к подобному. И получается на выходе не человек, а натуральная воронка из отходов жизнедеятельности.

Я хмыкнул.

– Судя по тому, как ты то бабло считаешь, тебе до воронки недолго осталось.

Метла насупился.

– Ни хрена ты не понимаешь, – сказал он. – Сказка есть такая, что когда-то давно был такой правильный пацан, Робин Гуд, который за свободу ратовал от всяких козлов. Ходил в зеленом плаще, чмырил богатеев, собирал с них бабло. Ну, понятно, экипировал свою группировку по полной, а остальное людям раздавал, чтоб им легче жилось. «Воля» по тем же принципам живет. И хоть мы в сказки особо не верим, но в зеленом ходим не только ради маскировки.

– Понятно, – сказал я. И больше ничего не сказал, хотя хотелось. Потому как прав был Колян – с одним ножом ходить по Зоне опасно. А судя по настрою Метлы, еще несколько слов с моей стороны – и ходить мне в той Зоне с ножом пожизненно.

Лес остался позади. Справа показался полуразрушенный хутор, состоящий из нескольких обветшалых домов, по окна вросших в землю. Впереди же на холме раскинулся длинный бетонный забор, обтянутый по верхнему периметру несколькими рядами колючей проволоки, над которыми маячили наблюдательные вышки. К забору вплотную примыкала бетонная коробка ДОТа, из длинной смотровой щели которого свободно простреливалось всё открытое пространство, не ограниченное забором.

– Дошли, – выдохнул Колян и ускорил шаг.

Не сказать, что его энтузиазм передался мне, когда я не увидел, а буквально кожей почувствовал, как шевельнулся в нашу сторону пулеметный ствол на ближайшей вышке и как блеснул в щели ДОТа прицел снайперской винтовки. Но выбора не было – даже если бы я вдруг и вздумал повернуть назад, шансов укрыться от пули на открытой местности было примерно ноль к ста одному.

Стволы «проводили» нас до тяжелых ворот, после чего «передали» нас другому сектору обстрела. Теперь на нас было направлено не меньше пяти единиц стрелкового оружия.

– Не бзди, – посоветовал Метла на пути к воротам. – Было дело, как-то нас борговцы на дурачка взяли. Почти вся группировка на заданиях была, так они подослали снайпера-вундеркинда с «Энфилдом», который в одну харю весь караульный взвод вычистил, прикинь? Тридцать человек положил – и ушел. А «Борг» потом, типа, штурм симитировал, по теплым трупам прогулялся. Вот с той поры у нас тут режим повышенной боевой готовности, как на армейском кордоне. Кто чужой приблизится – стреляем без предупреждения. Но со мной всё будет путем.

– Хорошо бы, – сказал я.

На стальных штырях над воротами был натянут потертый кусок зеленого полотна, на котором белой краской был нарисован герб с головой собаки и выведена надпись: «Свобода – это осознанная необходимость. Спиноза». Из прилепившейся к воротам будки вышел человек в таком же бронекопте, который я видел на охранниках склада торговца Петровича. Да уж, против эдакой защиты даже «Бритва» вряд ли поможет.

– Здорово, Метла, – прохрипело из решетчатой блямбы на стальном шлеме. – Это что с тобой за хрен с горы?

«А может, все-таки поможет «Бритва»? – подумал я. – Если садануть с размаху да прям в эту блямбу».

– Не пыжься, Мохнатый, это нормальный сталкер, – махнул рукой Колян. – Хочет к нам записаться.

– Что-то больно до хрена в последнее время желающих к нам записаться, – хохотнуло из блямбы. – Не успеваем отстреливать.

– А ты «плетку» перезаряжай чаще, – посоветовал мой спутник. – Чтобы успевать. И заодно трепаться времени меньше будет. Открывай давай, не тяни крысь за яйцеклетку.

– Научники говорят, нету у ней яйцеклетки, она делением размножается, – прогудел Мохнатый, делая знак рукой. Одна из створок ворот почти неслышно отъехала в сторону, открывая щель, достаточную для того, чтобы в нее протиснулся один человек.

– Ты им верь больше, – бросил напоследок Метла. – Научникам дай волю, они тебя первого в мутанты запишут.

Из блямбы что-то прохрипело в ответ, но я уже не разобрал что, шагая следом за Коляном. Который, только миновав ворота базы, повесил автомат на плечо и убрал в карман катушку с болтом.

– Смотри, осваивайся, – сказал он, царским жестом обводя расположение бывшей воинской части, оставленной военными и оккупированной группировкой «Воля». Благодаря КПК я уже имел некоторое представление об основных группировках «Зоны». Надо отдать должное «вольным» – получив однажды суровый урок от конкурентов, они превратили свою базу в настоящую крепость. Позиции стрелков на вышках, сваренных из металлических труб, были обшиты броневыми щитами, что практически исключало возможность зачистить площадку наблюдателя с земли даже из снайперской винтовки. К тому же сейчас на ближайшую к нам вышку по лестнице поднимались двое «вольных», облаченных в такие же защитные костюмы, что и Мохнатый. Стало быть, наблюдение на вышках ведется парами, что снижало вероятность снайперской удачи до абсолютного нуля.

– Вот казармы, вон штаб, там столовая, – тыкал Метла в приземистые здания, очень похожие на ДОТы. Металлическая дверь одной из казарм открылась, пропуская внутрь автоматчика в зеленом костюме, и я слегка удивился, прикинув на глазок толщину стен.

– Впечатляет? – хмыкнул Колян, перехватив мой взгляд. – В таких домишках что любую осаду, что выброс переждать – раз плюнуть. По канализациям лазить не надо, как раньше, сиди себе, чай гоняй. А в подвалах наших казарм сухпай минимум на месяц, вода в цистернах. Живи и никуда себе не дуй.

Метла ткнул пальцем в группу зданий на дальнем конце базы.

– Там у нас автопарк. Помимо грузового транспорта БТРы, БМПшки, даже пара танков имеется.

В голосе «вольного» слышалось неприкрытое бахвальство, и он явно напрашивался на комплимент. Что ж, не жалко. Слова – это в большинстве случаев только колебания воздуха, не более. Потому я не особо любил их говорить, даже научившись этому сложному поначалу искусству.

– Сильно, – сказал я. – А где у вас экипировку выдают?

– У нас не выдают, – слегка обиделся Метла. – Мы не «Борг» какой-нибудь, где все с потасканными казенными «калашами» по Зоне шастают и понты колят. У нас от каждого по способности, каждому по потребности. Способен заработать и есть какая потребность – плати бабло, и хоть на Т-90 по Зоне катайся, слова никто не скажет. Если же ничего из себя человек не представляет, то судьба ему с раздолбанным ПМом по кустам шхериться в ожидании своего нищенского счастья.

– Ясно, – кивнул я, снова удивляясь про себя. – Ну, а если нет у человека денег?

– Нет денег – есть кредиты, – ощерился Метла. – Дороговато, правда, выходит, но это вроде не твой случай.

– Не знаю, видно будет, – уклончиво ответил я, прикидывая, на кой мне сдалась группировка с высокими идеями, где каждый сам за себя.

– Хочешь прибарахлиться – вон лабаз моего брата. Скажешь, от Метлы, он тебе скидку сделает. Давай обряжайся, я сейчас хабар сдам и в столовой пересечемся. Похаваем, и я тебя к вербовщику сведу.

– В смысле «сдашь хабар»?

– В смысле сдам хабар, – слегка раздраженно сказал Метла. – Я – вольный Охотник. Наша рота делает деньги для группировки. Еще есть рота охраны, снабженцы, технари, разведка, три стрелковые роты. Но это все не особо интересно. Я с вербовщиком поговорю, он тебя в мое звено определит.

Охотник...

В памяти всплыли последние слова Странника:

«Это же Охотники. Теперь будет рейд... Многие погибнут. Лучше сразу иди в комендатуру “Борга” и сдайся...»

Теперь ясно, что он имел в виду. И понятно, как те Охотники делают деньги для группировки. Остается выяснить, каким образом местные «робин гуды» отдают излишки несчастным и обездоленным.

О чем я и спросил.

– Излишков пока нет, – уже раздражаясь не на шутку, рыкнул Метла. – Всё уходит на оснащение группировки. Вот когда появятся, тогда и начнется благотворительность. Пока что на один «Борг» боеприпасов в месяц тратится вагон и маленькая тележка. В общем, хватит воздух сотрясать, рядовой. Экипируйся давай, остальное ты знаешь.

Последние слова Метла бросил через плечо, направляясь куда-то в глубь базы.

«О как! Уже рядовой, – подумал я. – Ладно, Охотник, спасибо за протекцию. Снаряжения прикуплю, а там разберемся. И с кредитами, и с наличными, и кто кому чего должен».

* * *

«Лабаз» был уменьшенной копией наружного дота, расположенного с внешней стороны забора. Однако у него имелось существенное улучшение – стальной бронеколпак на крыше с торчащим из него стволом старенького, но мощного крупнокалиберного пулемета «Утёс».

Еще раз подивившись наличию в своей голове столь обширных сведений о различных видах оружия, я обошел ДОТ с тыла и ткнул пальцем в кнопку переговорного устройства, вмонтированного в бетон. Красным глазком мигнула из ниши видеокамера, направленная мне в лицо.

– Кто такой и какого хрена? – металлическим голосом осведомилось устройство.

– Я. За снаряжением, – в тон устройству отозвался я.

– Чем платить думаешь? Баблом? Артефактами?

– Баблом.

– Покажь.

Резаной бумаги в моем кармане стало поменьше, чем вначале: растопка костра, отчисления Метле плюс использование по известной надобности несколько уменьшили изначальный ресурс. Но того, что осталось, было еще немало. Я зачерпнул горсть мятых бумажек и протянул руку к камере.

Моя ладонь была еще на середине пути, когда в толще бетона начали гудеть скрытые моторы, отодвигая толстенную стальную плиту, которую язык не поворачивался назвать дверью.

«Да, видать, крепко пуганул “робин гудов” тот снайпер с “Энфилдом”», – думал я, осторожно спускаясь по высоким ступеням узкого прямого коридора.

Тусклые лампочки под потолком позволяли разглядеть лишь очень высокие ступени, на которых споткнуться и сломать себе шею, катясь вниз, было раз плюнуть. Наконец дойдя до конца коридора, я сообразил, для чего был придуман этот аттракцион с полудохлыми лампочками и ступенями – чтобы автоматчик, сидящий в крохотной камерке за ржавой решеткой, видел того, кто спускается, сам при этом оставаясь в темноте.

– А если борговцы пяток гранат сверху кинут, будет хоть куда свалить? – участливо осведомился я.

– Проходи, не задерживайся, – раздался из-за решетки абсолютно равнодушный голос человека, которому каждый проходящий мимо норовит сказать какую-нибудь ерунду, на которую он уже давно устал отбредиваться.

Я не стал спорить и свернул налево в узкий проход, про себя удивляясь, зачем было городить конуру автоматчика так, чтобы из нее простреливался не только коридор, ведущий наружу, но и тот, что шел изнутри.

Однако через мгновение этому факту удивляться я перестал. Так как обнаружился факт, достойный еще большего удивления. Граничащего с отвращением.

Это был склад. Раза в четыре больше, чем склад Петровича. Вдоль стен стояли грубо сколоченные высокие стеллажи, забитые ящиками со снаряжением, оружием, боеприпасами и продовольствием. На бетонном полу раскорячились два блестящих смазкой пулемета LW 50 и миномет M121. Но причиной моего изумления стали не новейшие образцы американской военной мысли, неизвестно каким образом попавшие на склад торговца группировки «Воля».

В центре склада, со всех сторон окруженный своими товарами, в глубоком кресле сидел хозяин, положив тощие четырехпалые лапки на поверхность сварного металлического стола. На плечах хозяина, словно на вешалке, висела зеленая униформа, под которой не было даже намека на какую-либо мускулатуру. А еще на каждом из этих плеч, словно на подставке, лежало по одной абсолютно лысой голове. Из специально расшитого ворота форменной куртки к каждой из них, словно стебельки к шарам одуванчиков, тянулись неимоверно тощие шеи.

Но ворот расшивали не для того, чтобы в него поместились эти шейки, больше похожие на змеиные тела, – для них с лихвой хватило бы и обычного, стандартного. Просто между шеями помимо всего прочего рос коричневый сморщенный горб, по величине превосходящий обе головы вместе взятые.

Я невольно отвел взгляд от урода и уставился на миномет. После мимолетного взгляда на страшное порождение Зоны совершенные линии смертоносной машины несколько отвлекали от жуткой реальности. С которой, кстати, еще предстояло общаться.

– Не удивляйтесь, молодой человек. Все лучшее оружие – лучшим покупателям. Остальным то, что останется.

Голос жуткого хозяина оказался глубоким и насыщенным.

«С таким голосом в опере петь, – подумал я. – Так... Опять. У кого бы спросить, что такое опера?»

– Спасибо за комплимент, – произнес хозяин. – Нечасто в этом подвале приходится услышать подобные мысли.

– Пожалуйста, – пробормотал я.

– Всё, что хотите, можете спросить у меня, – продолжил торговец. – Например, опера – это музыкально-драматическое произведение для исполнения в театре. Информация такого рода бесплатна, так как сомневаюсь, что она вам пригодится в ближайшее время.

– Тогда кто такой Директор и как его найти? – спросил я.

Мутант поджал губы и, как мне показалось, слегка побледнел.

– А это платная информация, – процедил он сквозь зубы. – И у вас нет таких денег, чтобы за нее заплатить. Так что давайте поговорим о том, что вас действительно интересует и что вы способны приобрести.

Краем глаза я заметил, как на полке справа что-то шевельнулось. Оторвав глаза от миномета, я заворожено наблюдал, как по воздуху к столу медленно плывет продолговатый ящик, приземляется на стол, как сама собой с него аккуратно сползает крышка, словно невидимый рачительный хозяин опасается, как бы она не грохнулась на пол и от такой небрежности не повредила на ней зеленая защитная краска.

Из ящика выплыл и улегся на стол новенький АК-74М. Ящик тем же загадочным путем отправился обратно на полку, а с разных концов склада невидимые носильщики принесли и сложили на стол четыре магазина к автомату, цинковый ящик с патронами, американский десантный рюкзак, детектор аномалий и радиационного фона, стандартную армейскую аптечку, штатовский недельный сухпак с комплектом для обеззараживания воды и прошитый кевларовыми нитями камуфляжный комплект обмундирования с защитной маской и прямоугольными кармашками под бронепластины, прикрывающие область груди и живота.

– У вас в карманах две тысячи триста сорок пять рублей, – сказал хозяин. Я про себя отметил, что говорит со мной только левая голова – правая в это время спала. – Не считите за невежливость, но время для меня – это деньги, которых постоянно не хватает. Поэтому мне проще посчитать вашу наличность прямо у вас в голове – ведь вы видели ее неоднократно.

«Горбатый телепат-телекинетик... с двумя головами... торгует жратвой и пулеметами... охренеть...»

– Вы можете думать о чем-нибудь другом? – слишком уж вежливо спросил торговец. – Например, о нашей сделке. Слышали поговорку – одна голова хорошо, а две – лучше. Так вот, это про меня. И давайте поговорим о деле.

– Давайте, – сказал я, энергично потряхнув головой и тихо радуясь, что у меня голов не «лучше», а всего одна. В конце концов, какое мне дело, что в «Воле» торгует оружием и как оно при этом выглядит? Сторговались – разошлись и забыли.

– Именно! – воскликнула левая голова, отчего правая зашевелилась и забормотала во сне. Левая внимательно посмотрела на нее и понизила голос. – Итак, приступим. За ту сумму, что имеется у вас, я готов уступить вам то, что вы видите на столе. Однако если вы к этой сумме прибавите то, что скрыто у вас в каблуке ботинка, я с радостью заменю «калашников» на «Вал», а эти сталкерские тряпки на защитный костюм высшего класса защиты.

Я покачал головой.

– Воля умирающего.

Голова усмехнулась.

– Что ж, каждый живет по своим законам. Однако любой закон что дышло, поворачивается так, как удобно законодательным органам. Ко всему вышеназванному я прибавлю информацию.

– О чем? – поинтересовался я.

– Скорее, о ком, – снова усмехнулась голова. – Ведь вы идете в Зону для того, чтобы узнать о том, кто вы. Не так ли? Ну, плюс, конечно, воля умирающего, который, как вы считаете, спас вам жизнь. Но думаю, что сейчас вам надо выбрать, что важнее – воля того, кого уже нет, или ваша дальнейшая судьба.

– Я выбрал, – сказал я.

Голова пристально посмотрела на меня.

– Очень странная логика, – наконец произнесла она. – Возможно, это последствия воздействия извне на мозговое вещество. Никогда не думал, что не смогу договориться с немного недоделанным зомби.

Мне вдруг очень захотелось воздействовать извне на мозговое вещество этого монстра. По крайней мере на вещество одной из его голов. Которая говорила слишком много.

Невольно я сделал шаг вперед, однако меня немедленно остановила мягкая, невидимая, но непреодолимая волна, толкнувшая в грудь и отодвинувшая на прежние позиции.

– Вы не сможете причинить мне вред, – устало произнес мутант. – А я смогу серьезно облегчить вашу жизнь.

Тут я каким-то шестым чувством осознал, насколько одинок этот всемогущий торговец, запертый в бетонном бункере.

– Ты не можешь ходить? – спросил я.

Голова дернула уголком безгубого рта.

– Догадался... Природа любит равновесие. Тому, кто может швырнуть пулемет на полкилометра, она не дала самой малости, доступной любому живому существу, – возможности перемещать себя без посторонней помощи.

– И поэтому они заперли тебя в бункере...

Это было несправедливо. О чем я и сказал. Добавив при этом:

– Если хочешь, я тебя вытащу наружу. Бесплатно.

Голова усмехнулась снова.

– Не сто́ит. Моя судьба – это сидение на одном месте. Здесь или в другом бункере – какая разница. Но законы, по которым живете вы, молодой человек, мне по душе. Жаль только, что в этом мире благородство возможно лишь при некоторых нарушениях функций головного мозга.

Этот мутант определенно имел поразительную способность действовать мне на нервы. В том числе тем, что на его хамство я не имел возможности ответить. Ни словами – для этого мои мозги пока еще работали плоховато. Ни физически – это было невозможно, да и нехорошо бить уще́рного. Хотя если бы дошло до драки, еще неизвестно, не остался ли бы от меня после нее влажный красный трафарет на стене бункера.

– Но поскольку вы доставили мне несколько мгновений положительных эмоций, я в свою очередь попробую вам помочь. Со значительной скидкой! – торжественно изрекла голова.

– Поподробнее можно?

– Конечно, – сказал мутант, для важности слегка прикрыв веки, лишенные ресниц. – Я попробую вернуть вам память. Но поскольку на этот эксперимент требуется значительный расход энергии, возьму я с вас всего ничего.

– Ничего – это бесплатно? – не понял я.

– Ну, не надо понимать всё так буквально, – поджала губы лысая голова. – Ничего по сравнению с моими энергозатратами. Скажем, две тысячи триста сорок пять рублей, которые лежат у вас в кармане, меня устроят.

Я пожал плечами. Что ж, надо попробовать. Вдруг это существо вернет мне память о прошлом...

– А если ничего не получится? – спросил я.

– Деньги за прием у врача люди отдают вне зависимости от результата, – металлическим голосом произнес монстр.

– Понятно, – сказал я, подходя к столу и выкладывая на него цветные бумажки. Которые, честно говоря, в моих глазах по-прежнему не имели никакой ценности. – Пробуйте.

– Вот это деловой разговор, – хмыкнул мутант. Куча цветных бумажек взлетела, словно подхваченная ветром охапка желтых листьев, и исчезла где-то в темных недрах склада.

– Возможно, что в случае удачи наша следующая сделка все-таки состоится.

Голова мутанта скосила глаза направо и тихонько произнесла:

– Братишка, подъем. Нужна твоя помощь.

На мгновение в бункере повисла мертвая тишина. А потом я увидел глаза «братишки». Абсолютно белые, ничего не выражающие глазные яблоки, уставившиеся на меня.

От этого взгляда я невольно отшатнулся и прижался к стене. Мне показалось, что прозрачные белесые ледяные пальцы коснулись моего лба, проникли сквозь лобную кость черепа и принялись сосредоточенно ковыряться в мозгу.

Это было больно. Очень больно. Больно настолько, что я лишь краем сознания ощущал, как мои ногти скребут стену, словно мое тело независимо от моей воли пыталось прорыть в толще бетона нору и спрятаться в ней, чтобы хоть как-то отгородиться от всепоглощающей боли, в которой тонуло мое сознание.

Но боль не отпускала. Она нарастала, раздирала извилины, проникала между ними и лезла глубже, заставляя мое тело сотрясаться в конвульсиях. Сейчас я словно видел всё со

стороны – склад, себя, корчащегося у стены, мутанта, его головы, одновременно сверлящие меня взглядами, и капли пота, выступившие на лбу разговорчивой левой головы.

– Не понимаю... Ничего... не получается... – прошептал безгубый рот. – Брат... помоги...

«Он и так помогает... своими бельмами...» – пришла мысль ниоткуда.

Ошибочная мысль.

Потому что сейчас мутант обращался вовсе не к своей левой слепой голове.

Горб, разделяющий головы сиамских братьев, шевельнулся, отчего количество продольных складок на нем увеличилось вдвое. Между складками, расположенными по центру горба, появилась щель, увеличивающаяся с каждой секундой, в которой мертво мерцал ослепительно белый зрачок, окаймленный абсолютно черной радужкой.

Это был глаз. Который взглянул на меня лишь на мгновение. Этого было вполне достаточно, чтобы мое тело разорвало на тысячу кусков. Как и весь остальной окружающий мир.

* * *

Очнулся я от ощущения холода и жуткого дискомфорта. Помимо того, что у меня нестерпимо болела голова, на нее непрерывной струей лилась ледяная вода. Боль изнутри и мокрый холод снаружи достаточный фактор для того, чтобы прийти в себя и громко застонать.

– Жить будет, – произнес кто-то. – Только мало и хреново. Если умных людей слушаться не станет.

Я через силу открыл глаза, не надеясь увидеть ничего хорошего.

Так и есть. Лучше бы не открывал.

За железным столом по-прежнему сидел двух (или трех?) головый мутант, а над моей макушкой без чьей-либо видимой помощи висел наклоненный кувшин, из которого лилась струйка воды.

Я отмахнулся от кувшина и встал, держась за стену. Перед глазами плавало с десятков лысых голов, внимательно смотрящих на меня. Неприятное состояние.

Кувшин нерешительно покачивался в воздухе рядом со мной. Я протянул руку, отловил его за ручку и сделал несколько глотков ледяной воды. Остальное выплеснул на лицо.

Вроде немного полегчало. Головы монстра собрались в стандартный комплект. Черный глаз скрылся в складках горба, правая голова по-прежнему дрыхла, лишь левая пристально смотрела на меня, всем своим видом выражая искреннее сочувствие.

– В вашем мозгу кем-то поставлен мощный ментальный блок, с которым я, к сожалению, не могу справиться, окончательно не лишив вас разума, – сказал мутант. – Вам следует обратиться к другим местным специалистам. Возможно, Болотник сможет вам помочь. Или, на худой конец, академик Захаров из научного лагеря. Если, конечно, последний не сдаст вас в свою поликлинику для опытов, как какую-нибудь волкособаку. Кстати, вы не подумали насчет моего предложения? На мой взгляд, неплохая цена за предмет, о котором вы ничего не знаете.

Я аккуратно поставил кувшин на стол и направился к выходу. Больше мне здесь было нечего делать. Немного обидно, конечно, остаться без снаряжения и столь ценимых в этих местах бумажек, на которые это снаряжение можно было купить. Но ведь если разобраться, то обида – это состояние, когда не получаешь того, что хотел получить от других людей. Людей, а не безногого мутанта, обреченного до самой смерти сидеть в своем бетонном саркофаге, набитом снаряжением. Чужим снаряжением. Которое он сам никогда не сможет использовать. Интересно, на что тогда ему эти цветные бумажки?

Я остановился и, обернувшись к несчастному, сказал:

– Если не можешь ходить, но можешь двигать предметы, почему бы не перемещаться, двигая то, на чем сидишь?

И снова двинулся к выходу. Моя нога уже стояла на первой ступеньке, когда сзади раздалось сдавленное:

– Пойдите... подождите...

– А смысл? – спросил я, оборачиваясь.

На мутанта было жалко смотреть. Никогда бы не подумал, что самоуверенный череп, обтянутый блестящей кожей, может выглядеть растерянным.

– Но я... я никогда не задумывался над этим... я с детства в таком состоянии... я привык, что меня возят другие... – бормотал мутант, нервно вцепившись лапками в подлокотники кресла. – А вдруг я не смогу?

– Да ладно, – сказал я. – Попробуй. Считай, что врач дал тебе совет бесплатно.

– Пойдите, – слабо пискнуло существо, которого я про себя не мог называть иначе как Монстром – по сравнению с ним даже ктулху казался совершенным творением природы. – Я должен отблагодарить... Вы мне надежду дали... Возьмите... ну, хотя бы пистолет Макарова.

Сейчас даже ради такого предложения стоило вернуться. Что я и сделал.

Оружие приятно холодило ладонь. Я выщелкнул из рукоятки пустой магазин. Жаль, конечно, что без патронов, но для начала и это неплохо. Был бы ствол, патроны найдутся.

Картонная коробка сама собой подползла ко мне по поверхности стола.

– Это тоже вам, – буркнул мутант. Отчего-то мне показалось, что он уже жалеет о своем благородном порыве. Однако это были не мои проблемы.

Я взял предложенное, однако коробка на шестнадцать патронов для ПМа показалась мне слишком легкой. Открыв ее, я усмехнулся про себя – так и есть, заполнена ровно наполовину. Что ж, на безрыбье и за восемь патронов спасибо.

Я зарядил пистолет, засунул его за пояс, кивнул на прощание хозяину склада, и наконец-то покинул это душное помещение. Проходя мимо автоматчика, я заметил его удивленный взгляд, но так и не понял, чем он вызван. То ли не часто новички выносили с этого склада хоть какое-то оружие, то ли вообще редко покидали его живыми.

* * *

– Ну чо, никак прибарахлился?

Непонятно, чего было больше в голосе Метлы – удивления или уважения. Мне показалось, что поровну того и другого.

– Много отдал за ствол?

Я хмыкнул.

– А ты как думаешь?

– Думаю, прилично, – Метла растянул губы в улыбке. – Оружие в группировке дорогое. Но новое и потому качественное. Смотрю, глянулся ты брату, что он для тебя на нулевой «макар» расщедрился.

– Ага, я заметил. Симпатия из него так и перла. Слушай, Колян, а он правда твой брат?

– Что, непохож? – осклабился «вольный». – Правда. Двоюродный. Мамкина сестра в восемьдесят втором на Первом энергоблоке работала. Ну, ее взрывом «Ноль» и накрыло.

– Взрывом «Ноль»? – переспросил я.

Хоть эксперимент Монстра и не увенчался успехом, но он определенно расшевелил кое-какие воспоминания в моей голове. Мне показалось, что я что-то припоминаю, но ухватить за хвост ускользающую мысль не удавалось.

– Ну, это самую первую чернобыльскую аварию так называют. Когда при пробном пуске реактора Первого энергоблока произошел разрыв технологического канала. От того разрыва радиоактивной пылью несколько тысяч километров накрыло. Говорят, народу в Припяти

померло не счесть, детишек особенно. Но тогда дело замяли. Пока в восемьдесят шестом на Четвертом энергоблоке уже несколько каналов не рвануло.

– А что потом рвануло в Саркофаге и откуда взялось первое излучение-выброс, так никто и не знает... – сказал я неожиданно для самого себя.

– Точно, – хмыкнул Метла. – Слушай, Снайпер, вот смотрю я на тебя и ни фига не понимаю. Если предположить, что ЗГРЛС облучила тебе только одну половину мозга, то другая половина у тебя варит очень неплохо даже для опытного сталкера. Ну не помнишь ты, как тебя зовут и с кем ты неделю назад трахался – да и хрен с ним, не особо важная это для Зоны информация. Но то, что ты в Зоне не новичок, это сразу видно. Однако ни в одном КПК твоей фотки нет и твоей физиономии здесь никто не знает, я уже кинул запрос по базам – глухо, как в Т-90. Что за хрень, не подскажешь?

– Не подскажу, – покачал я головой. – Самому б кто подсказал.

– Ну и ладно, – неожиданно съехал с темы Метла. – На нет и суда нет. На обед ты опоздал, вербовщика где-то черти носят, так что пошли пока к костру, я тебя с пацанами познакомлю. Заодно и перекусим чего-нибудь. У моего звена всегда найдется, чего пожарить помимо казенной пайки.

Костер обнаружился недалеко от лабаза Монстра. Разведен он был в старой прокопченной чугунной ванне, на краях которой лежали заостренные арматурины. Нанизанные на арматуру большие куски мяса уже источали восхитительный аромат, от которого заныл до боли мой измученный концентратами желудок. Вокруг костра в расслабленных позах сидели трое «вольных». Двое поминутно прикладывались к желтым пивным банкам с надписью *Zona premium*. Третий теребил струны издававшей виды гитары, напевая задумчиво-народное:

– Голуби летят над нашей зоной —
Голубям нигде преградок нет.
Как бы мне хотелось с голубями
На родную землю улететь.

Но забор высокий не пускает,
И колючка в несколько рядов.
Часовые с вышек наблюдают
И собаки рвутся с проводов...

– Здоровеньки булы, – поприветствовал отдыхающих вояк Метла. – Как пиво, пацаны?

– Мочегонно, – лениво отозвался плечистый усатый мужик, на спине которого висел стволом вниз специальный автомат «Вал». По тому, как он это сказал, я понял, что далеко не Метла является в звене главным. – Ты лучше поясни, кого это ты с собой припёр?

– Реального бойца, – сказал Колян, усаживаясь на свободное место. – Он ктулху одним ножом уделал. И пострелять вроде не дурак, не зря, поди, его Снайпером кличут.

Трое «вольных» синхронно просканировали меня взглядами и так же синхронно потеребили ко мне интерес. Гитарист, потеряв нить песни, теперь думал о чем-то своем, перебирая струны и время от времени пытаясь затянуть «Ты не вейся, черный ворон, над моею больной головой». Но поскольку поддержки от аудитории не наблюдалось, он наконец отложил инструмент, ухватил банку пива и присоединился к большинству.

– Зона покажет, что это за киллер-самоучка, – после паузы протянул усатый. – Слышь, Метла, покрути-ка шампуры, а то мясо подгорит.

Я посмотрел, как Колян, надев кевларовую перчатку, послушно вращает над костром «шампуры», и совсем уже собрался повернуться и уйти восвояси, как усатый не глядя махнул мне рукой.

– Ладно, парень, присаживайся, бери мясо, хавай. Не бойсь, не радиоактивное. У нас свое хозяйство, поросят еще два года назад с Большой земли завезли. Кстати, Метла, пора раздавать доппаек.

И хотя присутствовало у меня сильное желание послать того усатого вместе с его покровительственными помахиваниями, но желудок был решительно против. В результате в борьбе между здоровым желудком и травмированным мозгом победил первый.

Я присел к костру, кто-то сунул мне в руку желтую банку, Метла протянул железяку с горячими, сочными шматами жареного мяса на ней – и через пару минут я понял, что жизнь налаживается.

Вкус пива я не помнил, но то, что было в банке, вполне подходило к мясу. Вкус жареного мяса я тоже не помнил, но не сильно расстроился по этому поводу – оба открытия были более чем приятными, особенно с голодухи. А еще у меня был пистолет – хотя я сильно подозревал, что Мутант прокатил меня по полной. Но какая разница, если за нужную вещь отдаешь ненужную? Вот только чем теперь в кустах гигиенические процедуры проводить после похода по известной надобности...

Мои расслабленно-философские мысли прервал усатый. Вытерев жирные пальцы о заляпанную пятнами куртку, он сыто рыгнул и слегка пихнул в плечо молодого парня, сидящего рядом.

– Слышь, Валет, чего грустный?

Парень скривился, мол, отстаньте все от меня.

– Не, ну нормально? – оглядел остальных усатый. – Поел, попил, а теперь кисляк давит. Не иначе опять по Гальке своей морочится.

– А хоть бы и по ней, – огрызнулся парень. – Тебе-то, Секач, какое дело? Что ты вечно в душу лезешь?

– Мне есть дело, – наставительно сказал усатый. – Если мой боец своим видом по ерунде подрывает боевой дух подразделения. Сколько не пишет?

– Третью неделю... – выдавил из себя Валет.

– О! – Секач поднял вверх короткий палец. – Месяца не прошло, как в Зону доставку почты наладили – а народ уже в расстройстве. Говорил же я, на фига нам такие блага цивилизации?

– Почты? – переспросил я.

– Ну да, – удостоил меня кивком Секач. – С вертолета ее сбрасывают. «Воля» теперь официальное наемное подразделение Украины. После того, как вояки замаялись нас из Зоны выковыривать, они решили, что проще нас купить. Правда, думаю, всё это ненадолго. Поди купи ветра в поле.

Он рассмеялся, словно волкопес несколько раз подряд гавкнул. Потом снова пихнул в бок Валета.

– Так я чего говорю. Ты что хотел? Чтоб ты в Зоне себе бабло делал, а она тебе писала? Шас. А не пишет – это тоже послание. Это она либо решила, что пора тебе возвращаться и жениться на ней, либо другого мужика нашла. Третьего не дано. И это нормально. У всех баб программа такая заложена. Называется «Семья-дети, дети-семья». И если ты со своим торчащим членом в нее не вписываешься, то извини-подвинься-дай место тому, кто вписывается. Пусть у него даже член вполовину меньше и стоит раз в полгода.

– Да ну тебя... – вяло огрызнулся Валет. – И так тошно.

Но Секач не отставал. Пьяные глазки командира звена блестели азартом. Видимо, тема взаимоотношения полов была его любимой, и он не собирался так легко от нее отказываться.

– А для того, чтобы тошно не было, выработай у себя плотную установку – когда она не с тобой, она с кем-то трахается. В жизни такой подход сильно помогает.

Один из «вольных», лысый, словно колено, облизал жир с опустевшей арматурины и, воткнув ее в землю, подключился к разговору.

– Ну, а если на самом деле не трахается?

Невидимый волкопес залился злобным лаем – это расхохотался Секач.

– Ты, Кожа, скажешь – как в лужу плюнешь. Мужик хрен знает где, а его баба не трахается?

Отсмеявшись, Секач утер со щек пьяные слезы и продолжал:

– Да даже если и не трахается – вернешься на Большую землю и получишь лишнюю положительную эмоцию. Которая лучше, чем отрицательная.

– Какая такая отрицательная? – недоуменно переспросил Кожа.

– Это когда узнаешь, что на самом деле все-таки трахается.

Секач снова повернулся к Валету, не замечая спьяну его состояния. На побледневшем лице «вольного» читалось явное желание схватить автомат, вбить ствол в глотку усатого и залить его нутро горячим свинцом. Но поддатому Секачу всё было по барабану.

– Так что не строй иллюзий, парень, – продолжал он. – В знакомстве с бабами есть четыре этапа. Первый – «женись!». Не женился – будет второй, «поехали отдыхать». Отдыхать не везешь – «давай денег». Денег не даешь – пошел на хрен.

– А что делать, если я ее люблю? – тихо произнес Валет.

– Тут варианта три, – отозвался Секач. – Первый – опять же жениться, обзавестись кучей спиногрызов и каждый день думать, на что ты будешь весь этот табор кормить, поить и воспитывать. Хотя воспитывать она тебя будет, а ты только поить, кормить и слушать, какой ты козел и тормоз, что не можешь ей шубу купить. Вариант второй – не жениться и бегать за ней, будучи посылаемым каждодневно на четыре вышеназванные буквы. И вариант третий – послать на эти буквы ее и в ближайшую вылазку за Периметр в ближайшем населенном пункте с ближайшей доступной телкой вдумчиво и основательно затрахать гнетущее чувство потери...

Мне не нравилось то, что говорил Секач, несмотря на фильмы, просмотренные на КПК Копии. Слово «женщина» все еще оставалось в моем сознании только словом, не подкрепленным живым зрительным образом. Но не нравилось – и всё тут. То ли на уровне интуиции, то ли благодаря каким-то воспоминаниям прошлого, закрытым, как сказал Монстр, непонятным ментальным блоком. А еще мне было немного жалко Валета. Я был почти уверен: еще немного – и парень сорвется. У него даже левый глаз чуть-чуть дергаться начал. А правая рука медленно, но верно тянулась к автомату.

– Это неправильно, – сказал я.

Над костром повисла тишина. Было слышно, как потрескивают угольки в чугунной ванне и где-то далеко за забором горестно воет безглазая псина.

– Что неправильно? – спросил Секач. Его глаза немного сузились, и я понял, что его опьянение было просто игрой.

– То, что ты говоришь. Насчет женщин.

Несколько секунд Секач пристально смотрел на меня. Потом хмыкнул и повернулся к своим бойцам.

– Пацаны, а вам не кажется, что дерьмо фонит?

– Похоже на то, – сказал Кожа. – Где-то на тыщу миллирентген в минуту. Смотри, Секач, скоро засветишься.

– Или засвечу кое-кому, – сказал Секач, приподнимаясь с земли. – Что-то многовато для меня столько микрорентген. Пора этого безмозглого накрыть саркофагом.

Он выпрямился, и я отметил, что вряд ли мне удастся легко справиться с этой неповоротливой с виду горой мяса. Потому как мясо то было жестким и тренированным. Еще один вопрос в копилку неожиданно возникающих знаний: что же такого интересного было у меня

в прошлом, что я вот так с ходу распознаю физические параметры противника, скрытые под свободной униформой сталкера группировки «Воля».

Усы Секача приподнялись кверху – повернувшись ко мне, он улыбнулся. Его желтозубая улыбка напомнила мне гладкий череп ктулху на столе полковника Павленко. В нем тоже как раз между челюстями, сросшимися в результате мутаций, имелся шов, ближе к середине переходящий в овальное отверстие, забитое бело-желтыми кривыми окурками.

Однако к решительным действиям Секач не приступил. Потому что за его спиной раздался возбужденный голос Метлы:

– Гляньте-ка, Циклоп с охоты вернулся. Да не один, а с оленихой!

– С какой на хрен оленихой? – повернул голову Секач. И, присвистнув, докрутил вслед за головой остальную массу тела, разом забыв про меня.

Его реакция меня не удивила.

К костру шел боец, один глаз которого был прикрыт зеленой повязкой под цвет банданы и остальной стандартной униформы группировки «Воля». К его губам прилепился белый бумажный цилиндр, смятый в нескольких местах, на конце которого тлел крохотный огонек. Одной рукой боец придерживал ремень «калашникова», висящего на плече. В другой у него была цепь, соединяющая пару стальных «браслетов» – большую и маленькую. Большие наручники сжимали тонкие запястья, маленькие соединяли большие пальцы, слегка припухшие от притока крови.

Пальцы с запястьями принадлежали грязному существу, непохожему ни на кого, виденного мною ранее. Грязная грива, полностью скрывшая лицо, рваная одежда, едва прикрывающая тело... Однако когда существо трянуло той гривой и из-за нее сверкнули ненавистью неестественно большие глаза цвета артефакта, увиденного мной во сне, я понял, ради кого секунду назад был готов сцепиться с командиром звена Охотников.

Слово, выжившее по эту сторону ментального блока, совпало со зрительным образом.

Это была Женщина.

Вернее, молодая особь. Кажется, на этой стадии развития Женщина называлась Девушкой. Или это понятие связано с какими-то особенностями совокупления?..

Тут я окончательно запутался в терминах – видимо, это мой поврежденный мозг попытался переварить поступившую информацию и несколько перегрузился эмоциями. Потому я не сразу осознал то, что говорили сталкеры у костра.

– Ты, Циклоп, по ходу последние мозги прокурил, – тихо проговорил Кожа. – Ты хоть понимаешь, кого привел?

– Бабу, – сказал Циклоп. – А что?

– Ни хрена хорошего, – сказал Кожа. – И как тебя на КПП Мохнатый пропустил?

– Завороженно, – растянул губы в неестественной улыбке одноглазый сталкер, отчего белый цилиндр отлепился от его губы и упал в лужу.

– Блииин... Из-за того, что у вас с Мохматым вместо головы головка думает, теперь у нас у всех геморрой будет. Размером с левое яйцо головурука.

– Но это будет потом, – веско произнес Секач. – А сейчас не ной, Кожа, дело сделано. Так что перед тем, как хавать жалом пули, хоть потрахемся вволю.

Он сделал два шага вперед и деловито пощупал Девушку за молочную железу, выпирающую из-под обрывков одежды.

– Сам-то хоть попробовал, Циклоп? – хмыкнул Секач. – Ничего коза, сочная.

– Не, не получилось, – протянул одноглазый Охотник. – Лягалась и царапалась как снарк, пришлось пристукнуть слегка и в браслеты запаковать.

– А на фига сразу в два?

– На пальцы для боли, на кисти для надежности.

– Ну да, ты у нас известный садюга, – вновь хмыкнул Секач. Была у него такая паскудная привычка – и по поводу и без такового издавать звук, будто болотный пузырь лопнул. – А когда упаковал, чего не попробовал? По яйцам, что ль, зарядила?

По лицу Циклопа катнулись желваки, после чего оно пошло красными пятнами.

– Понятно, зарядила, – кивнул Секач. – И поделом. Не фиг телок поперед батьки трахать. Так что сегодня ты последний в очереди...

Наконец мой мозг справился с поступившей информацией и выдал несложное, но очевидное в данной ситуации решение.

– Это неправильно, – сказал я, поднимаясь со своего места.

Секач неожиданно резко развернулся в мою сторону, одновременно нанося удар вслепую наотмашь. Я присел, и когда кулак пролетел надо мной, коротко ударил локтем в открывшуюся челюсть командира звена Охотников.

Тот хрюкнул и пошатнулся. Свалить такого кабана с одного удара было непросто, поэтому я уже почти провел левый прямой, намереваясь сразу после него повторить удар, которым, судя по всему, Девушка наградила Циклопа. Но завершить задуманное мне не дали.

Кожа, неожиданно возникший слева, перехватил мою руку и ловко завернул ее мне за спину. Возможно, я бы смог вывернуться из захвата, но справа мою вторую руку жестко заблокировал Метла. А меж лопаток уперлось что-то твердое, очень напоминающее по ощущениям автоматный ствол. Что ж, ничего не скажешь, реакция у Охотников была отменной.

А потом Секач меня ударил. В лицо. Со всей силы. Кто не пробовал такое на себе – категорически не рекомендую. Неописуемые ощущения.

Бамс!!!

Ни черта не видно, мысли расплескало вместе с теплой кровью, хлынувшей из носа, а в голове только одна мысль – убить гада! Порвать на части, уничтожить, рвать ногтями его поганое мясо! И где-то далеко тихий шепот Метлы:

– Ори: «Вызываю Секача по закону свободы!»

Чушь какая-то. Не иначе, показалось...

Второй удар в лицевую часть тела обычно переносится с меньшими спецэффектами. А вот третий, если его грамотно проводят хромовым сапогом в солнечное сплетение, конкретно переворачивает мир – да так, что сразу и не поймешь, где земля, а где грязно-серое небо Зоны.

Скорее всего, Секач забил бы меня до смерти – с его сноровкой пары минут хватило б за глаза. Но тут над моей головой прозвучал властный голос:

– Отставить! Что за борговские методы допроса, Секач? Кто это?

Я приподнял голову. В красном мареве плавало расплывчатое узкое лицо пожилого человека с иконописными глазами, позади которого словно запасные нимбы маячили непрозрачные шлемы не иначе как солдат личной охраны, одетых в костюмы высшей защиты. Потому как человеку с таким голосом ходить без телохранителей просто неприлично.

– Это... Да кто ж его знает, кто это, гетман, – услышал я голос Секача, в котором вдруг куда-то исчезли пренебрежительные нотки. – Метла из Зоны кандидата в зомби приволок, мы его накормили-напоили, а он борзеет не по делу. Да еще в морду мне дал. Можно сказать, при исполнении.

– Пришлый сталкер ударил командира звена? – удивился тот, кого называли гетманом. – И ты его еще тут воспитываешь? Повесить немедленно.

– Брешет он! – раздался звонкий голос. – Сталкер за меня заступился!

Иконописные глаза удивленно уставились на девушку – не иначе гетман сразу и не заметил тонкую фигурку в грязной одежде, которую Циклоп усиленно пытался спрятать за своей широкой спиной.

Потом гетман поочередно обвел взглядом всех членов звена и тихо спросил:

– Вы что, твари, вконец охренели? Вы всю группировку подставить решили или только лично меня?

– Да ты что, батька... Да ты ж нас знаешь... Мы ж, если надо, кровью...

Секач, враз растерявший остатки самоуверенности, разводил руками, словно призывая в свидетели своих подчиненных. У которых как по команде кровь отлила от лица, словно у каждого к загривку присосалось по ктулху.

– На кой мне ваша кровь, уроды, – тихо произнес гетман. – Теперь вся группировка из-за вас будет своей кровью расплачиваться. Если только мне не удастся все разрулить... Короче.

В голосе гетмана зазвучала сталь.

– Короче. Девушку ко мне. И ждать дальнейших указаний. Плетей бы вам штук по пятьдесят каждому, но сейчас может каждый боец понадобится. Так что плети временно отменяются. До следующего малейшего косяка.

– Да батька... Да мы...

Радостный Секач от полноты чувств распахнул было объятия, но, наткнувшись на взгляд гетмана, разом сдулся и поумерил пыл, вытянув руки по швам и пожирая глазами начальство.

– Приказ ясен? – спросил гетман.

– Так точно! – в пять глоток рявкнуло звено.

– Выполняйте.

Гетман повернулся было, чтобы уйти, но тут его взгляд зацепился за меня.

– А этого...

– Я вызываю Секача... по закону свободы, – вытолкнул я из себя вместе с комком кровавой слизи, застрявшей в горле.

– Вот как...

Тонкие брови над неживыми иконописными глазами удивленно шевельнулись. Однако тут же вернулись на прежнее место.

– А чем ты собрался драться, сталкер? По закону, который ты на удивление так хорошо знаешь, каждый дерется своим оружием.

Я положил ладонь на рукоять «макарова», который каким-то чудом не вывалился у меня из-за пояса во время экзекуции. Однако это движение оказалось для меня слишком большим потрясением – Секач умел бить в нужные места. Поэтому я пошатнулся, и чуть не потерял равновесие. И не завалился на бок лишь потому, что ухватился за импровизированный шампур из арматуры, который до этого воткнул в землю, очистив от мяса. Впрочем, пользы от угощения я не извлек – все оно вдруг выплеснулось из меня на землю.

Гетман сделал шаг назад, спасая свои десантные ботинки от блевотины.

– «Макаров» против «Вала», – произнес он. – Что ж, каждый сам выбирает, как ему умирать. Можешь еще эту арматуру прихватить. И прям на пороге арены самостоятельно насадить на нее свою голову. Ты в курсе, что бой не считается завершенным, пока не умрет один из гладиаторов? Как-то, помню, Секач одного оппонента слегка подстрелил, а потом сутки его на ленты резал. Зрители и те разошлись, всем надоело. Кроме него.

Я молчал. Мне было не до разговоров – отбитый желудок крутили спазмы, выталкивая из него остатки пищи.

Наверно, гетману надоело смотреть, как я корчусь над лужей блевотины.

– Доставьте его на арену через час, – бросил гетман. – Пусть все будет по закону свободы.

И, не дождавшись от меня ответа на свой вопрос, направился по своим делам. Два безликих телохранителя двинулись за ним, держа наперевес штурмовые винтовки неизвестной мне конструкции. Надо же, есть что-то, чего я не знаю об оружии. Когда желудок вернется на свое место, это надо будет обдумать. Если вернется.

– Эх, жаль, гетман не подошел минутой позже, – сокрушенно вздохнул Секач. – И потрахаться не обломилось, и вместо послеобеденного отдыха придется тащиться на арену этого

ублюдка отстреливать. Даже «Вал» брать с собой как-то неудобно, братва скажет, не бой, а посмешище какое-то.

– А ты и не бери, – сказал Кожа. – На ножах с ним схлестнись. Метла говорил, он ножом ктулху завалил.

– Нет уж, на хрен, – хмыкнул Секач. – Закон есть закон. Поставлю рекорд самого короткого боя за историю Зоны.

– Ну поставь, поставь, – прокряхтел Кожа, вновь усаживаясь поближе к нагретой ванне и прикладывая к ней ладони – к вечеру стало заметно прохладнее.

– А девку с этим безмозглым кому прикажешь тащить? – осведомился Циклоп.

– Кто их сюда притащил, тот пусть и дальше таскает, – сказал Секач, усаживаясь рядом с Кожей. – Думаю, приказ ясен. Стало быть, Метла с Циклопом шагом марш выполнять. А ты, Валет, присаживайся, продолжим беседу.

– В гробу я видал и тебя, и твою беседу, – сказал Валет, забрасывая автомат на плечо. – Пошел я к ротному, пусть меня из твоего звена переводит куда хочет.

– Не понял, – окрысился Секач. – У тебя жалобы на меня, солдат?

– Нет, – спокойно ответил Валет. – Просто очень хочется дать тебе в морду и при этом неохота болтаться на дереве на манер «жгучего пуха».

– Что ж, можешь попробовать порешать со мной свои вопросы, – осклабился Секач. – После того, как я пристрелю этого зомби. Патронов хватит.

– Ладно, попробую, – ровно сказал Валет. – В общем, ты понял. Я вызываю тебя по закону свободы.

– Понял, понял, – Секач продолжал плотоядно щериться. – Ты второй в очереди. А теперь двигай к ротному и расскажи все как есть. Сомневаюсь, что он после этого запишет тебя в звено Охотников. Дай Зона, чтобы приписали к стрелковой роте. Будешь на КПП мутантов отстреливать. Целых полчаса. Потом я тебя отстрелю на арене. По закону свободы.

Валет усмехнулся и пошел прочь от костра.

* * *

– Ну что, идти сможешь? – тронул меня за плечо Метла.

– Попробую.

Встать получилось. Получилось даже сделать с пару десятков шагов – лишь бы убраться подальше от костра. А потом я почувствовал укол чуть повыше локтя.

– Не дергайся, – тихо сказал мне на ухо Метла, бросив на землю и затоптав ампулу одноразового инъектора. – Это нормальная хрень из американской военной аптечки. Сейчас вставит. Часа на два хватит, а больше и не надо. Желудок Секач тебе не порвал, иначе бы ты кровью блевал. А от разбитой рожи еще никто не помирал. Зубы с челюстями целы?

Я провел языком по полости рта и сплюнул кровь. Разбитые губы резанула боль.

– Вроде да.

– И нормально, – сказал Метла. – Тебе брат сколько патронов отстегнул?

– Полный магазин, – сказал я, про себя удивляясь, с чего это член звена Секача такой предупредительный. Тем более что американский чудо-препарат и в самом деле подействовал почти мгновенно – спазмы отпустили желудок, в голове прояснилось, в теле появилась легкость. Не иначе, какой-то мощный анестетик напололам с наркотой.

– Хорошо, что не пустой дал, – кивнул Метла. – С него станется. Короче, слушай. Как войдешь на арену, прыгай за ящики и ховайся там. Секач, конечно, постреляет для острстки, патронов у него до фига, но гранат сейчас при себе нет, поэтому у тебя появляется хоть какой-то шанс.

– Что ему мешает сейчас пойти и гранаты взять?

– Закон свободы, – с гордостью произнес Метла. – Если кто увидит, что берешь большее, чем было с тобой на момент вызова, – сто плетей, а после сразу на арену. Сам понимаешь, что после сотни плетей боец из тебя как из снарка балерина. Потому у нас народ даже на базе с оружием не расстается – мало ли что. Только шампур свой все же брось, не смеши народ. Ты бы еще с камнем против «Вала» вышел.

Я с удивлением обнаружил, что все еще зачем-то нес в руке жирную от мяса заточенную арматуру. Может, и вправду выбросить? Действительно, чушь какая-то. А потом я подумал: мало ли что. Пусть будет. Все равно больше оружия никакого нет – пистолет да нож. Пусть уж и палка железная останется. Чисто на всякий случай.

Так мы и пришли к здоровенному вертолетному ангару, рассчитанному на несколько боевых машин, – Метла с автоматом в руках на полшага сзади меня, не поймешь, то ли просто рядом идет, то ли конвоирует, – и я. В драной куртке и с жирной арматуриной в руке. Встречный народ порой поглядывал на нас с недоумением, но вопросов не задавал.

Сбоку от огромных запертых ворот находилась небольшая дверь, через которую внутрь ангара потихоньку заходили «вольные».

– Нам туда, – кивнул на дверь Метла.

Что ж, туда так туда.

Сразу за дверью начинался тамбур, этакий длинный пенал, сваренный из стальных листов. Вдоль пенала стояла на треть заполненная различными стволами оружейная пирамида. Возле нее – стол, рядом со столом – длинный ящик с откинутой крышкой. За столом сидел рябой хмырь, блестящую лысину которого уродовал длинный старый шрам.

– Здорово, Копилка, – сказал Метла.

– И тебе попозже сдохнуть, – отозвался рябой. – Автомат в пирамиду, пистолеты и ножи – в ящик.

– Да знаю я, – отмахнулся Метла. – Щас поставлю. Сталкера так пропускай – это он сегодня с Секачом машется.

Копилка с интересом посмотрел на меня.

– Вот этой железкой машется?

– По ходу ей самой, – пожал плечами Метла. – Помнишь, как Богота против Снулого с мачете вышел?

– Этот, похоже, поболее в себя кокса внюхал, чем Богота тогда, – задумчиво протянул Копилка. – Хотя по нему и не видно. Ладно, проходите. Покажи сталкеру, куда идти, а сам на второй этаж чеши. И не вздумай около выпускающих ворот ошиваться, как в прошлый раз. С меня гетман шкуру сымет.

– Я его попрошу, пусть лучше он с тебя скальп соскоблит, – хмыкнул Метла. – И я у ворот постою, и тебе польза от пластической операции.

– Ага, попросишь, – кивнул Копилка. – Я, учти, не шучу. Не дай Зона тебя у ворот увижу – не обессудь. Больше на арену не пушу.

За моей спиной слышались голоса, и внутрь ангара вошли еще трое «вольных». В тамбуре стало тесновато.

– Да ладно, ладно, – примирительно сказал Метла, аккуратно пристраивая свою «Беретту» в ящик. – Все пучком будет, иначе пусть Зона меня сотрет.

– С нее станется, – вздохнул рябой. – Проходите, хватит лясы точить. Людей задерживаете...

Пенал заканчивался широкой железной лестницей, ведущей наверх, и прямоугольной дырой в рост человека прямо под ней.

– Тебе туда, – кивнул на дыру Метла. – А я полез на галерку. Удачи тебе, сталкер.

Я кивнул и пошел куда было сказано.

За дырой имелся небольшой шлюз, перегороженный мощной стальной плитой. У плиты стояли двое сильно широких в плечах «вольных», в фильтрующих масках и с РПК в руках. Интересная особенность у обитателей Зоны, отметил я про себя. Если не хочешь, чтобы тебя узнали в лицо сейчас или впоследствии, надо, не надо – натяни на низ лица маску – и никаких вопросов. Страхует человек здоровье, подорванное сталкерством, кто ж ему что скажет? Береженого сама Зона и бережет.

Мне, похоже, сегодня с опекой Зоны не особо повезло. Сейчас я это как-то хорошо осознал, до глубины души. Стальная плита, люди в масках с ручными пулеметами, то, как Метла удачи пожелал – словно последний долг умирающему отдал, – все это не способствовало поднятию настроения. А тут еще один из «вольных», смерив меня взглядом, прогудел из-под маски:

– Если за одним и тем же ящиком больше минуты прячешься – предупреждение. Больше двух – штрафной выпуск.

– Что? – переспросил я.

– Увидишь что, – хмуро буркнул второй «вольный». – Или волкопса, или снарка выпустим, как настроение будет. В общем, так. Как плита поднимется – ныряй под нее. Чем быстрее нырнешь – тем лучше для тебя, Секач с другой стороны тоже ждать не будет. Ну чо, готов?

Я промолчал. Осознание опасности придало мне сил, и тратить их на пустой разговор не хотелось. Я закрыл глаза, прислушиваясь к себе. Дыхание – в норме. Пульс – в норме. Боль в желудке, не до конца снятая уколom Метлы... растворяется в окружающем воздухе... уходит в стены... в пол...

– Эй, ты чего там, парень? Заснул, что ли?

Уходит в пол... Боль – в норме...

– Не тренди, – коснулся моего сознания голос справа. – По ходу пацан себя перед боем прокачивает. Хотя с «макаром» и железякой против «Вала» прокачивай, не прокачивай...

Где-то за стеной загудели электромоторы. Плита дернулась и нехотя поползла вверх. Десять сантиметров от края плиты до пола... Двадцать... Тридцать... Сорок...

Пора!

Я с места ушел в кувырок, придавший телу необходимый разгон, и, едва коснувшись лопатками пола, точно вошел в образовавшуюся щель ботинками вперед, вдобавок оттолкнувшись от пола локтями.

– Хренассссе! – услышал я за спиной удивленный голос. Но мне уже было не до чужих голосов, которые только мешали сосредоточиться. Особенно некстати оказался дребезжащий рев, неожиданно раздавшийся у меня над головой:

– И вот на арене аххххрененно эффектно появляется сталкер по прозвищу Снайперrrrr! Поприветствуем этот кусок псевдочеловечины, который сегодня сожрет на ужин... Сеееекааа-аччч!

Последняя буква прозвучала как «ча-ча-ча». Краем глаза я отметил висевший под потолком ангара похожий на перевернутую железную шляпу громкоговоритель, из которого несло это омерзительное звуковое сопровождение происходившего на арене действия. Без сомнения, орать он будет до победного финиша. Это меня не устраивало – шепоток практически бесшумного «Вала» в такой какофонии услышать нереально. Как и звук приближающихся шагов. Поэтому мне ничего не оставалось делать, как с ходу, выдернув из-за пояса пистолет, расстаться с одним патроном.

Выстрел хлопнул резко и отрывисто, словно пастушеским хлыстом шелкнули, – понятно, почему карманную артиллерию порой величают «плеткой». Непонятно только, откуда я знаю, как шелкает хлыст. Но это – потом. Сначала – главное.

– Видал! – раздался у меня над головой приглушенный голос. – Я ж те говорю, пацан снайпер, а ты не веришь!

– Снайпер, мля, – отозвался другой. – Ща Секач покажет твоему снайперу, что его башка далеко не матюгальник.

– Еще тот матюгальник, – парировал третий. – Только попасть сложнее – он шевелится и сам пострелять горазд.

...Все эти голоса, несущиеся со второго надстроенного этажа ангара, предназначенного для зрителей, лишь касались моего сознания, не утруждающего себя расшифровкой сказанного. Оно сейчас работало в ином режиме.

На бетонном полу огромного ангара были в живописном беспорядке разбросаны упаковочные ящики самых различных размеров, автомобильные покрышки, обрезки толстых бревен. На самой середине арены лежал на боку изрешеченный пулевыми отверстиями остов старого «ушастого» «Запорожца». Неплохой щит... был когда-то. Пока не проржавел насквозь. Наверняка любой новичок сочтет это укрытие более надежным, чем деревянные ящики.

И жестоко просчитается.

Потому как если противник не совсем дурак, то первым делом он скорее всего пройдет по этому укрытию несколькими очередями. Особенно если у него патронов девать некуда, а тяжелые дозвуковые пули в тех патронах бронебойные, которые преимущественно и используют в бесшумных автоматах «Вал». Обо всем об этом не надо было догадываться – темные пятна на полу около «Запорожца» говорили сами за себя. Замыть их никто не потрудился, и сейчас над ними лениво кружились десятки сытых мух. Вообще-то похожие пятна были везде, но там, у ржавого остова автомобиля, их было особенно много.

А потом тот противник прочешет горы ящиков, сидя где-нибудь в безопасном месте недалеко от противоположного входа. Или поступит еще умнее – постреляет одиночными по наиболее вероятным укрытиям, подождет, пока я так или иначе выдам себя, а потом спокойно с безопасного расстояния поставит в нашей дуэли весомую свинцовую точку со стальным сердечником внутри.

Всю эту окружающую обстановку с ближайшими перспективами развития событий я умудрился просчитать за доли секунды. И при этом заметить, что на дальнем, противоположном конце ангара аналогичная стальная плита на треть поднялась над полом. Еще несколько долей той секунды – и на арену шагнет Секач со своей смертоносной машинкой в руках.

Допустить это было никак нельзя.

Как и пытаться думать.

Думать не надо, когда нужно действовать. Тогда неизвестно кем тренированное тело само выберет оптимальный вариант действия. Это я понял еще когда практически без участия сознания совмещал мушку пистолета с целиком, собираясь превратить в зомби убийц Странника. Вся функция сознания в такие мгновения сводилась лишь к роли постороннего наблюдателя, фиксирующего происходящее. И к перевариванию информации после того, как спасительные рефлексy сделают свое дело.

Второй кувырок – и я уже на ногах...

Плита напротив поднялась почти до половины. Уже видны ноги, живот Секача и черный ствол «Вала», направленный в мою сторону.

Остается от силы три секунды на то, чтобы плита закончила свое движение, Секач оценил обстановку и шагнул на заляпанный кровью бетон ангара, поливая струей раскаленного свинца мечущуюся между ящиками фигурку...

Две секунды...

Одна...

Внезапно я осознал, что не стою на месте, а с неслабой скоростью по прямой бегу навстречу своей смерти, игнорируя ящики, покрышки и другие возможные укрытия.

Не самое лучшее решение!

Сознание уже готово было вмешаться со своими коррективами, продиктованными элементарным инстинктом самосохранения, но не успело.

Потому что тело, не снижая скорости, вдруг метнуло залитый уже начавшим слегка поворачивать жиром железный штырь на манер городошной биты.

Плита наконец поднялась...

Я уже видел лицо Секача, расплывающееся в довольной улыбке – надо же, не придется выискивать жертву под каждым ящиком, сама под пулю бежит, – уже видел, как доворачивается ствол автомата, видел невидимую линию выстрела, которая видна каждой жертве перед тем, как эта линия совместится с точкой на ее теле...

А еще я видел, как, вращаясь в воздухе, заточенная арматура просвистела над полом ангара, и с хорошо слышным хрустом долбанула Секача под коленную чашечку.

Линия выстрела дернулась и жестко уперлась в засохшее пятно на полу. Секач упал на одно колено и на мгновение потерял меня из виду.

Но лишь на мгновение...

Желтые зубы командира звена Охотников до крови прокусили губу, отвлекая мозг свежей болью от боли в колене. Обычно такой способ не только помогает сосредоточиться, но и многократно усиливает ярость. Вкус крови – самый лучший стимулятор бойца.

Лицо Секача приняло звериное выражение. Ствол «Вала» дернулся в мою сторону...

Но я уже, оттолкнувшись ногами, летел над ареной, до хруста в суставах вытягивая вперед руки с зажатой в них рукоятью пистолета, словно пытаюсь еще хоть немного сократить дистанцию между срезом ствола и лбом Секача до рекомендуемых производителями «макарова» пятидесяти метров прицельной дальности.

Мы выстрелили почти одновременно.

Почти...

Людам свойственно вкладывать в это слово некий смысл, означающий когда секунду, когда две, когда годы, а то и десятилетия. В схватке, подобной нашей, «почти» – это даже не доли секунды. Это метры, которые выпущенная пуля преодолевает за эти доли.

Секач был неплохим стрелком и наверняка умел бить влет что птицу, что бродячего телекинетика, парящего в воздухе. Но человек умеет летать плохо и недалеко. Поэтому, когда я грохнулся грудью и животом на бетон, пули прошли у меня над головой, вспоров воздух в том месте, где я был мгновение назад.

А мне было проще. Я стрелял хоть и в полете, но по неподвижной мишени.

Очередь, выпущенная из «Вала», простучала стену ангара и вспорола балкон второго этажа. Уже умирая, Секач все еще пытался убить меня, из последних сил нажимая на спусковой крючок. Но семь девятиграммовых свинцовых цилиндриков, прошедших сквозь череп, не способствуют точности прицела. Кто-то там, наверху, сдавленно вскрикнул – пули, предназначенные мне, достались кому-то другому. Что ж, у каждого своя судьба. Сегодня мне повезло больше, чем некоторым членам группировки «Воля»...

Я поднялся с пола, нажав на затворную задержку, отпустил затвор пистолета, засунул «макаров» за пояс, после чего, не спеша отряхнув куртку и штаны, скрестил руки на груди и принялся спокойно наблюдать за охранниками противоположного выхода на арену. Парни недоуменно переводили взгляд с меня на развороченный череп Секача и обратно. Наконец один из них, с шевелюрой рыжей, словно древесная мочалка из одноименного леса, выдал глубокомысленное:

– Ну ни хрена себе! Я чо-то ничо не понял. Это как это он?

– А хрен ли тут понимать, – отозвался второй охранник, закидывая свой пулемет на плечо. – Концерт окончен, зови духов, пусть жмура оприходуют, пока он в зомби не превратился.

– Чо ему в зомби превращаться, здесь же не кордон, – недовольно проворчал рыжий. – Тока я все равно не понял, как этот сталкер Секача завалил. Тока что тама был – и уже здесь. Метнулся, как ктулху, в натуре.

– «Тама, здесь». Деревня, – сплюнул его собеседник. – Не хрен было со Снайпером связываться. Поди, неспроста «Борг» за его голову пять тыщ назначил.

– Пять тыщ? – восхитился рыжий. – Во, блин, наш человек! Столько же, сколь за гетмана. Хрена себе! Получается, пришлый сталкер ровня нашему батьке!

– Слушай, я те чего сказал, Лис? Не беси меня, «ровня батьке». Давай мухой за духами!

– А чо за ними мухой? Вон они сами тащатся. Эй, слоняры, шевелите поршнями...

Беседу охранников мой мозг воспринимал постольку поскольку. Сейчас мое сознание было занято по прямому назначению – переваривало поступившую информацию. Происшедшее надо было осознать до конца. Что было непросто. До сего момента происходившее со мной воспринималось как само собой разумеющееся. Есть цель – найти Директора и по возможности выяснить, кто я есть и зачем пришел в этот странный и страшный мир. Пути назад нет. Судя по информации из КПК Кобзаря, выход с зараженных территорий отрезан минными полями, рядами колючей проволоки и пулеметами Объединенных сил Независимых Государств, отгородивших Зону от остальной части планеты.

Сейчас же приоритеты целей поменялись местами. Главным для меня стало выяснить, что же я такое есть на самом деле. Почему в критические моменты мое тело действует само, без участия сознания? И настолько успешно действует! И почему раньше я не задавался такими вопросами?

Я хмыкнул про себя.

Возможно, человеку свойственно заниматься самокопанием по мере того, как он накапливает информацию о внешнем мире. Все-таки порой сознание – крайне вредная штука. Не далее как минуту назад послушайся я его – глядишь, и валялся бы сейчас где-нибудь рядом со ржавым «Запорожцем», рисуя своими мозгами еще одно кровавое пятно на бетонном полу ангара.

Два чумазых парня в грязных рабочих робах, появившись из глубины коридора, ухватили труп Секача за ноги и поволокли куда-то.

Странная штука жизнь.

Не прошло и десяти минут с того момента, как самодовольный, уверенный в себе мужик вышел было на арену – и вот уже его разлохмаченный пулями мозг мотается туда-сюда, подметая пол на манер ротовых щупалец мертвого ктулху.

Рация, укрепленная на плече старшего из охранников, пискнула. Он нажал на кнопку:

– Старшина Борисенко на связи... Так точно. Слушаюсь.

И сразу по отключении рации рыкнул:

– Эй, Снайпер, чего стоишь? Пошли, гетман тебя к себе кличет.

Я вторично усмехнулся про себя. Н-да. Похоже, после сегодняшнего боя безмозглым зомби меня больше называть не будут. По крайней мере на базе группировки «Воля».

* * *

Штаб группировки оказался двухэтажным зданием, свежепокрашенным в салатовый цвет, отчего выглядело оно на первый взгляд вполне мирным и уютным. Фотографии похожих домов я видел в КПК Кобзаря в папке «Большая земля». На тех фото рядом с домами стояли люди, у которых не было в руках никакого оружия. Да и одеты они были далеко не в защитные костюмы, а во что-то легкое, воздушное и оттого странное. В такой одежде в Зоне делать нечего.

Здесь около входа в дом веселой расцветки тоже стояли люди. Но никто не обманулся бы в предназначении этого здания, взглянув на фото, если бы, конечно, кому-то пришло в голову его сделать. Потому что так охранять простую мирную двухэтажку вряд ли бы кому пришло в голову.

На ступеньках у входа, над которым висел плакат с надписью красным по белому «Свобода, равенство и братство!», замерли трое. На каждом из них был надет тяжелый армейский защитный костюм, пробить который смогла бы пуля не всякого автомата, даже выпущенная в упор. На голове – шлем второго класса защиты со светоотражающим бронестеклом, в руках у двоих по легкому американскому пулемету Minimi, а у третьего – китайский ранцевый огнемет «Тип 74», один выстрел которого легко превратит в головешки взвод пехоты.

Н-да... «Борг» мог бы смело прибавлять к пяти тысячам рублей, обещанным за голову гетмана, еще пару-тройку нулей – думаю, ничего бы не изменилось. Учитывая организацию охраны и отношение к «батьке» остальных членов группировки, напасть на командира «Воли» мог разве что самоубийца.

Мой вывод подтвердился, когда мы со старшиной прошли мимо охраны, словно ктулху в режиме невидимости. Никто из живых танков даже не пошевелился, чтобы хоть как-то отреагировать на наше вторжение, а уж тем более обыскать. Не иначе, предупреждены. Но все равно непонятно. Или, по их мнению, обыск не имеет смысла при такой охране? А мало ли что я внутри здания могу учудить?

Однако когда мы вошли внутрь, мои вопросы отпали сами собой. «Учудить» что-либо внутри штаба группировки «Воля» было решительно невозможно. В конце каждого коридора за специально сваренным из металла столом, дополнительно прикрывавшим нижнюю часть тела, сидел такой же биотанк, как и у входа, целясь в противоположную стену из пулемета той же конструкции. Что ж, понятно – у любого киллера моментально пропадет охота чудить в полностью простреливаемом коридоре.

Мы поднялись на второй этаж, естественно, также укомплектованный пулеметчиком. Помимо которого на этаже туда-сюда прогуливались двое уже знакомых мне охранников, сопровождавших гетмана на прогулке по расположению базы и облаченных в современные модульные бронекастюмы высшей защиты. Они были неожиданно, но объяснимо вооружены небольшими российскими автоматами А-91М. Машинка небольшая, удобная и мощная, под старый АКМовский патрон калибра 7,62 миллиметра. Идеальное оружие для ближнего боя, в таком коридоре пробивающее любой бронежилет. Даже тот биотанк с пулеметом прошьет как иголка старую тряпку вместе с его броне столом. Если, конечно, тот его раньше в решето не превратит.

В общем, не хотелось бы мне каждый день гулять по такому коридорчику – вдруг у кого-то из бдительной охраны дрогнет палец на спусковом крючке. И никакой киллер не понадобится. Крепко, ох, крепко напугал «вольных» тот сталкер-убийца, о котором рассказывал Метла.

Дверей в стенах коридора не было. Не иначе, чтоб сектор обстрела не перекрывать – только открытые проемы. В один из них и сунулся Борисенко.

– Здрав буде, батько, – пробасил он. – Вот привел кого велено.

– Пусть заходит, – раздался из глубины кабинета знакомый голос. – Свободен, старшина.

– Есть! – гаркнул Борисенко во всю мощь луженой глотки. Краем глаза я отметил, как чуть заметно вздрогнул биотанк за столом, отчего на несколько миллиметров сместился в мою сторону ствол его пулемета.

Я поспешил воспользоваться приглашением и нырнул в кабинет, едва по пути не сбив с ног неповоротливого старшину.

– Куды тэбэ чорты нэсуть? – слегка опешил от такой прыти старшина.

– Сказано заходить, вот и захожу, – бросил я, не сбавляя скорости. Иногда излишняя охрана это тоже плохо.

Сказал – и уперся грудью в очередной ствол.

В кабинете имелся еще один хранитель тела, и сейчас этот безликий секьюрити с бронестеклом вместо морды на полном серьезе готовился сделать то, что не успел пугливый пулеметчик, – палец на спусковом крючке его автомата уже выбрал половину слабины. Малейшее движение – и всё, можно вызывать «духов» в засаленных робах.

Я замер на месте. Донельзя неприятное ощущение, когда боек автомата, нацеленного тебе в грудь, завис над капсюлем, и достаточно пальцу какого-то уроды сместиться на пару миллиметров...

– Отставить, Заворотнюк.

Ага. Значит, фамилия этого расторопного уроды с автоматом – Заворотнюк. Черт! Чтоб ему Борисенко на лестнице чихнул, когда он из кабинета выйдет!

Заворотнюк нехотя отвел ствол автомата в сторону, но, похоже, покидать кабинет не собирался. Он вразвалочку пошел к дивану и уселся на него, положив автомат на колени и всем своим видом показывая – только через мой труп ты, убийца, замаскированный под обычного stalkera, завалишь нашего обожаемого гетмана.

Обожаемый гетман сидел за таким же стальным столом, что и биотанк в коридоре. Хорошая, конечно, у них в «Воле» мода на офисную мебель – под таким столом и от заброшенной в кабинет гранаты спастись вполне реально. Только как забросить гранату в окно, забранное приваренными намертво под углом в сорок пять градусов металлическими жалюзи, через которые свет-то едва проходит? Оттого и лампы дневного света мерцают под потолком среди бела дня, и в их свете головы подстреленных мутантов, прибитые к стене в качестве трофеев, кажутся живыми и еще более жуткими, чем были при жизни.

В общем, вот такой был у гетмана в кабинете спартанский интерьерчик – стол, ноутбук на том столе, одинокий стул и хранитель тела на продавленном диване. Вся разница с кабинетом борзовского полковника – вместо черепа ктулху, набитого окурками, чучела голов мутантов на стене. Без окурков. Не иначе потому, что гетман, в отличие от конкурента, берег здоровье.

– Присаживайся, – кивнул мне на стул гетман.

– Ничего, я постою.

Гетман поднял на меня усталые глаза человека, которому всё до смерти надоело.

– Ну, постой, – разрешил он. – Можно вопрос?

– Можно, – сказал я.

– Зачем была нужна палка? При твоих способностях пулей колено раздробить не проще было?

– Не проще, – ответил я. – Судя по тому, как двигался Секач, он был неплохим стрелком. А хорошему стрелку не нужно видеть человека – он умеет стрелять на вспышку и на звук выстрела. Палка же летит бесшумно.

Гетман покачал головой.

– Логично. Как я сам не догадался? Хорошо, а почему не нож?

– Боевой нож, даже вонзенный в жизненно важные органы, не обеспечивает останавливающего эффекта, – ответил я. – Первые секунды после ножевого ранения человек часто не ощущает фатальной боли и продолжает атаку. А вот дробящий удар по кости чувствуется сразу.

– Верно говоришь, – пробормотал гетман. – Интересно было бы узнать, в какой горячей точке ты всего этого набрался...

Я промолчал. Понятно, что гетман вызвал меня в кабинет не для того, чтобы поинтересоваться, зачем я припёр на арену жирный шампур. Честно говоря, до того момента, как я обнаружил себя летящим в воздухе навстречу поднимающейся плите, я и сам не знал зачем. Кто ж думал, что пригодится?

Гетман еще помолчал немного, потом посмотрел на телохранителя и сказал:

– Заворот, выруби наушники на шлеме.

Сзади меня послышался едва слышный щелчок.

– Теперь нас никто не слышит, – сказал гетман. – Скажи, зачем ты пришел в Зону?

– Не помню, – ответил я.

– Верю, – кивнул командир группировки «Воля». – Тогда ответь, что ты сейчас делаешь в Зоне? Какова твоя цель?

– Вернуть память. И найти Директора.

Край рта гетмана слегка дернулся кверху. Я так и не понял, что это было – подобие улыбки или нервный тик.

– Знаешь, – медленно произнес он, – иногда в Зоне появляются такие... сталкеры, как ты. Они просто идут вперед, убивая всё живое на своем пути. Им отчаянно везет. Их не успевают сожрать мутанты – они убивают их раньше. Они выдергивают из самых опасных аномалий самые дорогие артефакты. Они дружат с теми, кто хочет с ними дружить, что не мешает им прирезать друга ради дорогого ствола или банки тушенки. Они идут к Монументу, который еще называют Машиной желаний, – и доходят до него. После чего исчезают, оставив за собой гору трупов – как человеческих, так и не совсем. Возможно, Монумент исполняет их желание, а может, сама Зона просто вычищает из себя ненужный биомусор. Думаю, что ты – один из таких сталкеров.

– Откуда такие выводы? – поинтересовался я.

– Можно сказать, что я лично знал двоих из них, – сказал гетман. – С одним из них, наемником, мы имели кое-какие общие дела и интересы, что не мешало ему сбывать барыгам хабар убитых членов «Воли». Причем я до сих пор не знаю, сам он убивал их или же просто занимался мародерством. Но не исключаю, что сам. А второй, как ты уже слышал, вычистил вот эту базу ради пары защитных костюмов, которые по дешевке загнал бармену перед своим знаменитым походом к загоризонтной радиолокационной станции. Которая, кстати, включилась сразу после следующего выброса, накрыв тех, кто посчитал путь свободным и рванул в Припять за легким хабаром.

Честно говоря, данная информация была лично для меня совершенно бесполезной.

– К чему этот разговор? – спросил я.

– Я предлагаю тебе сделку, – отдельно произнес гетман. – Ты остаешься здесь, принимаешь присягу группировке «Воля» и звено Секача под свое командование. Плюс получаешь в подарок самую лучшую экипировку, какую только можно найти в Зоне.

Мне стало любопытно.

– Самую лучшую – это как?

– Штурмовая винтовка FN F2000 и новейший бронекостюм-экзоскелет WEAR 3Z полного цикла.

Если с винтовкой все было более-менее понятно, то про такой костюм я слышал впервые.

– Что значит «полного цикла»?

Гетман усмехнулся. На этот раз это была не гримаса, а настоящая улыбка с малой толикой нескрываемой гордости – вот, мол, чем мы тут своих лучших солдат снабжаем.

– Это значит, что ты можешь не вылезать из него четыре выброса подряд.

– Почти месяц? – удивился я. – А как же...

– А так. В лучших моделях защитных костюмов, которые сейчас можно купить в Зоне, никто не гарантирует, что любой приبلудный ктулху не присосется к твоей голой заднице, когда ты удалишься в кусты по крупному делу.

– Или к другой части тела, если удалишься по мелочи, – задумчиво произнес я, поневоле представляя, на что готов пойти ктулху ради того, чтобы пообедать. Реально гнусная тварь, не зря мы с Кобзарем его завалили.

– Или так, – кивнул гетман. – Так вот, американцы вместе с японцами продумали систему внутренней очистки и стерилизации военных костюмов-экзоскелетов третьего поколения, специально разработанных для Зоны. Достаточно, не снимая костюма, раз в три дня менять картриджи со спецпитанием и дезинфицирующими растворами. А все продукты жизнедеятельности сбрасываются в окружающую среду запакованными в быстроразлагающийся пластик.

– Это чтоб Зону полиэтиленом не засорять? – уточнил я.

– Ну, типа того, – пожал плечами гетман. – Чушь, конечно, но вещь и в самом деле уникальная.

– Это точно, – согласился я. – И что я должен буду делать в обмен на такие дорогие подарки?

– Не подарки, а экипировку, – поморщился гетман. – Хороший сталкер должен быть снабжен всем необходимым. А ты можешь быть лучшим в группировке.

– И чем заниматься? Зачищать блокпосты и базы «Борга»? Или мародерничать вместе с Охотниками во благо «Воли»? Вроде бы вы недавно осуждали такое поведение. Когда оно касалось вас.

Гетман поморщился.

– Так живет вся Зона. И не только она. Во всем мире существует один закон – не ты, так тебя. Слабыйдохнет в нищете, сильный разделяет и властвует. И всегда лучше присоединиться к сильному, чем остаться в нищете и одному.

Я покачал головой.

– Может, оно и так, – сказал я. – Но мне не нравятся законы «Воли». Я хочу уйти.

– Ну что ж, иди, – неожиданно легко согласился гетман. – Только для начала взгляни сюда.

Неуловимым движением профессионального убийцы он повернул ко мне экран ноутбука. Такой же, как на ставшем моим наладоннике Кобзаря, только больше раза в четыре. И с лучшим разрешением. На котором был отчетливо виден серый периметр базы группировки «Воля», заполненный вяло шевелящимися зелеными точками. А на некотором расстоянии от внешних стен периметра активно двигались россыпи красных точек. И было их гораздо больше, чем зеленых.

– Как ты догадался, зеленые точки – это мои бойцы. А красные – Всадники.

Об этой группировке ничего не было сказано в «Энциклопедии», поэтому я непонимающе уставился на гетмана.

– Ничего не слышал о «Всадниках Апокалипсиса»? – удивился гетман. – Хотя оно и понятно. Эта группировка появилась недавно, и те, кто с ней столкнулся, ничего не успели занести в свои КПК. Что ж, кратко просвещу, не вдаваясь в тошнотворные подробности, которые до конца сам не знаю. Несколько выбросов назад две ученые особи женского полу из научного лагеря нашли новый артефакт, обладающий уникальными свойствами. При прикосновении к телу биологического объекта артефакт на несколько минут меняет молекулярную структуру участка, на который воздействует. Причем таким образом, что этот участок вместе с костной тканью становится податливым, словно пластилин, из которого можно лепить что угодно. И что угодно в него вживлять. После чего плоть обретает прежние свойства, причем обработанный участок сохраняет приданную ему форму и не отторгает вживленные в него инородные тела. Не знаю в подробностях, что там у них в лагере произошло, но вроде как научницы были медиками, знающими основы хирургии, в том числе и пластической. Короче, две посредственные бабенки посредством артефакта сделали друг из друга писанных красавиц, и, небезосновательно опасаясь, что коллеги отнимут у них ценный артефакт, рванули в Зону, перед этим сбросив информацию о новом чуде в интернет.

– Понятно, – сказал я. – Все страхишки с Большой земли помчались сюда.

– Точно, – кивнул гетман. – И не только бабы, мужики тоже. И еще вопрос, кого больше, тех или других. При этом никого из них не остановил тот факт, что артефакт радиоактивен и при его использовании запросто можно подхватить лучевую болезнь первой, а то и второй степени. И накачивайся, не накачивайся водкой с медикаментозными радиопротекторами, а свои двести-триста рад по-любому получишь. Хирург-то в костюме высшей радиационной защиты операцию проводит, а пациенту никак не защитить тупую пьяную морду, из которой делают лицо ангела. На выходе красавцы и красотки получают нереальные, у которых, правда, от радиации мозги набекрень съезжают. Наглядный пример тому ты уже видел – такую красотку Циклоп приволок сюда на нашу голову. М-да. Симпатичные существа получают на выходе, ничего не скажешь. За то артефакт «фотошопом» и прозвали. Правда, в основном живут те мистеры и мисс совершенства мало, порой от силы полгода после правки. И агрессивными становятся хуже безглазых псов. Но некоторым везет, живут и здравствуют. На то она и Зона, чтобы избранных ею за своих держать.

Гетман повернул ноутбук экраном к себе.

– И вот сейчас эти самые везучие собрались по нашу душу. Не думаю, что так уж виноват Циклоп, отловивший Всадницу. Уж больно быстро они под наши стены всей кучей притащились. Даже для фенакодусов. Не иначе еще до этого готовились вскрыть нашу базу как консерву.

Я начал кое-что понимать.

– Значит, Всадники они потому, что...

– Как-то научились приручать этих тварей, – продолжил мою мысль гетман. – Причем с ними Всадникам никакой выброс не страшен – фенакодус сворачивается прямо на земле, словно кошка, и Всадник под него забирается. И тепло, и выброс по фигу. Жрать захочешь – фенакодус срыгнет тебе в рот немного фарша – он его в защечных мешках пережеванным таскает на случай голодухи.

Я невольно поморщился. Жвачка из пасти первобытной лошади – это слишком.

– Вот именно, – сказал гетман. – Этим тварям постоянно нужна еда. А жрут регрессировавшие лошадки только мясо. По фигу чье, человеческое или мутантово. Муты-то их за версту чуют и разбегаются как от огня. Сталкерским группировкам хуже приходится. Часовые часто даже не успевают подать сигнал бедствия – их снимают раньше. Недавно вот группировку «Демонов» схрючили, полтора человека – и хоть бы кто подавился. Удивляюсь, как это Циклопу удалось у Всадников девку умыкнуть и живым назад вернуться.

– Вы сами только что сказали – некоторым везет, на то она и Зона.

– Точно, – кивнул гетман. – Но всякому везению бывает предел. Поэтому выбор у тебя небольшой – или с нами, или за ворота к Всадникам. Правда, учти – они чужих не любят, если только это не клиент на операцию с большими деньгами. Этим правят морду и отпускают обратно на Большую землю, если только они не решат остаться в группировке. Остальных скормливают лошадам.

– Понятно, – сказал я. – Пожалуй, я рискну.

– Твой выбор, – развел руками гетман. – Не смею задерживать. Последнее желание перед смертью есть?

– Есть, – кивнул я. – Отпустите со мной девчонку, которую захватил Циклоп.

Гетман внимательно посмотрел на меня и задумался, медленно постукивая кончиками пальцев по крышке стола.

Думал он недолго.

– Что ж, – произнес гетман, – желание у тебя разумное. Может, при таком раскладе и не сразу тебя разделают, а лишь поутру, когда у тварей основная кормежка. Ты ж вроде как за нее тогда у костра впрягся? Глядишь, и она за тебя впряжется, в чем я, правда, сильно сомневаюсь.

Но тут видишь какое дело... По закону группировки «Воля» девка – собственность Циклопа. А Циклоп потребует за нее хорошую цену.

– Ясно, – сказал я. – Денег у меня нет, так что...

– погоди, – тормознул меня гетман. – Денег нет, но хабар у тебя знатный имеется.

И показал глазами на рукав моей куртки.

Надо же! Круто у них тут цыганская почта работает! Не успел Метла где-нибудь у костра насчет моей «Бритвы» языком чесануть – а начальство уже в курсе.

Нож было жалко. Но девчонку жальче. Какая разница, звено Секача или охрана гетмана придется по девчонке «трахом» после того, как главный получит свое? Им перед штурмом базы бояться нечего – если сюда вломятся Всадники, пощады никому по-любому не будет.

– Пусть Заворотнюк в шлеме звук на прием включит, – сказал я.

– Логично, – сказал гетман. – При виде ножа этот пальнет раньше, чем подумает.

И сделал знак рукой.

Сзади меня послышался тихий щелчок.

– А теперь скажите своему телохранителю, что я сейчас собираюсь сделать.

Гетман оценивающе посмотрел на меня.

– Знаешь, правда жаль, что ты решил помереть именно сегодня. У тебя ж все задатки как минимум ротного. А в Зоне сталкеров намного больше, чем мозгов. Мозги у нас дефицит. Слышь, Заворотнюк, сейчас Снайпер достанет нож. Резать меня этот сталкер не собирается, так что стрелять в него не надо.

– А зачем тогда он достанет нож? – раздался у меня за спиной глухой голос, искаженный мембраной.

– Что я говорил, – вздохнул гетман. – В общем, стрелять не надо. Приказ ясен?

– Ясен, – пробубнил Заворотнюк, явно оскорбленный в лучших чувствах.

Тем не менее рукав куртки я засучил подчеркнуто медленно. И так же медленно отстегнув ножны с «Бритвой», положил их на стол гетмана.

– Что ж, иди, – с явным сожалением в голосе сказал командир группировки «Воля». – Девку тебе подведут, когда подойдешь к воротам. Так что прощай. Потому как не думаю, что ты переживешь этот день.

– Как знать, – сказал я. – Это ж Зона. Некоторым здесь везет.

Глава третья

Закон Всадников

Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера.

Библия. Откровение святого апостола Иоанна Богослова, 9:17

Если честно, не был я так уж уверен в своем везении. Насчет способностей – да, умел я двигаться чуть быстрее и стрелять немного лучше, чем обычный сталкер. Но, как мне теперь думалось, происходило это не из-за того, что я такой весь из себя особенный. Просто обнаруженный Монстром ментальный блок перекрыл в моей голове поток ненужных мыслей, которые постоянно засоряют мозги обычного человека. Много думать вредно. Тогда голова меньше чушью всякой занята и работает строго по делу.

Везение же, судя по моему небольшому опыту пребывания в Зоне, штука капризная и непостоянная. Так прикинуть, вроде что Майор, что Копия, что тот же Секач, упокой их Зона, судя по их виду, разговору и действиям были уж куда более везучими. Однако где они сейчас? Вот именно. Потому и впредь постараемся думать о везении как можно меньше. И вообще, работать головой только по необходимости. Ведь, если разобраться, что мозгами шевелить, что лбом заехать кому-нибудь в переносицу есть действия нужные только в определенной ситуации.

Занятый такими мудреными рассуждениями, я шел по базе группировки «Воля» к воротам, в которые зашел совсем недавно, надеясь экипироваться, вооружиться и получить интересующие меня сведения. В результате за несколько часов вместо всего вышеперечисленного я лишился денег и своего единственного оружия. Пистолет с пустым магазином, который сейчас я за ненадобностью переместил из-за пояса в карман куртки, можно было из категории «оружие» смело переместить в «бесполезные железяки», которые что сейчас выброси, что потом – разницы никакой.

Вдобавок к этому получил я несколько хороших ударов в морду и по корпусу, от которых до сих пор слегка мутило. Плюс девчонку. Не совсем то, на что я рассчитывал. Хотя, надо признать, девчонка меня странным образом волновала. Дурацкое чувство, когда мозг вопреки твоему желанию включается в режим, от которого проку никакого. Одно мысленное рассматривание огромных глаз, светлых волос, отмытых от грязи воображением, упругих молочных желез, тонкой талии, переходящей в округлые бедра...

Увлеченный картинкой, неясно с какой радости обосновавшейся у меня в голове, я чуть не пропустил нужный поворот дороги, ведущей между каменными бараками к воротам. Ну совсем никуда не годится! Нет, женщины – это определенно зло! Особенно когда надо думать не о них, а о предстоящем деле.

А дело, судя по всему, предстояло нешуточное.

Группировка «Воля» готовилась к бою. Причем так, словно ее собирались атаковать все войска ОСНГ и НАТО в полном составе.

К стенам, окружавшим базу, подводились конструкции, собранные из металлических труб. Какой-то грамотный военный инженер, заранее продумав возможность осады, пришел к простому и, на мой взгляд, эффективному решению. Решение это представляло из себя широкие лестницы на колесах, похожие на самолетный трап, наверху которых монтировались бронешиты с амбразурами. Судя по тому, как ловко, орудуя гаечными ключами, пара сталкеров неподалеку собирала такую лестницу, детали были заготовлены заранее и лишь ждали своего часа. К ближайшей стене уже были приставлены несколько подобных чудес военной мысли,

наверху которых сталкеры в зеленых комбинезонах устанавливали крупнокалиберные пулеметы.

А ворот просто не было. Металлические створки, через которые я входил несколько часов назад, были заварены широкими полосами металла, и к ним уже была придвинута лестница с парой пулеметов наверху. Понятное дело, что ради моей персоны вряд ли кто станет разбирать-разваривать-развинчивать только что созданную баррикаду. Проще послать. Или пристрелить.

Однако когда со стороны складов появились Метла с Циклопом, ведущие пленницу с попрежнему скованными руками, я усомнился в своих выводах. Похоже, что гетман здесь царь и бог. И если он сказал выпустить – выпустят. Пусть даже для этого придется ворота вынести, а после занести на прежнее место, причем в том же качестве, что и было до этого.

Девчонка шла, опустив голову, – только грязные волосы мотались туда-сюда, словно клоуна «жгучего пуха» на ветру. Циклоп бесцеремонно тащил ее, ухватив за локоть, с другой стороны ему помогал Метла.

– Ну ты дал, сталкер! – еще издали заорал Циклоп, увидев меня. – «Бритву» отвалить за эту сучку! Да если б ты свой ножик продать вздумал, тебе год бы на те деньги стрипухи во всех барах Зоны что хошь по три раза на дню в любых позах исполняли!

Последнюю фразу Циклопа я вообще не понял, но, на мой взгляд, она не несла в себе важной информации, требующей уточнений. Поэтому, когда троица подошла поближе, я сказал только одно:

– Освободите ее.

– Ты в своем уме, парень? – поинтересовался Циклоп. – Это ж Всадница. Они ж как один на всю голову облученные. В харю вцепится – никаким «фотошопом» не подправишь. Тем более, что его у нас нет.

– Вряд ли она вцепится, – сказал я. – У нее от твоих браслетов уже руки ничего не чувствуют, скоро отек кистей начнется. Ты ж ей их чуть не до кости затянул.

– С ними лучше перетянуть, чем недотянуть, – проворчал одноглазый сталкер, нехотя доставая из кармана ключ. – Все равно убей не пойму, на хрена она тебе сдалась? Лично знаю с десятков стрипух, которые бы за твою «Бритву»...

– Ладно, Циклоп, заканчивай воздух сотрясать, – немного раздраженно бросил Колян. – Знаем мы твоих стриптизерш, тем же «фотошопом» отретушированных, – они ж фонят, как Саркофаг, и жить им осталось два понедельника.

– Это да, – кивнул Циклоп, снимая наручники с пленницы. – Мрут девчонки как по расписанию. Интересно, почему тогда Всадники живут себе и живут после «фотошопа», и по фигу им та радиация.

– Это ты у нее спроси, – кивнул на девушку Метла.

– Ага, она так прям и сказала.

Девушка с нескрываемой ненавистью смотрела на сталкеров, осторожно растирая онемевшие запястья.

– Ты глянь на нее. Того и гляди бросится, – продолжал Циклоп. – Слышь, Снайпер, ты там с ней поосторожнее. А то до Всадников дойти не успеешь, она тебе глотку по пути перегрызет.

– Эй, разговорчивые, вы там долго еще языками молоть будете? – окликнул сталкеров с вершины лестницы «вольный» в тяжелом армейском бронекостюме. – Кому там за стену приспичило, ведите их сюда.

– Ну, бывай, сталкер, не обессудь, ежели чего, – сказал Метла на прощание.

– Бывай, – ответил я. И тронул девушку за рукав. – Пойдем.

Она молча пошла за мной. Ни слова, ни жеста. Ну и ладно, так оно даже лучше. Слишком уж сильно волновало меня и то, и другое в ее исполнении.

Мы поднялись наверх.

Отсюда из-за бронешитов было хорошо видно всё, что творилось за пределами базы. Холмистое поле, дорога, колышущееся марево над парой аномалий, руины деревни слева от дороги. И черная шевелящаяся масса в полутора-двух километрах от нас.

Я прищурился и, прикинув на глаз количество живых тел, составляющих эту массу, пришел к выводу, что в группировке «Всадников» состоит не меньше пятисот человек. Причем около трехсот из них – верхом на фенакодусах. Если же имеются у той группировки современные переносные ракетные комплексы и гранатометы, то как пить дать раздолбают они из тех комплексов стены базы группировки «Воля». И никакие бронешиты и пулеметы не спасут ее от штурма Всадников, на скаку поливающих автоматным огнем все живое в пределах досягаемости того огня.

Пока я стоял и шурился, «вольный» в армейском костюме перекусил специальными ножницами одну прядь спирали Бруно, после чего бросил мне моток тонкого троса.

– Привязывай сучку и спускай вниз. Мля, хрен вас принес на мою голову. А мне после вас ограждение восстанавливай. Давай быстрее, не телись!

Подавив огромное желание дать пинка закованному в броню «вольному» так, чтобы он сам улетел в дырку, проделанную им в проволочном ограждении, я сделал на конце троса петлю, намереваясь набросить ее на талию девушки и таким манером спустить ее на землю.

– Не надо, – вдруг сказала она и протянула руку к тросу. Что ж, уважаю чужой выбор. Пусть попробует сама справиться.

Я протянул ей веревку.

Она справилась. Уверенно затянув петлю на ближайшей трубе лестницы, Всадница с неожиданной ловкостью нырнула в разрыв ограждения и, быстро перебирая руками и упираясь ногами в стену, начала спускаться. Что ж, девчонка неплохо держится, пробыв несколько часов в наручниках, затянутых по самое «не могу». Мне ничего не оставалось, как последовать ее примеру. Прощай, группировка «Воля». Надеюсь, навсегда.

Пока спускался, я прикинул свои шансы на выживание. Шансы были не очень. Не имея даже ножа, перспектива пережить в Зоне несколько дней равнялись нулю. Понятное дело, что девчонка и сама доберется до своих без чьей-либо помощи. Тем более с такими навыками. Другой вопрос, куда смогу добраться я со своими навыками, но без оружия. Пожалуй, до первого попавшегося на пути желудка голодного мутанта. Или сам сдохну с голода.

Ни один из вариантов меня не устраивал. Поэтому придется идти в ту же сторону, куда направлялась девчонка. В надежде, что Всадники не сразу скормят меня фенакодусам, а немного повременят – как-никак, я члена их группировки спас. А там уж что-нибудь по ходу дела придумается.

– Мне провожатые не требуются, – озвучила девчонка мои мысли.

– Я догадался.

– Тогда не советую идти со мной. Если ты не клиент, тебя скормят коням.

– В смысле, фенакодусам? – уточнил я.

– В смысле коням, – уточнила она. – Свои ученые слова можешь засунуть себе в задницу.

– У вас в группировке все такие вежливые? – поинтересовался я.

– Тебя туда все равно не возьмут, разве только в качестве корма для коней. Поэтому очень рекомендую идти в другую сторону.

– Спасибо, учту, – сказал я.

Дальше мы шли молча. До тех пор, пока из вечернего тумана не прозвучал окрик:

– Стой! Кто такие?

– Номер сорок пять К, – отозвалась моя спутница. – И корм.

– Корм – это хорошо, Сорок пятая, – отозвался голос. – Твой Букефал уже сутки ничего не ест, тоскует. Будет ему двойной подарок.

Из тумана вынырнуло чудовище, отдаленно напоминающее лошадь. На его спине восседал человек с «калашом» в одной руке. Другой рукой он уверенно направлял зверя, на кошмарную морду которого была надета обычная уздечка. За спиной Всадника маячили два его товарища, тоже на «конях» и при оружии.

– А чего корм не связан? – удивился всадник. – Сбежит ведь.

– Он сам сюда пришел, – пожала плечами моя безымянная, но пронумерованная спутница.

– Точно не клиент? – усомнился один из Всадников.

– Сто процентов.

Слова девчонки еще звучали в вечернем воздухе, когда рука ближайшего ко мне Всадника сделала короткое движение. Я успел заметить, как надо мной зависла на долю секунды петля аркана. Мое тело непроизвольно рванулось в сторону...

Поздно.

Тонкий шнур захлестнул мои руки, плотно прижах из к телу.

Рывок!

Я потерял равновесие и ткнулся лицом в лужу.

– Так оно надежнее будет, – прозвучал над моей головой голос начальника дозора. – Консервы всегда поначалу смелые, а потом бегай за ними по всей Зоне.

Послышался свист плети, шлепок о круп «коня», после чего меня с десятков метров тащили лицом по грязи.

– Стоять, ноль второй!

Резкий крик моей бывшей попутчицы прервал экзекуцию.

– Не понял...

В голосе начальника дозора слышалось недоумение.

– Букефал не ест трупы, – пояснила девчонка. – Или ты решил, что это твоя добыча, ноль второй?

Эге. Похоже, сейчас Всадники передерутся за то, чья тварь будет меня жрать. В другое время я бы повеселился над этим фактом. Однако сейчас мне было не до смеха.

– Никаких проблем, – отчеканил начальник дозора. – Я подумал, что так будет проще доставить твою добычу в лагерь.

– Я сама решу, что мне делать с моей добычей! А сейчас слезь с коня. Я устала и не намерена топтать пешком.

– Конечно, Сорок пятая.

Так-так. А девчонка-то тут в авторитете. И, не иначе, статус у Всадников определяется номером. Судя по тому, как старательно выговаривает ее номер начальник дозора, у него самого перед нолем имеется еще ноль, а то и не один.

– Вставай! Я не собираюсь тащить тебя до лагеря.

Аркан дернулся и впился в плечи. Я поднялся и энергично мотнул головой, стряхивая грязь с лица. После чего рискнул разлепить веки.

Ага. Девчонка уже сидит на мутировавшей скотине, которая, скалясь, косит в мою сторону лиловым глазом с явным гастрономическим интересом. Судя по пасти, усеянной кривыми зубами, зажует вместе с пустым «макаровым» и не подавится.

Начальник дозора оседлал другую тварь, немного помельче габаритами, пересадив ее Всадника назад. Третий кавалерист старательно обозревал окрестности, как бы невзначай направив в мою сторону ствол автомата.

Понятно. Меня на «коня» сажать не собираются. И спасибо, желанием не горю. Похоже, просветленные радиацией твари отлично разбираются, кто хозяин, а кто живой заменитель сена. Цапнет между делом за ногу, и доказывай потом, что ты консерва, а не фастфуд.

Странно, но меня разбирало веселье. Уж больно гротескной казалась ситуация. Ладно, если ктулху сожрет или бандит пристрелит ради мизерного хабара. Вроде как всё объяснимо, на то она и Зона. Но когда живые и с виду нормальные люди на полном серьезе обсуждают, какой из прирученных тварей ты достанешься на ужин, – это уже ни в какие рамки не лезет. А я-то до последнего не верил, что такое возможно. Забыл, что это Зона, в которой может быть всё. Похоже, сейчас придем в лагерь – и напомним. Раз и навсегда.

С арканом девчонка обращалась уверенно, словно с ним родилась. Отработанным молниеносным движением, так удивившим меня на стене базы «вольных», она привязала его к луке седла и мягко тронула пятками бока твари. Тварь послушно стартовала с места легкой рысью, и мне ничего не оставалось, как перебирать ногами вслед за ней.

Лагерь Всадников был относительно недалеко. Дозор миновал рощу лысых деревьев, скрученных радиацией в нелепые фигуры, перевалил через невысокий холм и остановился перед забором из заточенных кольев, направленных остриями в сторону потенциального противника. Очень неплохой способ защиты от крупных мутантов и банд, не располагающих ракетными комплексами и тяжелой бронетехникой.

Ворот как таковых у забора не было. Зато имелся подвижный сегмент на ременных петлях. Сегмент по мере надобности таскала туда-сюда лошадь-полумутант, нелепого вида существо, словно начавшее перерождаться в фенакодуса, но на полпути передумавшее. Изуродованная мутацией голова, непропорциональное тело, одна передняя лапа фенакодусова, когтистая и мохнатая, вторая – лошадиная, с копытом и очагами гноящихся язв. Задние – вообще нефункциональные с виду, похожие на деревья в лесу, который мы только что миновали, чуть по земле не волочатся.

Управлял несчастным животным человек в сталкерских лохмотьях с признаками неслабого лучевого поражения на лице и руках. Кожу несчастного усеивали красные пятна и гнойные пузыри, из носа текла вязкая жидкость, которую он то и дело утирал рукавом. Однако все это не помешало ему энергично подстегнуть своего полумутанта при нашем приближении. Тварь, нелепо переваливаясь на своих кривых подставках, которые язык не поворачивался назвать ногами, механически выполнила свою функцию, оттащив в сторону утыканный кольями кусок ограды.

Зайдя в ворота, я обернулся. Изуродованный Зоной привратник смотрел нам вслед красными, воспаленными глазами и неприятно щерился, словно специально выставляя напоказ беззубые, кровоточащие десны. Я так и не понял, чему радовалась эта развалина. Сомневаюсь, что удачному возвращению хозяев. Может, тому, что я умру раньше него? Кто знает. Радиация поражает все органы, в том числе и мозг. Интересно, много у Всадников в лагере таких слуг?

Оказалось, что много.

На первый взгляд обитатели лагеря делились на красавцев, красавиц и законченных уродов. Венцы природы в свободных позах возлежали около костров, беседовали друг с другом, чистили оружие, кормили с рук фенакодусов, которых в огромном лагере было великое множество.

Всё остальное делали уроды.

Под всем остальным подразумевалась работа по обслуживанию господ. Грязная и не очень. Но преимущественно все-таки грязная. Потому как фенакодусы имели дурную привычку гадить где ни попадя. И любой проходящий мимо урод был обязан метнуться и специальным совком прибрать за тварью ее испражнения. Помимо этой священной обязанности уроды готовили еду, чистили «коней», таскали тяжести – да мало ли какой работой может занять слугу мающийся от безделья хозяин.

Потом у меня появилась возможность ознакомиться с жизнью лагеря более детально. Соскочив с «коня», девчонка ловко обыскала меня, отобрала пистолет и КПК, надежно стянула

руки и ноги строительным скотчем. После чего, освободив меня от аркана, с неженской силой толкнула на кучу грязного тряпья и спокойно направилась куда-то по своим делам.

Я упал, успев сгруппироваться. И понял, что приземлился на что-то более твердое, чем ворох лохмотьев.

На земле лежали люди, обездвиженные тем же способом, что и я. Правда, их было сложно назвать даже уродами. Это были полуживые, полуразложившиеся существа в конечной стадии лучевой болезни, когда мясо отходит от костей, а кожа от мяса.

– Тебе повезло, что Букефал Сорок пятой уже накормлен, – хмыкнул стоящий рядом начальник дозора. – Словно почувствовал, что хозяйка близко, и поел. Значит, быть тебе завтраком.

И поморщился.

– Опять консервы просрочили, – проворчал он. – Не могли неделей раньше разобраться, кому быть слугой, а кому сеном.

И, достав из кармана тюбик с белковым питанием, подал команду, кивнув на ближайший полутруп:

– Взять!

Я даже не успел понять, что произошло. Длинная шея фенакодуса начальника дозора грациозно изогнулась, зависла на мгновение в воздухе – и вдруг зубастая пасть с невообразимой скоростью метнулась к жертве. Миг – и перекушенное тощее тело развалилось в воздухе напополам. Второй – и совершенная машина убийства, быстрыми и точными движениями пасти расчленив верхнюю половину трупа, стала заглатывать окровавленные куски плоти вместе с костями. Начальник дозора одобрительно кивал, синхронно со своим «конем» поглощая синтетический белок из тюбика.

Что ж, по крайней мере все это произойдет быстро и мне не придется медленно растворяться в «ведьмином студне» или неделю ждать, пока зажавшийся ктулху, подвесив меня за ребро на какую-нибудь арматуру, допьет наконец мою кровь. Судя по сведениям, почерпнутым мной из «Энциклопедии», быстрая смерть в Зоне была не особо частым подарком для тех, кто рискнул бросить ей вызов.

Наконец обожравшаяся тварь сыто рыгнула и выплюнула наполовину обглоданный человеческий череп. Ее брюхо раздулось и провисло почти до земли.

– Покушал, родимый? – тепло улыбнулся начальник дозора, бросая на землю пустой тюбик из-под питания. – Ну, тогда пошли спать.

Лежа на земле, я наблюдал, как, отойдя к ближайшему костру, Всадник постелил на землю вынутое из переметной сумы одеяло. После чего улегся на него и подал какую-то команду, выслушав которую его фенакодус, немного потоптавшись на месте, изогнулся дугой и тоже лег на землю... прямо на хозяина.

Сзади меня на землю шлепнулось что-то мягкое. Я с трудом повернул шею.

Вот уж кого не ожидал увидеть, так не ожидал!

– Первый раз видишь, как фенакодусы сворачиваются в домик? Потому Всадникам и не нужны ни дома, ни палатки. Они так же от выбросов хоронятся. Их уродским лошадям те выбросы по фигу. А кавалеристам и тепло, и псевдомухи не кусают.

– Каким ветром вас сюда занесло? – спросил я.

– Тем же, что и тебя.

Рядом со мной, замотанные скотчем чуть не до шеи, лежали Метла и Циклоп.

– Откатиться бы надо, – сказал Циклоп. – Эти бедолаги уже не люди, а радиоактивные объекты. Глазом не успеешь моргнуть, как свои четыреста рентген схаваеть.

Удивляться появлению «вольных» в лагере Всадников было некогда. Циклоп прав. Надо было отползти от склада полутрупов насколько возможно далеко.

Что мы и сделали. Медленно, осторожно, стараясь не привлекать внимания и помогая друг другу. Непростое это дело, кстати, с руками, надежно зафиксированными за спиной.

Наконец наше предприятие завершилось относительной удачей. Пять метров от склада биореакторов не бог весть что, но все-таки на душе спокойнее.

– Теперь радиопротекторами неделю отпиваться придется, – пропыхтел Метла, пытаясь стряхнуть со лба капли пота.

– Точно, – усмехнулся Циклоп. Его повязка сползла на шею, открыв для обозрения пустую глазницу, перечеркнутую застарелым шрамом, отчего усмешка на лице сталкера превращала это лицо в жуткую маску. – Ровно неделю. После того, как нас сожрут на рассвете фенакодусы. Если сожрут, – улыбнулся он вторично.

– Им что-то может помешать? – поинтересовался я.

– Может, – сказал Циклоп. Между его губ блеснула половинка бритвенного лезвия и вновь спряталась в глубине рта. – Сразу после твоего ухода Валет решил свалить на Большую землю к своей тёлке. И Кожа с ним. Не очень умное решение накануне выброса, но гетман не стал отговаривать пацанов. «Воля» не держит у себя насильно свободных сталкеров. Ну, батя и решил, что коли так, остатки развалившегося звена не должны сидеть на пятой точке, а обязаны следовать за своим новым командиром.

– Я вроде как отказался от командования, – напомнил я. – И от членства в «Воле» тоже.

– Отказался, – коротко кивнул Циклоп. Кивнуть с большей амплитудой ему мешал скотч, которым его замотали почти до подбородка. – То твое свободное волеизъявление. А гетман решил по-другому. И это тоже его свободное волеизъявление. А еще он сказал, что у тебя личной удачи одной на всех нас хватит и еще останется полмешка. Стало быть, подохнуть у Всадников тебе не судьба. Кстати, а на что ты рассчитывал, когда собрался идти в пасть к фенакодусам?

– На личную удачу и рассчитывал, – ответил я. – Если хочешь заполучить автомат, лучше держаться ближе к тому месту, где их много. У вас получить что-то нереально даже за деньги. Поэтому я решил попробовать по-другому.

– Что ж, логично, – хмыкнул Циклоп. – Чисто по-сталкерски. Али пан, али сожрали. Но гетман решил, что удача не любит тех, кто сидит на заднице либо своим ходом идет в желудок фенакодусу.

– И он послал вас меня выручать, – предположил я.

– Типа того.

– Не проще было просто от широты души подарить мне автомат и полсотни патронов? Думаю, «Бритва» стоила больше, чем десяток Всадниц и сотня «калашей».

– Это свободное волеизъявление гетмана. Так чтождемся полной темноты – и рванем.

Я понял, что для членов этой группировки, вставить священные слова «свобода» и «гетман» в любой разговор есть дело принципа, и решил больше не связываться с выяснением причин того, с какой это радости глава группировки «Воля» послал на убой двух своих бойцов. Сильно я сомневался, что, даже освободившись от скотча, нам удастся незамеченными выбраться из лагеря. Но спорить по этому поводу было глупо – похоже, Циклоп знал о Всадниках намного больше меня. Поэтому я предпочел сменить тему.

– Не в курсе, где это они так массово столько рентген хапнули? – спросил я от нечего делать, показав глазами на гору слабо шевелящегося радиоактивного тряпья.

– Здесь же и хапнули, – отозвался Метла. – Вон, гляди. Днем и ночью работа идет.

Я с трудом повернул голову.

Неподалеку от нас как раз только что включили несколько небольших прожекторов, направленных в одно место. К этому месту змеилась длинная очередь, ближе к концу распадающаяся на отдельные группы длительного ожидания, сидящие у костров. Под прожекторами стояли кресло и железный стул. На кресле полулежал абсолютно голый человек с бритой наголо

головой. Над ним, сидя на стуле, склонилась громоздкая фигура в оранжевом костюме высшей радиационной защиты.

– Операция на морду под открытым небом Зоны, – хмыкнул Циклоп. – По желанию клиента накачают его водкой с радиопротекторами и сделают «фотошопом» не отходя от кассы новую харю, сиськи пятого размера, метровый хрен или рог на лбу. И будет он либо на Большой земле в телевизоре кривляться, либо по Зоне на фенакодусе рассекать. Но это кому повезет.

– А кому не повезет...

– Точно, – продолжил мою мысль Циклоп. – Невезучие вон лежат, фонят. До первого завтрака. К обеду других доставят.

– Пока что мы тоже невезучие, – прокряхтел Метла, пытаясь улечься поудобнее на голой земле. – Не пора нам там освобождаться?

– Не время еще, – тихо сказал Циклоп. – Погоди. Пускай стемнеет как следует. Ночью фенакодусы дрыхнут, если их не шугнуть. Тогда спросонья рвут любого, кто рядом стоит. Поэтому случится по Зоне ночью ходить, смотри не напорись на мохнатый холм – оно тогда похуже ктулху будет. От того хоть отбиться можно.

– А от фенакодуса никак? – спросил я.

– Тварь в Зоне недавно появилась, как и группировка. Пока что я таких не встречал, кто от фенакодусов или «Всадников» ушел.

– А мы уйдем? – усомнился Метла.

– Надо ж кому-то начинать, – хмыкнул Циклоп.

Невдалеке послышалось громкое бормотание. Вдоль заграждения из кольев брел человек в длинном черном пыльнике. В его руке была узловатая коряга, заменяющая посох. Длинные волосы рассыпались по плечам и лицу и мотались в такт шагам, словно лохмотья «жгучего пуха», пристроившиеся на голове путника.

– От шума всадников и стрелков разбегутся все города... они уйдут в густые леса и влезут на скалы... все города будут оставлены, и не будет в них ни одного жителя... – донеслось до нас.

– Ооо, – протянул Циклоп. – Никак, сам Витя Калика к «Всадникам» пожаловал.

– Да ну! – удивился Метла. – Его ж убили сразу после первого выброса.

– Ага, убили, – ровно сказал Циклоп. – Такое, знаешь, случается иногда. Убьют кого-нибудь, а он потом нет-нет, да появится. И такое скажет... Ты слушай. Имеющий уши, как говорится, да услышит.

Бормотание сделалось громче. Коряга мерно била в землю в такт шагам приближающегося странника, словно вколачивая в землю когда-то очень давно слышанные слова. Еще бы вспомнить, где, когда и от кого услышанные.

– Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою, и престол свой, и великую власть...

Готовьте щиты и копья, и вступайте в сражение, седлайте коней и садитесь, всадники, и становитесь в шлемах, точите копья, облакайтесь в брони... От множества коней его покроет тебя пыль, от шума всадников и колес и колесниц потрясутся стены твои, когда он будет входить в ворота твои, как входят в разбитый город... Копытами коней своих он истопчет все улицы твои, народ твой побьет мечом и памятники могущества твоего повергнет на землю...

– Четко излагает, – пробормотал Метла. – И уж слишком по делу.

– Что излагает? – не понял Циклоп.

– То и излагает, – в тон ему буркнул сталкер. – Я по молодости в духовной семинарии учился. Так Витя наизусть текст Писания шпарит, словно по написанному читает. И почти не ошибается.

– Вот оно что, – протянул одноглазый. – Типа, предсказание получается?

– Типа того...

Голос еще одной ходячей легенды Зоны нарастал, словно заполняя собой все окружающее нас пустое пространство. В нормальном времени человек должен был уже пройти мимо нас вместе со своими речами. Однако его фигура приближалась крайне медленно, а слова лились свободно, словно вода, заполняющая пустоту медленно, но неотвратно.

– И поверну тебя, и вложу удила в челюсти твои, и выведу тебя и всё войско твоё, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооруженных мечами. Да трепещут все жители земли, ибо наступает день Господень, ибо он близок. День тьмы и мрака, день облачный и туманный... Как утренняя заря распространяется по горам народ многочисленный и сильный, какого не бывало от века и после того не будет в роды родов. Перед ним пожирает огонь, а за ним палит пламя; перед ним земля как сад Едемский, а позади него будет опустошенная степь, и никому не будет спасения от него. Вид его как вид коней, и скачут они как всадники...

При последних словах странника над лагерем пронесся многоголосый рев. Фигуры людей, сидящих у костров, распрямились, вскидывая вверх оружие в приветственном салюте. Даже недовольные фенакодусы, которые успели свернуться в клубок, были вынуждены выпустить наружу своих хозяев, проснувшихся от рева и теперь желающих поприветствовать загадочного гостя.

Фигура странника проплыла мимо нас и стала медленно удаляться в глубь лагеря, словно проплывая над землей. А слова продолжали звучать, словно Калика стоял рядом, а не уходил вдаль подобно облаку ночного тумана, по странной причуде Зоны принявшего форму человеческой фигуры.

– Страшен и грозен он... От него самого происходит суд его и власть его. Быстрее барсов кони его и прытче вечерних волков... Скачет в разные стороны конница его, издалека приходят всадники его, прилетают как орел, бросающийся на добычу. Весь он идёт для грабежа, устремив лицо своё вперед, он забирает пленников, как песок. И над царями он издевается, и князья служат ему посмешищем. Над всякою крепостью он смеется: насыплет осадный вал и берет ее...

– Самое время, – прохрипел Циклоп.

Его голос вернул меня к реальности. Наваждение спало. Я с удивлением смотрел на серую фигуру, удаляющуюся к центру лагеря, следом за которой шла уже порядочная толпа. Даже человеческие обломки, предназначенные на корм кошмарным «коням» – и те пытались ползти, прислушиваясь к объявляющей лагерь тишине в надежде поймать растворенные в ней слова.

Извиваясь по земле, словно червь, полз за ними Метла. Пытался ползти. Получалось у него не очень. Однако он уже преодолел около метра, и сейчас его колено находилось вровень с носком моего армейского ботинка. Чем я не преминул воспользоваться, согнувшись в животе и долбанув тем носком во внешнюю часть коленного сустава.

Метла заорал. Я его понимаю – точка весьма болезненная.

– Заткнись, мля! – зашипел на него нечувствительный к чужому горю Циклоп. Его я тоже понимаю – лишняя реклама нам сейчас тоже была не в тему.

Однако вопль вновь вернувшегося в наш мир Метлы, похоже, прошел незамеченным на фоне объявляющего лагерь восторга, смахивающего на религиозный транс, вызванный речами Вити Калики.

– Очухался? – проскрипел Циклоп.

– Да вроде, – простонал ударенный мною сталкер. – Только башка болит. И нога. Нога-то с чего?

– Вот уж не знаю, – сказал я. – Циклоп, режь ему скотч на руках, он ближе к тебе лежит.

– Угу, – промычал одноглазый. В его зубах уже торчало лезвие. Подобравшись к лежащему на животе Метле, он принялся ерзать, совмещая бритву с плохо видимой в темноте лен-

той скотча. Я с интересом следил за ними. Неужели получится совершить такую сложную операцию со связанными руками маленьким кусочком металла, торчащим изо рта?

Похоже, дела шли неважно. Прошло уже минут десять, а Циклоп едва надрезал пару сантиметров. С учетом того, что Всадники не скупилась на скотч и мотали его в несколько слоев, операция грозила затянуться до рассвета. То есть до завтрака фенакодусов.

– Чем это вы здесь занимаетесь, мальчики? – раздался у меня над головой знакомый голос.

Циклоп посмотрел вверх красным от недосыпа и напряжения глазом.

– Нос чешется, – сказал он. – Пытаюсь устранить проблему. Иначе никак.

Мне не надо было поворачивать голову для того, чтобы понять, что надо мной стоит Сорок пятая. Возможно, направив ствол автомата мне в висок. В общем, логично было бы на ее месте пристрелить слишком шустрый завтрак. Чисто на всякий случай. А своему любимому фенакодусу объяснить доступными средствами, мол, не будешь жрать свежепристреленное мясо – ходи, тварь, голодный.

Однако у Сорок пятой были другие планы.

Скотч, стягивающий мои руки за спиной, распался. И следом теплый шепот прошуршал у меня в ухе:

– Теперь мы в расчете, сталкер. Не забывай...

Где-то в центре лагеря грохнул одиночный выстрел, и я так и не услышал окончания фразы. Зато увидел, как к Метле с Циклопом скользнула гибкая тень. В следующее мгновение освобожденные сталкеры уже поднимались с земли.

Один из облученных, глядя на происходящее бессмысленными глазами, попытался что-то промычать, но тут же получил от Циклопа страшный удар ногой в висок. Голова полутрупа мотнулась на тощей шее, в тишине еле слышно хрустнули позвонки. Больше его тело не двигалось. Остальные несчастные испуганно притаились на своих обносках – даже на пороге смерти человек все рано хочет жить.

– Сейчас бегите вдоль заграждения, – громко прошептала Сорок пятая. – Вторые ворота открыты, охранник будет без сознания еще минут десять. Держи.

Она бросила мне КПК, который сама же и отняла у меня при обыске.

– В нем закачана подробная карта, как выйти из лагеря, минуя наши дозоры. Удачи, сталкеры.

Гибкий силуэт девушки растворился в темноте ночи.

– Фига себе, – покачал головой Циклоп. – Я уж думал, кранты нам. Но прав был гетман, личной удачи у тебя, Снайпер, до хрена. Главное, чтобы она не кончилась, пока мы отсюда не выберемся.

Мы побежали в указанном направлении, однако буквально через минуту Циклоп попросил:

– Слышь, Снайпер, дай-ка глянуть на твой КПК.

Я протянул ему наладонник. Циклоп посмотрел на экран.

– Молодец девка, – сказал он. – Карта подробнейшая. Короче, встречаемся в этом месте.

Он ткнул пальцем в левый верхний угол экрана.

– Здесь стоит ржавый молоковоз. Около него отдышитесь. Короче, Метла, если меня в двадцать три сорок не будет, чешите к четвертому схрону. Там затаритесь всем, что необходимо. Всё, рванули!

– А ты куда? – запоздало бросил ему в спину Метла, но Циклоп, отмахнувшись, уже бежал к центру лагеря, огибая по большой дуге световые пятна от брошенных хозяевами костров.

– И куда его черти понесли? – недоуменно спросил Метла.

– Его дело, – сказал я. – А наше дело – смыться отсюда побыстрее.

И мы рванули.

Немного оттащенный в сторону сегмент ограждения, заменяющий ворота, и в самом деле оказался недалеко. Пробегая мимо охранника, валяющегося на земле, Метла бросил:

– Вот бы узнать, затрахала она его или оглушила?

Мне очень захотелось со всей дури треснуть по зеленому капюшону, прикрывающему голову, говорящую слишком много. Но смыться подальше от лагеря было важнее, поэтому атаку на капюшон я с сожалением отложил на потом.

Нам и вправду сильно повезло. Зеленый пунктир, нанесенный на карту в КПК, иной раз выписывал довольно крутые зигзаги. Сильно сомневаюсь, что при пробежке без путеводной нити в темноте мы не наткнулись бы на невидимую аномалию или не напоролись на один из многочисленных дозоров Всадников. Пару раз я очень близко от себя слышал характерное потрескивание «электродов», разок справа хлопнул гравиконцентрат, превратив в фарш какого-то обитателя Зоны, любящего гулять по ночам. Смахнув с экрана КПК несколько теплых капель крови, долетевших до меня, я тихо сказал Метле:

– Тормозим. Где-то здесь должен быть молоковоз.

– На хрена тормозить? – задыхаясь, прошептал в ответ «вольный». – Сейчас Всадники уже очухались и седлают фенакодусов в погоню. Будем ждать Циклопа – точно дождемся. Только не Циклопа. Он всегда был малость отмороженный. Какой хрен понес его в центр лагеря Всадников? Небось, от него уже один наглазник и остался.

– Не пойму, где этот молоковоз, – сказал я, вглядываясь в темноту. Как я понял, луна в Зоне явление редкое. Более частое явление – это звезды, непостижимым образом просвечивающие через свинцовые тучи, практически постоянно скрывающие небо.

Наконец я разглядел в темноте что-то массивное и угловатое.

– Вроде туда, – сказал я, направляясь к черному силуэту.

Метла тему продолжать не стал и пошел следом, что-то тихо ворча себе под нос.

Подойдя поближе, я остановился, разглядывая при тусклом свете звезд очередную причуду Зоны.

Старый ГАЗ-53 старым не выглядел. Рассмотреть это вблизи было проще простого даже ночью. Потому что между платформой и цистерной обосновалась аномалия, напоминающая «электрод», по студенистому телу которой время от времени пробегали электрические разряды. А сама желтая цистерна с прозаической надписью «Молоко» висела в воздухе в метре от платформы, на которой ей было положено находиться изначально. При этом и молоковоз, и его левитирующая цистерна были покрыты тонким слоем слизи, видимо, предохраняющей металл от коррозии.

– Сколько времени? – осведомился Метла.

Я глянул на КПК.

– Ждем еще девять минут.

– Как раз Всадникам хватит район прочесать...

– Не нуди, Метла!

Ждать пришлось недолго. Еще и пяти минут не прошло, как Циклоп вынырнул из темноты и, щерясь кривыми зубами, чувствительно хлопнул приятеля по плечу.

– Спасибо, что дождались, мужики!

В правой руке Циклоп небрежно держал автомат, который не мог принадлежать нормальному мужику. Потому как нормальный мужик не будет украшать свое оружие изображениями гигантских дионей – хищных растений, хватающих людей и животных, – а также не будет заказывать к автомату эксклюзивных магазинов из прозрачного пластика. Удобно, конечно, – сразу видно, сколько патронов в наличии, – но выглядит как-то... нетрадиционно. Видимо, потому Циклоп и предпочел избавиться от странного оружия, найдя вполне убедительную причину.

– Держи, – бросил он мне автомат. – Ты снайпер, значит, тебе и прикрывать. А это тебе, Метла.

Он протянул приятелю обычную армейскую флягу.

– Только не пей на бегу и в одну харю. Дыхалка накроется на полпути. И потом, это вся наша вода. Напьемся вместе, когда я вас до схрона доведу.

И достал из кармана КПК – не иначе как тоже трофейный.

– Где тебя черти носили? – взвился Метла.

– Любопытно стало, в кого они там стреляли, – пожал плечами одноглазый сталкер. – Прикинь, какой-то трёхнутый со слезами на глазах Витю Калика из «калаша» завалил. Убивца, понятно дело, Всадники сразу скормили фенакодусам. И теперь всей группировкой переживают по поводу гибели Вити. Что за натура у людей – сначала валить пророков, а потом по этому поводу переживать веками? Но ничё, думаю, это ненадолго.

– Что ненадолго? – не понял Метла.

– Витя Калика заваленным пробудет недолго. Его ведь уже мочили, а он все равно вернулся. Не зря у него второе погоняло Перехожий. Шляется туда-сюда между мирами. В одном помрет – в другой переходит. Как думаешь, Метла, в свете твоей духовной семинарии, может, он и есть...

– Может, – перебил я неизвестно с чего радостного Циклопа. – Только, может, нам пора всё-таки до вашего схрона добраться? Всадников-то пока еще никто не отменял.

– Точно, – спохватился Циклоп. – Бегом, мужики, здесь уже не особо далеко.

* * *

Но уйти даже не особо далеко у нас не получилось.

Не успели мы отбежать от молоковоза и сотни метров, как в небо позади нас взвилась осветительная ракета.

Я обернулся.

Слева и справа молоковоз огибали силуэты Всадников.

Их было много, не меньше десятка. Даже если начнешь бросать пули одиночными – не успеть. С такого расстояния не один, так другой срежет очередью.

И тут я опять совершил абсолютно нелогичный поступок, который никоим образом не смог бы объяснить себе сам, даже если б очень захотел.

Я упал на спину, выставив автомат перед собой, и выпустил длинную очередь по желтой цистерне, зависшей над «газоном».

Не знаю, что возили в молоковозах ликвидаторы обеих черновыльских аварий. Но рвануло так, что взрывной волной меня подхватило и протащило по земле пару метров. Однако скольжение на спине по влажной земле Зоны не мешало мне смотреть, как медленно, очень медленно разлетаются в стороны фигурки людей и фенакодусов. Правда, целых фигурок было мало. В основном в стороны разлеталось то, что от них осталось. Удивительно, во что могут превратить живое тело тридцать свинцовых цилиндриков, выпущенных по нужной цели.

– ...аааать!!! – долетело до меня.

Время вернулось в привычное русло. Еще мгновение я смотрел на столб прозрачного, студенистого огня, возникшего на месте молоковоза, потом швырнул на землю пустой автомат, вскочил на ноги и бросился бежать. Рядом со мной бежали Метла и Циклоп. Последний орал на бегу, словно его покусывал за пятки чудом выживший фенакодус.

– Твою мать!!! – прохрипел он мне в ухо. – Никогда, мля, никогда не стреляй в памятники и легенды Зоны! Ты понял?

– Пошел ты, – бросил я на бегу. – Сам сказал «прикрывай»... Вот я и прикрывал... как умею.

– Он прав, – выдохнул едва поспевавший за нами Метла. – Чисто по понятиям...

– Вы мне еще за понятия расскажите, – огрызнулся Циклоп. – Обернитесь лучше!

Я обернулся.

Столб застывшего огня никуда не делся. Более того, он рос вверх. И от него во все стороны стремительно растекалось по земле холодное студенистое пламя. Я успел заметить, как оно захлестнуло несколько кривых деревьев, которые скорчились, почернели и мгновенно застыли, облитые прозрачной сверкающей субстанцией. Как и приотставшие Всадники, не успевшие развернуть своих фенакодусов, по инерции летящих вперед.

Еще немного – и море студенистого огня захлестнуло бы и нас заодно с преследователями – уж больно быстро оно двигалось. Я уже серьезно опасался, что останусь здесь очередным памятником Зоны, облитым застывшей слизью, в который не будут стрелять проходящие мимо суеверные сталкеры, когда, едва не лизнув каблуки моих ботинок, прозрачное пламя отхлынуло назад. Обернувшись вторично, я увидел, что огненный столб стремительно уменьшается в размерах.

Уносить ноги с повернутой назад головой дело неблагодарное. Я споткнулся о какую-то корягу, и чуть не растянулся на земле. Понятно, что бежать от опасности не оглядываясь гораздо эффективнее, чем наоборот. Однако любопытство часто сильнее разума. Особенно в Зоне.

Однако когда я в очередной раз обернулся назад, то не увидел ровным счетом ничего интересного. Молоковоз как ни в чем не бывало стоял на своем месте, вокруг него, словно запакованные в чехлы из прозрачного пластика, застыли почерневшие трупы деревьев, людей и фенакодусов, а место взрыва по большой дуге огибали два новых отряда преследователей. Всадники не собирались отказываться от погони. Разве что беглецы получили небольшую временную отсрочку.

Очень небольшую.

Потому как разогнавшийся фенакодус по скорости был вполне сопоставим с механическими средствами транспорта, на которых мне удалось покататься за свое недолгое пребывание в Зоне.

Головой на бегу вертел не только я один.

– Не успеем... до схрона... – простонал Метла.

Ему приходилось хуже всего. Возможно, я немного не рассчитал, когда лупил его ботинком в коленный сустав, и сейчас парень заметно припадал на левую ногу. Похоже, это очередной закон Зоны – спасая одно, калечишь другое.

– Не успеем, – согласился Циклоп. И, зачем-то на бегу взглянув на наладонник, круто взял вправо. – За мной!

Мне уже было все равно, куда и зачем бежать. Главное – не останавливаться. Потому что если во время такой гонки остановиться – то всё. Упадешь на землю и уже не встанешь, пока не поднимут. Или не сожрут. Хотя, если упадешь, то и не страшно, пусть жрут. Все равно первые несколько секунд ничего не почувствуешь, кроме раздирающей боли в легких и высохшей гортани.

Я чувствовал, что сил у меня осталось на километр, не более. А еще я помнил, что в колено Метлу долбанул тоже я. И то, что, возможно, я тем самым спас ему жизнь, было почему-то неважно.

Мысленно сильно удивившись самому себе, я ухватил спотыкающегося Метлу за рукав и потянул за собой. Опять же мысленно отметив про себя, что километровый ресурс, поделенный на двоих, автоматически тоже сокращается вдвое.

* * *

За четыре часа, проведенные у костра прошлой ночью, листая «Энциклопедию Зоны», я узнал очень многое. Например, что модель КПК серии Z сразу же после появления на рынке

завоевала популярность не только в Зоне, благодаря которой, собственно, и была разработана, но и во всем мире.

Феномен популярности данной модели среди обывателей – так же как и военных камуфляжей, армейских ботинок и бензиновых зажигалок – помимо моды объяснялся функциональностью, повышенной надежностью и набором самых необходимых функций. И хотя гражданским были вовсе необязательны такие опции, как встроенный дозиметр радиоактивности, детектор жизненных форм или таймер выбросов, производители не спешили блокировать эти функции при продаже новой модели КПК гражданскому населению. Как, например, не спешили сводить желто-зеленые пятна со своей продукции производители моделей одежды в стиле *military*. Аура войны, жестокости и крови, окутывающая пусть даже самый безобидный предмет, всегда способствует повышению продаж.

И сейчас весь мир знал – через 34 минуты 20 секунд в Зоне произойдет выброс.

И что представляет собой выброс на самом деле, в этом мире не знал никто.

Согласно «Энциклопедии», впервые это слово прозвучало после взрыва Четвертого энергоблока, в результате которого произошел колоссальный выброс в атмосферу радиоактивных веществ. А потом, через несколько лет, в недрах того самого энергоблока вдруг полыхнуло снова. Однако теперь это уже была не зараженная радионуклидами воздушная струя, бьющая из жерла разрушенного реактора.

Ирреально-лазурное сияние, словно призрак чернобыльской катастрофы, пронеслось по огороженной кордонами Зоне отчуждения – и породило ту Зону, которую мы все знаем не понаслышке.

С животными, практически мгновенно мутировавшими до квазимыся, фенакодусов и прочих ужасных тварей.

С людьми, находившимися в тот момент поблизости от Саркофага и превратившимися в ктулху или съезжившимися до бургеров.

И, конечно, с аномалиями и артефактами, до которых так охочи сталкеры.

В Новой Зоне выбросы стали постоянными. Теперь над Зоной периодически проносилась та самая волна неведомого излучения – ураган, уничтожающий всё, что успели изменить в ней люди. А также уничтожающий людей, которые не успели спрятаться в укрытия, принадлежащие Зоне. Дома, хозблоки, даже жестяные коробки гаражей, много лет назад пережившие и чернобыльскую катастрофу, и Волну Излучения, оставались нетронутыми после выбросов. Их люди называли просто – «имущество Зоны».

Бесполезность каких-либо серьезных восстановительных работ в Чернобыльской Зоне отчуждения после Волны мало-помалу осознали все. Всё, что строилось человеком из материалов, завезенных с Большой земли, сметалось первым же выбросом. Как и любое массивное вторжение техники и больших скоплений людей.

Мало-помалу у сталкерских группировок выработалась своеобразная тактика выживания – перемещаться группами не более десяти человек и строить что-либо из материалов, хотя бы наполовину принадлежащих Зоне. Например, бункер, выстроенный из бетонных плит Зоны, скрепленных привозным цементом, имел все шансы пережить очередной выброс. Правда, бункеры строились редко и только силами мощных группировок. Чаще одинокий сталкер возводил из подручных материалов щитовой домик, который пни – и развалится. И спокойно переживал в его неглубоком подвальчике выброс, способный перевернуть танк, вторгшийся в Зону. После чего продолжал заниматься своими делами в абсолютно целом домике.

Но плохо приходилось сталкеру, не нашедшему укрытия до начала выброса. Хотя сложно сказать, плохо или хорошо человеку, который исчезает бесследно. Раньше старый наладонный компьютер, адаптированный под нужды жителей Зоны, действовал просто. Суммировав данные о своем владельце – температуру тела менее 34 градусов, длительное отсутствие двигательной активности, дыхания и кожных выделений, – выдавал в локальную сталкерскую сеть

информацию о его смерти. Такую же информацию он выдавал, будучи уроненным на землю, медленно остывающую после ночного костра. Минут двадцать полежит – и оповещает всему сталкерскому миру, мол, всё, помер хозяин.

КПК серии Z помимо вышеперечисленных параметров для регистрации смерти владельца собирает и суммирует еще кучу данных – прекращение сердечной деятельности и деятельности центральной нервной системы, неоспоримый факт наличия терминальных состояний, наконец, отсутствие реакции на чувствительный электрический разряд, поданный на тело от мощной батареи наладонника.

В общем чудо, а не машинка. Я даже не пытался понять, каким образом она отличает врагов от друзей, обозначая одних красными точками, других синими, а тех, кому ты просто глубоко до фонаря, – желтыми. Или, например, как она определяет время до очередного выброса. Но я верил показаниям своего КПК, ибо пока что всё написанное в нем подтверждалось на практике.

Например, сейчас на этом экране мигала тревожная красная надпись: «Ожидаемая мощность выброса 7,64. До начала Выброса 32:20... 32:19... 32:18...»

Особо разглядывать КПК было некогда. Да и незачем. Когда легкие хрипят от недостатка кислорода, когда перед глазами пляшут черные пятна, когда ты чуть не волоком прёшь за собой из последних сил полуживой балласт весом под восемьдесят кило, информация о скором выбросе кажется ерундой. По сравнению со стремительно приближающимися красными точками, охватывающими полукольцом одну белую точку и две зеленых. Мне не надо было смотреть на экран – я и так знал, что там.

– Еще малёх, мужики! – проорал Циклоп. – Вот оно!

– Что... оно? – прохрипел я.

– Танк!

Это и вправду был танк, вынырнувший из темноты огромным черным силуэтом. И это был не очередной «памятник Зоны», брошенный ликвидаторами из-за повышенного радиационного фона. От разбросанных по Зоне покинутых машин пахло ржавчиной и сыростью. А от этой стальной громады за несколько метров несло свежей краской, машинным маслом и дизельным топливом.

– Откуда? – только и смог сказать Метла, рухнув на землю возле гусеницы.

– Из экспериментального рампового транспортника АН-70, – бросил Циклоп, ловко карабкаясь на броню. – Экспериментальный сброс экспериментального танка Т-010, облегченного артефактами.

– А почему... в Зоне?

– А потому, – отрезал Циклоп, открывая люк. – Мухой под броню!

Мухой не получилось – Метла был совсем плох.

Но – получилось.

Я усадил Коляна на место командира танка, а сам занял место наводчика. Командир из «вольного» сейчас был неважный, но и я не особо разбирался в экранах, кнопках и рычагах, окружавших меня. Зато, судя по тому, как машина плавно тронулась с места, Циклоп отлично справлялся с функциями механика-водителя.

– Йа! – раздался у меня над ухом его торжествующий рев. – Мы все-таки их сделали!

– Если только они сейчас не сделают нас, – сказал я, глядя на один из экранов, демонстрирующих вид сзади.

Экспериментальный танк еще только набирал скорость, в то время как преследующие нас Всадники были уже совсем близко. Я видел, как двое из наездников ловко соскочили со своих «коней» и вскинули на плечи тонкие трубы, в которых я узнал старые добрые противотанковые гранатометы РПГ-7, которые, ежели зарядить их правильной гранатой с tandemной боевой частью, способны превратить в груды металлолома самый что ни на есть навороченный

танк, несмотря на его многослойную броню, динамическую защиту и иные современные при-
бамбасы.

– Хрен им по всей морде, – заявил Циклоп. Однако в его искаженном динамиками голосе
я уловил озабоченность.

Что и подтолкнуло меня откинуть прозрачные колпачки над двумя кнопками и вдавить
их в приборную панель.

Сейчас же один из экранов заволокло дымом. Впрочем, через мгновение фигуры Всад-
ников и фенакодусов проявились на экране в виде красно-желтых силуэтов. Судя по их расте-
рянному шевелению, я нажал на нужные кнопки.

– Не устаю удивляться тебе, парень, – прозвучал в динамиках голос Циклопа. – Колись
давай, откуда ты знаешь, где у новейшего танка система управления кормовыми дымовухами
и ТДА «Туча»?

– Без понятия, – сказал я. – А что такое ТДА?

– Термодымовая аппаратура, – задумчиво сказал Циклоп. – В нашем случае впрыск
дизельного топлива в систему выхлопа двигателя.

– Ну а ты откуда это знаешь? – в свою очередь спросил я. – Сталкеру такие знания без
надобности. Как и вождение танка.

– От Верблюда, – доходчиво пояснил Циклоп. – Погоняло такое было у нашего старшего
инструктора диверсионного спецбатальона.

– Так ты из армейских сталкеров? – подал голос медленно оживающий Метла. Сразу
после его посадки на сиденье командира из подлокотника выехало что-то гибкое, но тогда у
меня не было времени рассматривать, что именно. Оказывается, это была система манипуля-
торов. Клещи из плотной резины зафиксировали предплечье Коляна на подлокотнике, а игла
на гибкой подводке сама нашла вену на кисти. Пока я разбирался с экранами и кнопками,
танк вкачал в Метлу что-то целебное, подействовавшее практически сразу. Однако на экране,
висевшем перед носом сталкера, мигала красная надпись: «Лучевое поражение командира эки-
пажа! Необходима срочная госпитализация!»

– Было и такое в биографии, – не стал отпираться Циклоп. – Но это в прошлом. Воля
превыше всего.

Небезосновательно подозревая, что дальше начнется продолжительный монолог с пре-
обладанием слов «гетман», «свобода», «Воля» и т. д., я поспешил перевести разговор на дру-
гую тему. На мой взгляд, гораздо более важную.

– Куда мы сейчас едем? – спросил я.

Броня Т-010 экранировала любое внешнее излучение, поэтому экран моего КПК был
девственно чист. А в навигационных приборах танка я ничего не смыслил. Не иначе мои экс-
траспособности проявлялись лишь при непосредственной угрозе, нависшей «над моею боль-
ной головой».

– В научный лагерь, – отозвался Циклоп. – Ты ж вроде туда собирался?

– Интересно, – задумчиво произнес я. – Как-то все получается больно уж складно. Вы в
лагерь за мной пришли, потом ты в лагере отлучился не пойми куда, и не пойми как автомат
раздобыл. А после танк нашел и сейчас ведешь его, будто по пеленгу. И при этом, типа, мне
всё это больше всех надо. Рассказывай, Циклоп, что к чему. Хотя я и не помню ни хрена, кем
был в прошлом, но точно знаю, что и тогда не любил, когда меня использовали втёмную.

– Посмотри направо, Снайпер, – вместо ответа спокойно произнес Циклоп. – Потом пого-
ворим.

Я бросил взгляд на правый экран и признал, что разборки стоит на время отложить.

Прямо на нас неслись два легких танка с характерной черно-красной эмблемой группи-
ровки «Борг» на лобовой броне. И, судя по тому, как они синхронно доворачивали пушки,
намерения у экипажей этих танков были более чем очевидными.

Не помню уже, от кого услышал я совсем недавно понравившееся мне выражение – «закон подлости». Согласно этому закону я не успевал развернуть башню своего танка, чтобы встретить ответным огнем новые цели. Да и, если честно, не знал я, что нужно делать для того, чтобы ее развернуть. Никакой Верблюд меня этому не обучал, и мои хваленые инстинкты на этот раз упорно молчали. Поэтому я скорее от неожиданности, чем по какой-то другой причине заорал дурным голосом:

– Тормози!!!

Удивительно, но Циклоп меня послушался. Наверно, тоже не ожидал такого бешеного крика.

И, что удивительно вдвойне, трюк сработал. Еще немного, и я выведу собственный закон в пику закону подлости: чем парадоксальнее решение, тем оно эффективнее.

Танки «Борга» синхронно плюнули огнем. И не тормозни мы так, что задняя часть нашего Т-010 задралась выше передней, вряд ли с такого расстояния спасла бы нас активная броня. Тем более что били пушки борговцев по гусеницам.

Однако стреляли наводчики танков с упреждением, как всякий грамотный наводчик будет бить по цели, стремительно летящей вперед. Потому результатом нашего маневра оказалась не разорванная на траки гусеница, а два слившихся в один взрыва в метре от носа нашего танка.

А потом Циклоп в очередной раз доказал, что инструкции, полученные от Верблюда, он усвоил более чем на отлично. Не успела корма нашего танка опуститься на землю, как его гусеницы с бешеной скоростью крутанулись в разные стороны. В результате чего передо мной на центральном экране возникли две опять же синхронно тормозящие цели. Им просто ничего больше не оставалось – иначе б они с разгону просто впечатались в нас. И в какой-то момент их борта почти соприкоснулись.

Я не боялся, что кто-то из них выстрелит, осознавая, что танку нужно некоторое время, чтобы перезарядить орудие. У меня же этого времени не было. Поэтому, когда я увидел, что перекрестие прицела в центре лобового экрана на мгновение совпало с просветом между бортами танков, я просто нажал на самую большую красную кнопку, полагая, что на месте наводчика функция у нее может быть только одна.

И я не ошибся.

Нас мягко тряхнуло. После чего на экране возникла белая вспышка. А потом я увидел, как танки группировки «Борг» разлетаются в стороны, словно они сделаны не из стали, а из картона.

– Ничего себе отморозки, – пробормотал в динамике голос Циклопа. – Я уж хотел на таран идти, выяснить, чья броня круче. А они с транспортника экспериментальный танк сбросили, предварительно зарядив его орудие ПТУРом. Типа, в полной боевой готовности на случай непредвиденных обстоятельств. Реально отморозки. Хотя «борги» – они всегда были с приветом...

– С ПТУРом? – переспросил я.

– А ты, типа, не понял, что противотанковой ракетой долбанул, а не снарядам? – хмыкнул Циклоп. – Вспомнишь погоняло своего инструктора, передай ему низкий поклон от меня. И пузырь хорошего коньяка поставь в придачу...

Наш Т-010 уже несея по Зоне прежним курсом, поэтому я, чувствуя свою миссию временно выполненной, решил продолжить прерванную дискуссию.

– Значит, наш танк предназначался «Боргу»?

– Ага, – просто ответил Циклоп. – Мы на базе их секретный канал связи перехватили и расшифровали. Уже хотели две бригады Охотников высылать на место десантирования танка, а тут ты подвернулся со своей личной суперудачей. Ну, грех было не воспользоваться. Вот гетман и придумал многоходовку. Я уж опасался, что опоздаем. Ан нет, прибыли тютелька

в тютельку, буквально за несколько минут до прибытия борговского конвоя. Который ты так замечательно в расход пустил. Ты уж не обессудь, Снайпер, на войне как на войне. А мы здесь все есть винтики, мобилизованные Зоной.

– И девчонка тоже предусматривалась многоходовкой? – поинтересовался я.

– Насчет девчонки бес попутал, – признался Циклоп. – Есть у меня такая слабость – бабы. Зато я же и придумал, как Всадников от нашей базы увести. Сейчас небось вся их орда за нами гонится.

Он расхохотался. После чего внутри танка повисло тягостное молчание.

– Я правильно понимаю, что не из-за борговского танка они за нами гонятся? – медленно спросил Метла.

– Правильно, – вздохнул Циклоп. – Чего уж там, прости меня, парень. Но научники тебя откачают. За такой-то хабар.

Свободной рукой Метла достал флягу, которую ему сунул Циклоп. Зубами отвинтил крышку, после чего перевернул флягу горлышком книзу...

На колени ему выпал похожий на карандаш продолговатый предмет, светящийся мягким голубоватым светом.

– Сука ты, – тихо сказал Метла. – Он же фонит немногим меньше Саркофага. Его ж в тройном контейнере переносить надо.

– Знаю, – отозвался Циклоп. – Но не было у нас того контейнера. И если бы я его нёс сам, кто бы сейчас вел этот танк?

Метла ничего не ответил. Он лишь осторожно подцепил «фотошоп» горлышком фляги, и, так же осторожно поймав зубами болтающуюся на цепочке крышку, завинтил ее на прежнее место. Потом посмотрел на надпись, пульсирующую на экране, и осторожно извлек из вены иглу. После чего фиксирующие его руку манипуляторы тут же скрылись в подлокотнике кресла.

– Может, кому другому пригодится, – слабо улыбнувшись, сказал мне Метла. – Кто поменьше чем двадцать тыщ бэр хапнет. Вам бы тоже не мешало... радиопротекторами залиться...

– Не мандражуй, сталкер! – взревел Циклоп. – Меньше двух кмэ до научного лагеря осталось! Держись!

Судя по тому, как ощутимо прыгнул вперед танк, Циклоп то ли сбросил дополнительные топливные баки, то ли врубил какой-то серьезный форсаж. Пару раз нас хорошо потрянуло, на переднем и правом боковом экране сверкнули пучки молний – не иначе мы проскочили скопление неслабых «электродов». Но встроенная противоаномальная защита, по ходу, работающая в автоматическом режиме, сработала на совесть. Интересно, гравиконцентрат этому танку тоже нипочем?

Танк вылетел на пригорок – и на наших экранах открылась обширная панорама.

Перед нами был огромный котлован. На дне которого притаился ДОТ размером с небольшой город. Монолитная конструкция напоминала гигантскую перевернутую чашу, из стен которой вырастали многочисленные антенны и не менее многочисленные стволы пушек и пулеметов, торчащие из бронеколпаков, установленных на крыше.

Справа от ДОТа раскинулось наполовину высохшее озеро, фактически неглубокое болото с многочисленными прямоугольными островами автомобилей, отчего его поверхность напоминала «рубашку» гранаты Ф-1.

А единственный путь между нами и монолитными воротами города-ДОТа был перегорожен немногочисленным отрядом, насчитывающим от силы человек десять.

Трое из них держали в поводу фенакодусов. Остальные, стоя на одном колене, целились в нас из противотанковых гранатометов.

– Приказываю остановиться! – разнеслось по кабине. – В противном случае будет открыт огонь на поражение!

– Обошли... гады, – прошипел Циклоп. – Как успели? Мы ж по прямой шли...

– Клич кинули... через КПК, – прошептал Метла. – Кто с гранатометом – все к озеру Куписта...

Я не смотрел на экран. Что толку на него смотреть? И так ясно. Если долбанут из семи стволов одновременно, от нас и головешек не останется. Танк не аномальный молоковоз, который возрождается после уничтожения... Не аномальный молоковоз...

Сознание зацепилось за «аномальный...». Где-то я только что видел...

Вот оно! Табличка «Дополнительная аномальная защита корпуса» над блоком из шести тумблеров. Вот бы еще узнать, какой из них для чего предназначен...

Времени узнавать не было. Вряд ли Всадники пощадят похитителей «фотошопа». Скорее всего, тут же на месте и скормят уставшим после гонки фенакодусам.

Это понимал и Циклоп. Слегка сбросивший скорость танк медленно перевалил через гребень котлована... и рванулся вперед.

Стволы гранатометов на экранах озарились белыми вспышками...

И тогда я врубил все шесть тумблеров одновременно...

Понятия не имею, какие комбинации артефактов напихали ученые в наш танк, только внезапно все экраны засветились мягким бледно-фиолетовым светом. Я видел, как машину словно приподняло на полметра над землей и она, повинаясь инерции разгона, понеслась вперед, сама, наверное, со стороны напоминая ракету, заключенную в полупрозрачный шар.

Ракеты ударили в аномальный экран, но не причинили ни ему, ни танку ни малейшего вреда. Более того, Т-010 продолжал нестись вперед, гоня перед собой огненную волну незагорающего пламени сработавших реактивных зарядов. Этой волне было достаточно секунды, чтобы смести и размазать по земле в кровавую пленку не успевших разбежаться в стороны Всадников вместе с их мутировавшими лошадьми.

– Вот так! – заорал Циклоп. – Потрясу я небо и землю, и ниспровергну престолы царств, и истреблю силу царств языческих, опрокину колесницы и сидящих на них, и низринуты будут кони и всадники их!

– И вот, конь бледный, – прошептал Метла. – И на нем всадник, которому имя Смерть. И ад следовал за ним...

– Это ты обо мне, что ли? – осведомился Циклоп. Но Метла не ответил. Его голова свесилась на плечо, и лишь подлокотники не давали обмякшему телу сползти на пол.

Фиолетовое свечение на экранах погасло так же неожиданно, как и возникло. Аномальная защита оказалась средством эффективным, но кратковременным. Впрочем, нам этого хватило за глаза.

Вновь приземлившийся на гусеницы, танк летел к железобетонному ДОТу, а тот нарастал, увеличивался в размерах по мере нашего приближения. Только сейчас я осознал всю грандиозность постройки, возведенной кем-то в самом центре Зоны.

– Видал, во что научники свой лагерь превратили? – сказал Циклоп. – У них бабла просто немерено. Эх, жаль, аномальную защиту израсходовали, теперь...

Циклоп осекся, и я продолжил его мысль:

– Теперь ученые меньше бабла за танк дадут, чем раньше вы с ними договаривались. Так, Циклоп?

Но Циклоп не удостоил меня ответом. Вместо этого в динамике зашуршало, и тусклый голос смертельно уставшего человека произнес:

– Экипаж танка, назовите код. В противном случае будет открыт огонь на поражение.

Где-то я уже это слышал...

Судя по тому, как одновременно повернулись в нашу сторону бронеколпаки на крыше, ученые не шутили.

– Скажи ему один-два-ноль-четыре-ноль-два, – сказал Циклоп.

Я повторил.

– Экипаж танка, последнее предупреждение. Назовите код...

– Внешнюю связь включи, Снайпер, – посоветовал Циклоп. – Обидно как-то сдохнуть за триста метров от больших денег. Панель справа сверху, второй тумблер.

Да, ничего не скажешь, Циклоп основательно подготовился к операции. На эту тему мы с ним попозже поговорим. Отдельно.

Я щелкнул тумблером и повторил названную комбинацию цифр.

Толстенные металлические створки, прикрывающие вход в цитадель ученых, начали медленно расплзаться в стороны.

И вовремя.

На экране, отображающем заднюю панораму, я увидел выплескивающуюся из-за кромки котлована лавину Всадников. А чуть правее через ту же кромку переваливали тяжелые танки Т-90, без сомнения принадлежащие группировке «Борг». Однако сегодня была наша ночь. Вернее, наше утро.

Ворота базы ученых сошлись за кормой нашего танка, отделяя нас от Зоны. Т-010 остановился, лягнул люк водительского отсека, и я услышал, как Циклоп говорит кому-то:

– Ну, здравствуйте, профессор.

– С удачной операцией вас, Циклоп, – отозвался тот, кого называли профессором.

Глава четвертая Закон Монумента

Поскольку фанатики Монумента агрессивно настроены ко всем кланам Зоны, то, по единогласному решению Большой Сходки, ликвидация фанатика приравнивается к убийству мутанта и не влечет за собой уголовного преследования.

«Энциклопедия Зоны»

Я сидел на полу, привалившись спиной к холодной стене, и смотрел, как жирный паук деловито закатывает в паутину недостаточно шустрого таракана.

Я был счастлив.

Все, что я мог, – это двигать глазными яблоками. Остальное тело было сковано действием парализатора. Сейчас я мог наблюдать за пауком, и это давало мне шанс хоть какое-то время не глядеть на экран, висящий прямо передо мной. Скосив глаза, долго смотреть на голую стену невозможно – начинает ломить виски и появляется боль в глазных яблоках. Наблюдать за такими же, как я, неподвижными полутрусами, сидящими напротив, не было никакого интереса. А так хоть какое-то движение.

Экран мерцал, заполняя мозг белыми вспышками света. Он мерцал всегда. Вне зависимости от того, спишь ты, бодрствуешь, или пытаешься изобразить, что спишь. Если долго имитировать сон, то через электроды, прикрепленные к телу, подавался предупредительный разряд. Слабый, но чувствительный. Те, кто не понимал с первого раза, со второго начинали дрыгаться и биться головой об стену, словно кукольные паяцы. Обычно этого хватало. Те, кто пытался сопротивляться дальше, умирали. Это случалось нечасто. На моей памяти такое произошло лишь один раз.

Тогда пришли Служители и всем повернули головы в одну сторону. Так я понял, что не один.

Нас было много в этом длинном помещении, похожем на сегмент гигантской канализации. Человек сто, а может, и больше. И перед каждым висел экран, крепежная стойка которого вместе с проводами терялась где-то в темноте потолка.

Но в тот день можно было не смотреть на экран. И мы наблюдали, как вдруг задержался молодой парень, сидящий неподалеку от меня у противоположной стены. Дергался он настолько сильно, что его левая рука, неестественным образом изогнувшись в локтевом суставе, вдруг треснула и вывернулась наружу, прорвав рукав обломком кости. Потом из прорех в его робе повалил дым, и я увидел, как почернела кисть его руки в том месте, где к ней был прикреплен электрод.

А потом он перестал дергаться, и два Служителя, отсоединив от трупа провода, взяли его за ноги и потащили по коридору между нами. Медленно так проволокли, чтобы все видели, что бывает с теми, кто не хочет смотреть на экран.

И мы смотрели. Хотя понять то, что показывали на нем, не смог бы никто на свете. В основном это было чередование картинок и надписей, прочитав которые не представлялось возможным – слишком быстро они исчезали. Картинки также были подобраны абсолютно бессмысленно. Вспышка-какая-то башня-вспышка-просто серый квадрат-вспышка-вспышка-текст-вспышка-лицо ребенка, изуродованное страшной болезнью-вспышка...

Сначала было больно смотреть. Потом невозможно. Потом я привык и уже почти разучился моргать. Даже когда между зубов резко втыкался резиновый загубник, через который в желудок лилась безвкусная жидкость. Или когда Служитель из шланга направлял под меня струю слегка теплой воды, вымывая накопившееся дерьмо.

Мыслей не было. Экран забирал все мысли. Но иногда появлялся паук, которого я фиксировал краем глаза. И тогда я переводил глаза. И был счастлив. До тех пор, пока не начинал чувствовать слабое покалывание от электродов, во множестве закрепленных на моем теле...

Но счастье не бывает вечным.

Я заметил тень на полу и поспешно отвел глаза. Но было поздно. Служитель остановился рядом со мной, потом наклонился, так, что я почувствовал его дыхание на своей щеке. Я понял – он пытается понять, куда это я все время смотрю. Ему понадобилось не меньше минуты, чтобы рассмотреть на темной стене тончайшее серебро паутины.

– Неплохое зрение, – хмыкнул Служитель. – Прямо снайпер, да и только. И мозги покрепче, чем у остальных. Но это дело времени.

В следующее мгновение в стену ударила струя воды, смывая мое единственное счастье. А потом та же струя хлестнула по моим широко открытым глазам, отвыкшим от рефлекса опускания век в случае опасности...

– Очень странный случай. Хотя, если помните, коллега, мы уже сталкивались с похожими.

– Но не настолько. В данном случае эмоциональный аспект мозговой деятельности отсутствует практически полностью. Такого не бывает даже у животных!

Голоса звучали прямо над моей головой. А я все не мог понять – то ли мои глазные яблоки полопались под напором водяной струи, то ли я просто лежу на полу с закрытыми глазами. Проанализировав ощущения, я пришел к выводу, что если глазные впадины не болят, то второй вариант более вероятен. Заряд тока повышенной мощности за имитацию беспомощности получать не хотелось, и я открыл глаза.

– Проснулись? Вот и чудненько.

Я был готов к чему угодно, но только не к этому.

– Слишком реальный сон, не правда ли? Готов поклясться, что вы надеялись увидеть совсем другую картину.

И вправду, я был не готов обнаружить себя в уютной комнате с белыми стенами, лежащим на вполне удобной подставке, застеленной чем-то мягким. Из недр памяти выплыло слово «кровать», и я точно знал, что так называется подставка, на которой я лежу. Хотя до этого ничего подобного не видел.

На противоположной стене было окно. В окне шевелили кронами зеленые деревья. А над ними расстилось синее- синее небо, без малейшего намека на свинцовые тучи.

Рядом с окном стояло кресло. В кресле, закинув ногу на ногу, сидел человек в оранжевом костюме радиационной защиты. Матовое стекло его шлема не позволяло разглядеть лица, но лицо незнакомца сейчас мало меня интересовало.

Я смотрел на окно и пытался вспомнить, где еще я мог видеть настолько чистое небо.

Голова незнакомца слегка повернулась, отслеживая мой взгляд.

– Простите, что не предупредил вас сразу, – сказал незнакомец. – Это голограмма. Иллюзия для лучшего восстановления душевного равновесия после сеансов интенсивной психокоррекции.

– Вы копались в моих мозгах? – медленно спросил я, преодолевая сухость во рту.

– Да, – просто сказал кто-то у меня над головой. – Но это было необходимо. Для вашей же пользы.

Я резко повернул голову, чуть не вывихнув шею.

Так и есть.

За подголовником моей кровати стоял тип в таком же оранжевом СПП-99, направив на меня ствол короткого автомата.

Я откинулся на подушку и улыбнулся.

– А это для нашей безопасности, – пояснил тип, сидящий в кресле. – В автомате специальные заряды с парализатором. Просто после психооррекции пациенты бывают излишне агрессивны. Но, думаю, вы достаточно благоразумный... хммм... человек, чтобы не превращать мирную беседу в боевик со стрельбой и смирительными рубашками.

– Я достаточно благоразумный хм-мутант, – кивнул я. – Называйте вещи своими именами, господин ученый.

– В лучшие времена меня чаще называли академиком, – хмыкнул человек в кресле. – Хотя сейчас и здесь можете называть как угодно. Зона – единственное место на земле, где имена и звания ничего не значат.

Он с видимым трудом закинул ногу на ногу. Для молодого и здорового человека это было простое движение, несмотря на освинцованный ботинок. Судя по тому, как нелегко далось оно человеку в кресле, я сделал вывод, что либо он болен, либо очень стар.

– Профессор, оставьте нас, – попросил академик.

– Вы уверены, что...

– Уверен, – шевельнул рукой человек в кресле.

Даже через сложную систему фильтров было слышно, как недовольно засопел профессор с автоматом, проходя мимо меня. Однако все ограничилось сопением. Пререкаться с академиком на базе ученых, по-видимому, было не принято.

– Для начала разрешите представиться, – произнес академик, когда мы остались одни. – Моя фамилия Захаров. Надеюсь, слышали?

– Не слышал, – сказал я. – Я Снайпер. Слышали?

– Не имел чести, – покачал головой академик. – Но, тем не менее, рад знакомству. Так вот, – продолжал Захаров, поудобнее устраиваясь в кресле, насколько это позволил костюм, – для начала еще раз прошу прощения за водворение вас в этот бокс и сеанс психокоррекции, проведенный без вашего согласия. Вы хватанули опасную для жизни дозу радиации, поэтому вы здесь. Надеюсь, ненадолго – у вас потрясающая способность организма к восстановлению. А провести сеанс меня попросил ваш друг. Он сказал, что вы хотели встретиться со мной именно с этой целью. И поскольку после прибытия к нам вы практически сразу потеряли сознание, я решил, не откладывая дела в долгий ящик, выполнить ваше желание.

– Спасибо, – сказал я. – И вам, и Циклопу.

– Не за что, – произнес академик, не уловив в моем голосе сарказма. – Мы попытались разблокировать ваше сознание, но, вынужден признать, что достигли мы немногого. Похоже, ваш ментальный блок неслучаен, и ставили его мастера своего дела. Правда, мы выяснили кое-что. Вы не мутант. Хотя обладаете повышенной выносливостью и аномальными способностями к регенерации тканей. Я встречал такое у некоторых сталкеров, подвергшихся целенаправленному воздействию определенного набора редких артефактов. Правда, у них на руке имелаась накладка STALKER, выполненная заглавными буквами, которую я не наблюдаю у вас. У вас я нашел другое. Надеюсь, вы в курсе насчет того, что в вашем мозгу заблокированы некоторые функции?

Я кивнул.

– Так вот, – продолжил Захаров. – Ваш случай выборочной амнезии уникален. Такое впечатление, что кто-то нашел способ блокировать долговременную память, посредством интерференции высвобождая значительные участки мозга для более продуктивной работы.

Перехватив мой непонимающий взгляд, Захаров пояснил:

– Вас не отвлекают мысли о прошлом, а значит, эмоции и переживания, приобретенные в этой так называемой «прошлой жизни». Понимаете? Подавление рефлексов страха посредством блокировки воспоминаний о том, чего следует бояться. Этакий универсальный солдат без страха и упрека. При этом приобретенные ранее навыки не только остаются, но и получают мощный толчок к развитию. Когда человека ничто не отвлекает, он неизбежно совершенствует

то, что у него осталось. Так, например, у безногих руки намного сильнее, чем у обычных людей, у слепых улучшается слух, обоняние и тактильная восприимчивость...

– Я понял, – сказал я. – Остается выяснить, кому мог понадобиться в Зоне такой солдат.

– Не знаю, – пожал плечами Захаров. – Признаюсь, у меня существует на этот счет довольно стройная гипотеза. Если вы никуда не спешите...

– Не спешу, – усмехнулся я.

– Ах, да, – спохватился Захаров. – Не поверите, столько лет здесь и все равно не могу привыкнуть к тому, где я нахожусь. Тогда позвольте изложить мою точку зрения на то, что здесь происходит.

Я подложил подушку под голову, устроился поудобнее на кровати и приготовился слушать.

– На самом деле существует две Зоны, – начал Захаров, – та, в которой вы сейчас находитесь, и весь остальной мир. Не думайте, что когда-либо увидите истинных Хозяев Мира. То, что показывают с экранов телевизоров, лишь декорации, разрешенные ими к показу. Клипы, фильмы, политика, войны – всё, что смотрят люди по вечерам, приканчивая очередной паке-тик с чипсами, есть лишь элемент древней программы, созданной для того, чтобы массы были довольны и не бунтовали, чтобы дозированно выдавать им хлеб и развлекательные зрелища.

Но истинным Хозяевам Мира не может нравиться медленное, но верное разрастание нашей Зоны, грозящей в конечном счете не только их власти, но и существованию самих Хозяев. Испокон веков они уничтожали всё, что в той или иной мере могло помешать их господству. Эксперименты ученых с ноосферой, а значит, с массовым сознанием, не могли им понравиться. Потому ими была спровоцирована чернобыльская катастрофа. Но Волна Излучения, природа которой до сих пор никому не понятна, привела к прямо противоположному эффекту – возникновению Зоны в том виде, в каком она пребывает сейчас.

Последующие попытки уничтожить Зону приводили лишь к тому, что она, словно космическая черная дыра, впитывала в себя энергию ненависти Хозяев Мира и становилась всё больше и могущественнее. Наконец в результате этой своеобразной эволюции она обрела свой собственный разум и вступила в открытое противоборство с законами этого мира, словно карты тасуя и переворачивая в себе физические и логические законы мироздания, которые создали и согласно которым уже привыкли существовать Хозяева Мира.

Крупные войсковые соединения Зона легко перемалывала в фарш, словно гигантская мясорубка, а бомбардировки с воздуха заканчивались лишь гибелью бомбардировщиков. Кстати, вы в курсе, что на Припять в прошлом году всё-таки была сброшена атомная бомба? Нет? Ах да, конечно... В общем, она не взорвалась. Во всяком случае, видимого взрыва не было. Правда, были последствия. Зона серьезно расширилась, поглотив за счет дармовой энергии еще с десяток квадратных километров.

И тогда против Зоны Хозяевами Мира был применен принцип, давно используемый в гомеопатии. Если болезнь невозможно уничтожить массированными атаками, то ее уничтожают следовыми количествами активного вещества.

Легендарный Наемник, перепрограммированный одним из Хозяев Мира на уничтожение Центра Зоны, был пробным блином, так и не дошедшим до цели. До нее дошел некий безвестный сталкер, имени которого я не знаю до сих пор. Однако он просчитался, полагая, что Зоной управляют гуманоидные существа, плавающие в автоклавах. Его подвели им же созданные стереотипы. Всё закончилось автоматной очередью, уничтожившей несколько муляжей, и тот сталкер навечно упокоился в на этот раз реально действующем автоклаве. Думаю, он до сих пор рассматривает красивые наведенные галлюцинации, полагая, что облагодетельствовал человечество.

– Так кто же на самом деле истинные Хозяева Зоны?

Захаров рассмеялся.

– Истинными Хозяевами Зоны являемся мы с вами. То есть ею управляет объединенное сознание всех, кто находится в пределах Зоны отчуждения. Зона напрямую подключена к ноосфере и черпает из мозга людей негативные эмоции, посредством которых перерождается окружающий их мир. Что такое Ужасный Кабан в сознании человека? Это огромный плотоядный кабан с большими клыками. Что ж, получите его во плоти. А ктулху? Чистой воды жуткое порождение бездны из произведения Лавкрафта. Помнишь, как поразил и испугал тебя этот рассказ в детстве? Не помнишь? Зато помнит твое подсознание. А первый удар током? Боль, испуг, возможно, искра. Гипертрофированный ужас многих людей порождает аномалию «электрод». И так во всем. Чем больше отрицательных эмоций вызывает в тебе Зона, тем больше она становится. И тем большее количество человеческих кошмаров воплощает в себе наяву. Зона – это гипертрофированный человеческий ужас, помноженный на идущую из центра Зоны энергию смерти.

– А артефакты? – не сдавался я. – Далеко не все из них несут энергию смерти! Некоторые очень полезны для людей.

– Да ну?! – удивился Захаров. – Вы точно в этом уверены?

– Конечно, – уверенно заявил я. – Например, «синяя панацея» заживляет раны, а «батарейка»...

Захаров рассмеялся мелким дребезжащим смехом.

– Сами подумайте, разве вынес бы кто-либо из Зоны по доброй воле кусочек концентрированной смерти? – сказал он, отсмеявшись. – Конечно нет. И для того, чтобы сталкеры таскали их в большой мир, словно пчелы пыльцу, эта пыльца должна быть сладкой.

– Получается, что...

– Именно! – произнес ученый. – Зоне необходимы глаза и уши в мире людей. Пока что глаза и уши. Пока не настанет время Большой Экспансии. Когда порожденные аномалиями артефакты, которые сталкеры разнесли по миру, раскроют свою истинную сущность и, переродившись, словно бабочки из коконов, сами станут гигантскими аномалиями. Очагами, к которым из Зоны потянутся уже видимые черные нити. Думаю, им потребуется не слишком много времени, чтобы опутать весь земной шар, превратив его в одну большую Зону – царство человеческих кошмаров.

– Вы и есть один из Хозяев Мира? – спросил я.

– Не этого вопроса я ждал сейчас, – немного подумав, ответил Захаров.

– А какого?

– Например, для чего Хозяевам Мира могла понадобиться ваша персона? Согласитесь, нелогично раз за разом посылать снаряды в мишень, в которую не попали до этого такие же снаряды.

– Это же очевидно, – пожал плечами я.

Захаров аж подался вперед в своем кресле.

– Ну-ка, ну-ка, молодой человек, изложите, пожалуйста, свою версию!

– Если Зона питается эмоциями, то для того, чтобы проникнуть в нее незамеченным, нужен просто другой снаряд. Человек без эмоций. Который, достигнув цели, не будет стрелять по автоклавам, а примет взвешенное решение. И если Зона воплощает наши детские кошмары, то нужен человек, не помнящий этих кошмаров.

– Браво, юноша!

Захаров от восторга захлопал в ладоши.

– Брависсимо!

– Только на мой вопрос вы не ответили, – заметил я.

– На самом деле на ваш вопрос нет однозначного ответа, – после паузы произнес академик. – Дело в том, что Хозяева Мира есть тоже порождения ноосферы. То есть объединенного сознания людей. Только не тех, кто находится в Зоне, а тех, кто живет вне ее.

Я смотрел на академика, сидящего около голограммы, и думал о том, что вряд ли его теория о Хозяевах Мира соответствует реальному положению вещей. Скорее всего, это тоже голограмма – похоже на истину, но не она. Не верилось мне, что мчащийся за грузовиком кабан с налитыми кровью глазами, или собака, вообще лишенная глаз, но при этом более опасная, чем многие другие зрячие твари, есть всего-навсего плод воображения общественного сознания. Слишком отчетливо помнил я тошнотворный запах этих страшных порождений Зоны. А вот теория о человеке без эмоций, способном дойти до Монумента, показалась мне заслуживающей большего внимания.

– А как вы думаете, что такое Монумент? – спросил я.

– Я не думаю, – сказал Захаров. – Я более чем уверен, что это аномалия, как и все аномалии в Зоне существующая с единственной целью – уничтожить человечество. Только у нее более продолжительный и изощренный принцип действия. То, что Монумент исполняет желания, есть полная и несусветная чушь. Хотя...

Захаров усмехнулся.

– Знаете, в пятьдесят третьем году прошлого столетия супруги Олдс поставили такой знаменитый опыт на крысах. Зверьку вживляли электроды в определенные точки гипоталамуса, формирующие импульсы удовольствия, и учили вызывать наслаждение, нажимая педальку, замыкающую электрическую цепь. В результате эксперимента крыса прекращала есть и пить, беспрерывно нажимала на педальку и испытывала беспрерывное наслаждение. Пока вскоре не умирала от голода и нервного истощения. Монумент – это своего рода рычаг, нажимая который человек получает заказанную иллюзию, которую сложная аномалия генерирует согласно закачанной в нее информации о существующих объектах окружающего мира. Хочет человек золота – его осыплют монетами и слитками. И будет он собирать их возле Монумента, пока не умрет с голоду. Или не покончит с собой от безысходности – ведь всё ему не унести и уйти от такого богатства невозможно.

– Или пока аномалия не наиграется и не прикончит счастливчика, – продолжил я мысль академика.

– Или так, – согласился Захаров. – Жаль только, что никто так и не подтвердил и не опроверг мою теорию.

– Неужели никто так и не вернулся из центра Зоны?

Шлем слегка покачнулся.

– Никто. Может, и нет никакого Монумента. И всё, что о нем говорят, – лишь легенды, порожденные слухами. А вот группировка фанатиков, охраняющая центр Зоны, есть. Причем богатых фанатиков. Непонятно с каких доходов.

– Ну, вы тут тоже не бедствуете, – сказал я. – Танки вон покупаете запросто, как колбасу.

– Не бедствуем, – согласился Захаров. – Нынче ученый, если не хочет жить на зарплату дворника, должен уметь обеспечить себя. Так что мы здесь на полном хозрасчете. И научный лагерь отстроили сами, и эксперименты проводим на свои средства. Какие-то результаты тех экспериментов продаем, а особо важные публикуем в открытой печати бесплатно. Можем себе это позволить.

– Да ладно вам, не заводитесь, – примирительно сказал я.

Но Захарова было не остановить.

– И плевать нам на ультиматумы «Борга», «Всадников» или еще кого-то. Потому что, во-первых, мы им нужнее, чем они нам. А во-вторых, если надо, то сумеем отпор дать любой группировке, а то и всем сразу. Имеем на то возможности. Добро должно быть с кулаками!

– Конечно, – сказал я. – Полностью с вами согласен.

– Еще бы вы были не согласны, – проворчал академик, медленно остывая после бурной речи.

– Значит, как я понимаю, «Борг» вместе со «Всадниками» осадили ваш лагерь?

– Уже свалили, – махнул рукой Захаров. – Покричали ровно столько, чтобы не потерять лицо друг перед другом, и удалились несолоно хлебавши. В ближайший внешний бункер, который мы им предоставили, чтобы они там выброс пересидели. А то ведь танки танками, фенакодусы фенакодусами, а встречать выброс в чистом поле все равно никому неохота. К тому же Зона лишнего крику не любит.

– Вы о ней прямо как о живом существе, – заметил я.

– Факты заставляют, – буркнул академик. – А они, как известно, вещь упрямая. Хотя у меня и на этот счет есть своя гипотеза.

Я мысленно застонал. Безумные гипотезы Захарова, похоже, были известны здесь всем наизусть, и каждые новые свободные уши были для ученого подарком. Я понял, что если не выслушаю его, мое освобождение из бокса с белыми стенами может затянуться на неопределенное время. И приготовился слушать.

– Для начала я попытаюсь объяснить вам, что такое Зона, – начал ученый, нисколько не заботясь вопросом, интересно ли мне знать то, что он собирается до меня донести. – Дело в том, что наш мир имеет отражение самого себя, как имеют отражения все объекты, составляющие этот мир. Возьмем лист на дереве. Он изначально симметричен. Проведи сверху вниз разделительную линию по фигуре человека – и мы получим две практически одинаковые половинки. Взглянув на поверхность воды, человек видит отражение окружающего мира. Слегка искаженное рябью – но, в принципе, идентичное оригиналу. Наш мир не является исключением из закона симметрии. Да-да, параллельно нам существует другой мир – этакое зазеркалье, которого мы не видим, как не видит одна половинка человека другую.

– То есть не видит? А руки?

– Руки – да. Все-таки человек целостный организм, функционирующий в своем мире. И при этом гораздо более примитивный по сравнению с этим миром, как примитивна амeba по сравнению с человеком. Однако попробуйте увидеть правым глазом левый... Мы тоже видим порой отражения того мира – это призраки, видения, миражи. Но бывает это крайне редко, так как миры практически не пересекаются между собой. Практически!

Академик поднял кверху палец, затянутый в оранжевую перчатку, словно сейчас находился на кафедре, а не в радиационном боксе.

– Пересечения все же происходят в результате несостыковок миров, – продолжал Захаров. – Если разрезать сверху вниз две одинаковые фотографии одного и того же человека, а после склеить разные половинки, мы получим фото разных людей. Причем разных настолько, что порой сходство в них найти весьма затруднительно. То же самое относится ко всем остальным существам и предметам. Это исключения из закона симметрии, так сказать, подтверждающие правило.

Далее. Несостыковки одной половины организма влияют на вторую. Обозначим это как закон влияния. Начинает гнить одна половина листа – и желтеет вторая. Слепнет человек на один глаз – и страдает весь организм, то есть и вторая его половина. Это понятно.

Так вот. Начнем с того, что до определенного времени оба мира развивались практически параллельно и мелкие несостыковки не мешали этому развитию. Ну ходили очень сильные колдуны туда-сюда через каналы несостыковок, пробивая ментальной энергией естественную защиту между мирами. Ну пытались прогнозировать будущее менее сильные колдуны, заглядывая через призму этой защиты в сполохи вероятностей развития параллельных миров. Ну описал в прошлом веке Карлос Кастанеда способ взаимодействия человека с отражением мира, ну ломанулись тысячи людей в попытке найти Отражение его методами...

– И что?

– И не получилось у них ничего, – усмехнулся Захаров. – У подавляющего большинства не получилось. Потому как не хватило ни личной силы, то есть энергии, ни знаний, которых по книжкам не насобираешь. Но сейчас разговор не об этом.

Третьего марта 1944 года на территории Белоруссии к югу от Гомеля была взорвана первая атомная бомба. Испытательный взрыв объекта «Локи» был произведен по прямому приказу шефа «Аненэрбе» Генриха Гиммлера. Охрана объекта осуществлялась тремя элитными дивизиями – одной полицейской и двумя панцергренадерскими, стянутыми под Гомель, несмотря на тяжелейшее положение на Восточном фронте. Из охраны не выжил никто – большинство погибло в боях, остальные скончались от неизвестной тогда болезни, печально известной сейчас как ОЛБ – острая лучевая болезнь.

А в междумирье возникла первая, пока незаметная трещина...

Успешные испытания заставили нацистскую Германию ускорить производство столь эффективного оружия. Однако недостаток сырья и квалифицированных работников отодвинули производство новых бомб практически на год. Однако восемнадцатого марта 1945 года в Атлантике флот США лишился легкого крейсера, семи эсминцев и десятка кораблей других классов. Американцы терялись в догадках, чем могло быть вызвано такое массовое уничтожение кораблей, пока разведка не докопалась, в чем дело. С тяжелого транспортного самолета «Юнкерс-390» на американский конвой LW-143 был сброшен образец долгожданного «оружия возмездия». Высшие военные чины американских вооруженных сил решили замять инцидент, параллельно приложив все усилия для скорейшего захвата неиспользованных образцов чудо-оружия.

И им это удалось. В марте-апреле в результате массированного наступления американских сил был уничтожен немецкий 244-й специальный батальон, защищавший город Рур, в котором находились три единицы чудо-оружия. Один из захваченных трофеев эксперимента ради был взорван в пустыне штата Невада. Эксперимент понравился, и две оставшиеся бомбы были сброшены на японские города Хиросиму и Нагасаки с единственной целью – предотвратить крестовый поход Советов против мирового империализма.

– Почему же немцы сами не использовали эти бомбы? – спросил я.

– К весне сорок пятого у них уже не было такой возможности. У американцев есть такой анекдот. К президенту приходит директор ЦРУ и говорит: «У меня две новости. Одна плохая, другая хорошая». Президент говорит: «Начинай с плохой». Директор: «О'кей. Новость плохая – у Саддама Хуссейна есть атомная бомба». Президент: «А хорошая?» Директор: «Сбросить ее он может разве только с верблюда». Весной сорок пятого российская авиация и авиация союзников полностью контролировали небо над Германией. Так что чудо-оружие оказалось просто невозможно применить.

А после окончания войны американцы и русские очень быстро создали свое атомное оружие. И началась эра испытаний ядерных зарядов...

Захаров на минуту умолк. Я не торопил его. Изложенная ученым новая гипотеза почему-то не казалась мне надуманной. Потому сведения, которыми он только что поделился со мной, требовали вдумчивого усвоения. Однако мозг не спешил мириться с услышанным. Два мира, являющиеся отражениями друг друга... Это надо было осознать. Однако Захаров не дал мне достаточно времени для размышлений, вывалив новую порцию информации.

– И не только ядерных, – сказал он. В его голосе слышалась грусть. – Двенадцатого августа 1953 года на Семипалатинском полигоне была взорвана водородная бомба академика Сахарова, эквивалентная двадцати Хиросимам. Потом был октябрь шестьдесят первого, когда над Новой Землей была взорвана водородная бомба, мощность которой десятикратно превышала суммарную мощь всех взрывчатых веществ, использованных всеми воюющими странами за годы Второй мировой войны, включая атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки...

– Подождите-подождите, – перебил я ученого. – Вы сказали, фамилия ученого, создавшего бомбу, Сахаров. Как-то она подозрительно перекликается с вашей фамилией. Или...

– Думайте что хотите, молодой человек, – устало произнес ученый в оранжевом костюме. – Официально отец водородной бомбы умер вечером четырнадцатого декабря 1989 года от сердечного приступа.

– А неофициально?

– Неофициально в конце восьмидесят шестого года Андрея Дмитриевича Сахарова срочно вызвали в Москву после семилетней ссылки, полностью реабилитировав, о чем ему сообщил лично президент страны. Как вы думаете, зачем?

– Восьмидесят шестой год... Сразу после аварии на Чернобыльской АЭС?

– Именно, – усмехнулся ученый. – Кто еще, кроме него, мог понять, что происходит с обоими мирами.

– И что с ними происходило?

– Что происходит с зеркалом, если по нему эпизодически постукивать молотком? Понятное дело, что рано или поздно оно треснет. Так вот, наша Зона – это последствия атомных взрывов. Лучи, расходящиеся от трещины в междумирье. Патологический разрыв, катализатором которого явилась последняя авария на Чернобыльской АЭС. Четвертый удар атомным молотком в одно и то же место. Чем и объясняется повышенная агрессия Зоны по отношению к человеку. Не случайно всё – аномалии, мутанты, очаги радиации – всё в Зоне пытается уничтожить человека. Это просто ответная реакция природы на раздражитель, постоянно причиняющий ей страдания...

Захаров замолчал на некоторое время. Даже не видя его лица, я чувствовал: вновь прогоняя через себя результаты своих исследований, этот человек испытывает нешуточные душевные муки. Похоже, он действительно считает, что вся ответственность за появление Зоны лежит на нем. Так ли это на самом деле или нет – кто знает...

– При этом я вполне обоснованно подозреваю, – наконец произнес Захаров уже более спокойно, – что в зазеркалье – назовем его миром Бета – Зоны нет. Пока нет. А есть необъяснимые исчезновения людей и животных, которые, проваливаясь в трещину между мирами, в нашем мире – мире Альфа – становятся гуманоидными и негуманоидными мутантами.

– И вы хотите сказать, что там, в мире Бета, никто ничего не замечает?

– Может, и замечают, – пожал плечами Захаров. – А может, и нет. По моим расчетам, трещина в мире Бета не локализована в одном месте. Там она есть не что иное, как разбросанные по всей планете древние каналы несостыковок, расширившиеся в результате Волны Излучения в нашей Зоне. В которые, словно в ловушки, попадают живые существа, в нашем мире централизованно пополняющие ряды так называемых мутантов. Зона в нашем мире – это своеобразное озеро, в которое стекают из мира Бета многочисленные ручейки измененной биоматерии.

– Получается, что, стреляя в ктулху, мы убиваем себе подобного?

Захаров качнул шлемом.

– Нет. Убиваем мы именно ктулху. В результате перехода через трещину в нем не остается ничего человеческого. Потому и важно закрыть эту трещину. Тогда, возможно, исчезнет и сама Зона.

– И как ее закрыть? – спросил я.

– Этого я не знаю, – сказал ученый. – Но предполагаю, что так называемый Монумент является ее основной составляющей. Так сказать, эпицентром, основным нарывом, порождающим то, что мы называем Зоной.

– И ее основной аномалией, – напомнил я.

– Видимо, так, – кивнул Захаров. – По крайней мере это более-менее стройная гипотеза, в отличие от остальных не разваливающаяся как картонный домик при попытке применить логический анализ к понятию «Зона».

Мне ничего не оставалось, как согласиться с Захаровым. Хотя мне было абсолютно все равно, подтвердится когда-либо его гипотеза или останется досужими домыслами пожилого гения. Меня по-прежнему интересовали ответы лишь на два вопроса. К которым я не приблизился ни на сантиметр, несмотря на то что уже успел повоевать с тремя наиболее мощными группировками Зоны. Кто я такой, Захарову выяснить не удалось – попытка разблокировать мое сознание лишь выковыряла из моей памяти странный сон-воспоминание, который запросто мог оказаться кадрами из какого-нибудь фильма или просто причудой сознания, потревоженного вторжением в мой мозг. Поэтому оставался второй вопрос.

– Может быть, вы знаете, где я могу найти Директора? – спросил я.

Я ожидал, что Захаров, как и его предшественники, попытается выяснить, для чего мне понадобился этот неведомый Директор, на имя (или должность?) которого у обитателей Зоны возникали разные неоднозначные реакции. Но ученый, казалось, ничуть не удивился моему вопросу. Удивился он другому.

– Странно все-таки, что у вас нет наколки на предплечье, – сказал он. – Просто этот же вопрос задавали мне некоторые известные сталкеры с большими латинскими буквами на руках. Из чего я сделал вывод, что так называемый Директор, Монумент, Саркофаг и центр Зоны находятся в одной и той же точке карты, расположенной к юго-востоку от Припяти.

– ЧАЭС, – задумчиво произнес я.

– Она самая. Найти Директора – это то же самое, что найти Монумент, главную легенду Зоны. Которую искали многие. Но еще ни один из них не вернулся обратно, сам став при этом легендой. Оно и не удивительно. По моим расчетам, под Саркофагом и сейчас радиационный фон превышает допустимые нормы в десятки и сотни раз. Это практически гарантированная лучевая болезнь. Поэтому подумайте, надо ли оно вам? Жизнь без прошлого не такая уж плохая штука. Поверьте, я бы не отказался.

Это прозвучало настолько искренне, что я не менее искренне посочувствовал пожилому ученому. Но все-таки для меня было важно узнать всё о себе. И о том, какая это тварь без спросу заблокировала мой мозг в своих целях.

А еще я дал слово Страннику.

Поэтому я просто задал следующий вопрос:

– Когда я смогу выйти отсюда?

– Понятно, – сказал Захаров. – Этому я тоже не удивляюсь. Что ж, думаю, что с вашими способностями к регенерации, при наличии наших скромных возможностей, не далее чем завтра вы уже не будете фонить как среднестатистический артефакт и сможете продолжить ваше путешествие. Кстати, предвидя ваш следующий вопрос, могу сообщить, что бывший член группировки «Воля» Циклоп нынче отказался от своих обязательств по отношению к вышеназванной группировке и намерен сопровождать вас.

– Спасибо, обойдусь, – буркнул я. – А что с Метлой?

– Тут всё гораздо печальнее, – вздохнул ученый. – Как вы, наверно, знаете, при тяжелых случаях острой лучевой болезни после первичной реакции организма наступает период улучшения. Ваш друг, немного придя в себя, выразил желание уйти в Зону, мотивировав свое решение тем, что хочет умереть там, где прошла лучшая часть его жизни. Да-да, так прямо и сказал, представляете? И поскольку мы действительно пока не имеем возможности спасти жизнь человека с таким диагнозом, нам пришлось выполнить волю умирающего. Снабдив его всем необходимым сообразно его доле.

– Доле от чего?

– От принесенного хабара. Поверьте, она очень значительна, причем и в вашем случае тоже. Артефакт «фотошоп» плюс услуги по своевременной доставке заказанной нами экспериментальной машины будут хорошо оплачены. Даже за вычетом услуг за ваше лечение и содержание это составит весьма приличную сумму.

– Интересно, а если б мы ввалились к вам в таком состоянии без артефакта и танка, что бы вы сделали? – поинтересовался я. – Оставили нас валяться под воротами?

– Нет, – просто ответил ученый. – Во-первых, негигиенично, когда перед лагерем гниют трупы. А во-вторых, тем, кто того достоин, многие услуги мы оказываем в кредит. Поверьте, еще не было ни одного случая, чтобы нам не вернули долги.

Уточнять принцип сортировки достойных от недостойных я не стал. Прежде всего потому, что беседа меня изрядно утомила. Все-таки, видимо, дозу радиации от «фотошопа» я хватанул изрядную и, несмотря на лечение – а может, благодаря ему, – сейчас по телу разливалась противная слабость. Что не прошло незамеченным.

– Вижу, что вам необходимо отдохнуть, – произнес ученый, поднимаясь с кресла. – Что ж, не смею больше обременять вас своим присутствием. Увидимся.

Не успели еще затихнуть в коридоре тяжелые шаги Захарова, как я почувствовал, что меня накрывает темное одеяло сна, похожее на усыпанное звездами темно-серое небо Зоны.

* * *

Если вам кто-то скажет, что Зона – это аномалии на каждом шагу, мутанты – через два шага на третий, а артефакты валяются под ногами, словно обглоданные черепа безглазых псов, – не верьте. Этот «кто-то» много слышал о Зоне, но никогда там не был. Можно пройти, как я, например, сегодня, от Новоселок до Корогода и не встретить не то что головурука, но даже лысого черномыльского ежа. Конечно, никто не гарантирует, что, путешествуя после очередного выброса тем же маршрутом, вы вдруг не обнаружите себя на поле гравиконцентраторов, выход из которого, задумчиво почесывая бороду, перекрывает неторопливый ктулху. Зона есть Зона, и случается в ее пределах всякое.

Но здесь также бывает, что, отмахав пять километров по прямой, иной сталкер задумается: а в Зоне ли я нахожусь? И не морочит ли меня, висящего на крюке под потолком, валяющийся на полу гурман-псионик, в пасть которого стекает кровь из моей разорванной артерии? Чисто глюки насылает, чтоб я не дергался и деликатес во все стороны не разбрызгивал.

Всё, что напоминало сейчас о том, где я нахожусь, были желто-красные знаки радиационной опасности, понатыканные вдоль дороги. Некоторые на удивление новые, покрытые свежей краской. Но чаще насквозь проржавевшие и изрешеченные пулями соревнующихся в меткости зеленых новичков, каким-то чудом сумевших добраться до этих мест. Потому как ни один из здравомыслящих сталкеров не выстрелит в Памятник Зоны, установленный теми, кто ликвидировал последствия чернобыльской аварии. Всё, что делали они, – теперь Памятники. К главному из которых я шел сейчас.

На мне был зеленый защитный комбинезон средней степени защиты, за плечами – полностью укомплектованный «научный рюкзак» РН-23, мечта любого сталкера, собравшегося в дальний поход в глубь Зоны, в руках – автомат «Вал», снаряженный оптикой и магазином на двадцать патронов СП-6, способных продырявить штатный борговский бронежилет на дистанции до четырехсот метров.

В общем, Захаров не поскупился. Более того, в моем КПК теперь имелась подробная карта подземного комплекса секретных лабораторий под Припятью, берущих начало в районе Копачей и оканчивающихся где-то за Новошепеличами. Даже я со своими заблокированными мозгами осознавал, что эта информация стоит вагона плотно утрамбованных защитных костюмов. Другой вопрос, почему Захаров не поделился этой информацией с другими сталкерами и при этом запросто слил её в КПК первого встречного бродяги, то есть меня? Правда, как знать, может, и поделился, да что толку? Зона как росла, так и растёт, того и гляди Киев накроет и дальше в Европу поползет, тесня зону евро зоной деревянного российского рубля образца шестьдесят первого года. А Исполнитель желаний, он же Монумент, он же центр Зоны, и ныне

там. Под объектом «Укрытие», доступ к которому возможен, видимо, только через подземные лаборатории, которые снабжала и, возможно, до сих пор продолжает снабжать энергией так до конца и не уничтоженная ЧАЭС.

От самого села Корогод осталась только табличка с названием да три полуразвалившихся дома. Судя по информации в КПК – излюбленное место обитания мутантов, которые, словно легендарные вампиры, в большинстве своем днем скрываются там, где темно и сыро, а по ночам шастают по Зоне в поисках свежего сталкерского мяса.

Ночь была не за горами, поэтому мне стоило позаботиться о ночлеге. Конечно, хорошая экипировка – серьезное подспорье в этих местах. Но одновременно она же может стать источником не менее серьезных проблем. Потому как подозревал я, что мало кто из одиночек, не стесненных избытком совести, откажется без свидетелей по-тихому сунуть клинок ножа под шлем беспечно дрыхнувшему и при этом шибко богато экипированному коллеге.

Поэтому, проверив ближайший дом на наличие аномалий и зашхерившихся в подвале мутантов, я не улегся на пол, переведя систему жизнеобеспечения умного костюма в положение «сон/охрана владельца», а начал потихоньку снимать подарок Захарова, одновременно не забывая посматривать за окнами. Неудобное это дело – стаскивать с себя защитный костюм, одновременно держа на прицеле ближайшее окно. Но порой это бывает необходимо.

Особенно когда твой КПК сигнализирует: за тобой идет неидентифицированный системой не пойми кто, обозначенный жирной желтой точкой. Причем контактировать не собирается, а просто «пасёт», четко соблюдая дистанцию в полкилометра. Значит, в курсе возможностей моего «Вала».

«Энциклопедия Зоны» подробно описывала подобную тактику отчаявшихся неудачников. Даже название для нее имелось – «Шакал». Мародер просто тупо идет за хорошо экипированным сталкером и ждет. Чего? А чего-нибудь. Брошенного за ненадобностью дешевого артефакта, дохлого волкопса, с которого убийца поленился срезать ценные уши, или трупа конкурента, с которого может много чего содрать помимо патронов и оружия отщепенец, не обремененный негласным кодексом сталкеров.

А больше всего ждет он возможностей. Которых много порой случается на относительно безопасном пути, проложенном между аномалиями более удачливым сталкером. Например, возможности пристрелить того удачливого, когда он отвлечется, забудет о «шакале» и подпустит того на расстояние выстрела.

Поэтому от обоженных Зоной полусумасшедших «шакалов» все сталкеры старались избавляться чем раньше, тем лучше.

Можно было отключить КПК и просто пойти навстречу преследователю. Осознавая, что тот не дурак и, скорее всего, догадается при исчезновении желтой точки включить детектор жизненных форм. То есть, несмотря на отключенный наладонник потенциальной жертвы, метров за пятьдесят «шакал» все равно увидит, как и с какой стороны к нему приближается вновь возникшая на экране точка, изменившая цвет на красный. В отличие от того, кто этой точкой обозначен. Ход с вероятностью выигрыша один к ста. И то если очень повезет, преследователь окажется полным дебилом и останется на месте.

Поэтому я выбрал другой вариант.

Рюкзак, завернутый в костюм, лишь отдаленно напоминал лежащего на полу человека, но я очень надеялся, что этого окажется достаточно. Сам же я затаился в углу, положив рядом с собой выключенный фонарь и держа на прицеле покосившуюся дверь.

Ждать пришлось недолго. Правда, произошло все не совсем так, как я ожидал.

На экране КПК я видел, как необычно толстая желтая точка медленно приблизилась к белой. После чего... внезапно разделилась.

От нее отпочковался едва заметный бледно-розовый след, который я вряд ли бы заметил, если б до боли в глазах не вглядывался в экран. Непростое это дело – одновременно следить

за пристегнутым к руке наладонником, повернув его экраном к себе, чтоб не отсвечивал, и одновременно контролировать дверь, совмещая контур проема с прицелом «Вала».

Дверь скрипнула еле слышно. И одновременно с этим скрипом в окно бесшумно ввалился темный ком. После чего я услышал характерный лязг металла о металл, природа которого мне была знакома – такой звук издает при стрельбе бесшумный пистолет ПБ/6П9.

Прикинув, куда мог упасть стреляющий ком, я плавно сместил прицел «Вала» и несколькими выстрелами прочесал сектор падения непонятого предмета. После чего проделал три сквозные дыры в человеческом силуэте, наконец-то появившемся в дверном проеме. Все-таки жуткая штука – бронебойная пуля. Даже защищенного бронежилетом человека с расстояния в десять метров прошивает насквозь независимо от класса защиты. Чего уж говорить о ночном убийце, не имеющем никакой защиты, кроме кольчужного полотна, вшитого в подкладку кожанки.

Он даже не понял, что произошло, – пули прошли через него, практически не встретив сопротивления. Я смотрел, как лучи редкой в Зоне луны просвечивают сквозь аккуратные отверстия в силуэте. Убийца несколько секунд осознавал происшедшее, еще не веря в то, что убит. Осознание пришло одновременно с гибелью мозга, и, пискнув, словно раздавленная крыса, «шакал» рухнул на пол.

Но его труп меня уже не интересовал. Гораздо любопытнее было узнать, что же такое ввалилось в окно?

Подобрав с пола фонарь, я нажал на кнопку, держа на прицеле предполагаемое место дислокации загадочного предмета.

Луч света выхватил из темноты кучку материи и несуразные контуры валяющегося на полу старого бесшумного пистолета с длинным, неудобным глушителем.

Я подошел ближе.

На материи явственно различались два черных пятна – места, куда попали мои пули. Ночью кровь при свете фонаря любой мощности всегда кажется черной.

Существо, завернутое в материю, было мертво. Или притворялось таковым. Я уже знал, что в Зоне могут встретиться любые мутанты, но тратить лишний патрон на контрольный выстрел было жаль. Поэтому я просто пнул эту кучу окровавленного тряпья, готовый немедленно выстрелить в случае чего.

Стрелять не пришлось.

Материя от пинка развернулась, оказавшись крошечным балахоном, и из нее на пол выпало тельце... ребенка?

Я никогда не видел детей вживую, только на картинках в «Энциклопедии Зоны». Тело, разорванное пулями практически надвое, сильно смахивало на человеческое дитя. Но все-таки это было что-то другое.

Нависший над лысыми надбровными дугами большой лоб пересекали глубокие морщины. Крохотные ручки обвивали жгуты развитых мускулов, чего нельзя было сказать о тощих и невероятно кривых ногах, на которых вряд ли могло при жизни передвигаться самостоятельно даже это невесомое тельце.

Наверно, я еще не особо привык к результатам биологического творчества Зоны. Иначе никак не объяснить того факта, что, разглядывая трупик мутанта, я несколько запоздалоотреагировал на тень, мелькнувшую в дальнем окне дома.

– Не стреляй, Снайпер, – прозвучало из темноты.

– Не буду, – сказал я, не опуская ствола. – Пока не буду. Говори, Циклоп. Если есть что сказать.

– Есть, – сказал Циклоп, благоразумно не высываясь. – Те, кого ты только что разделал, это наемники. Близнецы-убийцы. Вась-Вась их звали, может, слышал? Почти что легенда

Зоны. Карлик на плечах братца катался в балахоне, сшитом из теплоотталкивающей пожарной робы. Чтоб на КПК не светиться, пока старший из себя манок изображает.

– Полезные сведения, – сказал я. – Особенно сейчас.

– Понятно, что когда ты их разделал, оно тебе без надобности. Однако учти, что их наняли Всадники. Они думают, что тебя к ним подослала «Воля» и что «фотошоп» ты у них спёр.

– С какой это радости? – удивился я.

– Ты чужак в Зоне, – отозвался Циклоп. – Хрен тебя знает, зачем ты пришел из-за периметра. Может, как раз за «фотошопом». Они решили, что если бы «фотошоп» «вольные» дернули, они б его в «Волю» и отнесли, а не ученым загнали.

– Интересно, как они об этом узнали?

– Разведка у них работает будь здоров. Да и без разведки сталкерская сеть, что твоя пенсионерка у подъезда, всё видит и всё знает. Костюм на тебе опять же навороченный, ствол, снаряга... Видно, ради чего сталкер, рискуя жизнью, в лагерь Всадников сунулся. Я-то свою долю деньгами взял. Чтоб не светиться...

– Молодец, – сказал я. – А чего Всадники сами не занялись вопросом, наемников подтянули?

– У их фенакодусов вблизи загоризонтной станции мозги набекрень съезжают. Им в этих местах своего всадника сожрать, что мне банку консервов схрючить. Отсюда до Чернобыля-два чуть больше двух кэмэ, люди пока что пси-воздействия не ощущают. А фенакодусы дичают, будто их никто никогда дубинами к узде не приучал.

– Все равно не понимаю, какого дьявола ты здесь сейчас делаешь, – сказал я.

– Ясен перец, что ты думаешь, будто я с Вась-Вась заодно был, – хмыкнул за стеной Циклоп. – Однако если б оно так было, что мне мешало забросить сейчас в окно пару гранат, пока ты в труселях по углам приседаешь, и спокойно отчалить, умыкнув твой модный прикид, которому РГДшка по барабану? А если ты считаешь, что я Метлу подставил, так то ж Зона. Кто слабее, тот и «отмычка».

– Хорошо, – сказал я, чуть опуская ствол «Вала». – От меня тебе что надо?

– Слушай, может, поговорим по-нормальному? – спросил Циклоп. – А то я уже запарился из-за стенки орать. Того и гляди какая-нибудь радиоактивная сука припрется посмотреть, кого это тут раздражает на ночь глядя.

– Давай попробуем по-нормальному, – сказал я. – Если получится.

Циклоп появился в проеме двери. Не успел я подумать, как хорошо бы смотрелось в этом силуэте отверстия от бронебойных пуль, как шустрый сталкер сместился в сторону и присел у стены, положив автомат перед собой. Жест человека, не собирающегося стрелять. Редкое явление в Зоне.

Мне тоже пришлось опустить ствол. А после и положить на пол. Так как все-таки неудобно надевать защитный костюм, удерживая «Вал» в руке.

Невидимый в темноте Циклоп хмыкнул.

– Да уж, не думали, наверно, Вась-Вась, что когда-нибудь попадутся на свою же удочку. Вот тебе и блаженный с законсервированными мозгами.

– Ты так и не сказал, на кой тебе этот блаженный сдался, – напомнил я, щелкая тумблером прибора ночного видения, в данной модели костюма позволяющего видеть окружающий мир практически так же, как и при дневном свете.

– Вот, держи.

Белый пластиковый контейнер проехался по полу и остановился у моих ног.

– Я на три часа позже тебя из лагеря научников вышел. За это время Захаров решил, что тебе не повредит блокиратор аномального излучения. Это доведенная до ума четвертая версия, полностью настроенный образец, позволяющий гулять под ЗГРЛС как в Москве под

Останкинской башней. Правда, существует она пока в единственном экземпляре и хватит этой штуки только на то, чтобы дойти до загоризонтной радиолокационной станции. Потом защитная оболочка распадется под воздействием излучения. И останется только два варианта – либо содохнуть под ЗГРЛС, либо уничтожить ее.

– А другого пути к центру Зоны нет? – осведомился я. – Только через эту станцию?

– Есть, конечно, – фыркнул Циклоп. – Например, обойти через Стечанку и Чистогаловку. Только, скорее всего, до Чистогаловки этим маршрутом доберешься уже не ты, а очень меткий зомби. В Стечанке уж полгода как стая псиоников обосновалась. Через Чернобыль-2 тоже можно попробовать. Если он, конечно, на месте. Если не на месте и снова блуждает, то вместо заброшенного военного городка на том месте будет очень реальный мираж. В который многие входили, но никто не выходил обратно. Поэтому сейчас уже мало находится психов, кто на собственной шкуре будет проверять, что перед ними – настоящий Чернобыль-2 или его проекция.

– Раньше были? – осведомился я.

– Один наемник через Лелев прошел, – пожал плечами Циклоп. – Последний он был, кто это сделал. Остальные уже по-другому ходили.

– И дошел кто-нибудь?

– Хрен его знает, – отозвался бывший член группировки «Воля». – Если кто и дошел, то обратно пока никто не вернулся. Хемуль в те места ходил, но до Монумента не добрался. Правда, он ему тогда был по барабану. У него бабу матерый псионик спёр, так он того мутанта по стене размазал, девку забрал и свалил. Сейчас жалеет, что заодно и Монумент с собой не прихватил, – хохотнул Циклоп. – А так много чего по барам брешут, всего не пересказать.

Я присел над контейнером, щелкнул накладным замком и откинул крышку. Внутри в специальном углублении лежали самые обыкновенные с виду наушники, опутанные тончайшей проволокой.

– А с другой стороны Зоны никто не пробовал пройти? – спросил я просто для того, чтобы спросить. И так ясно, что и там хода нет, иначе бы каждый кому не лень к ЧАЭС шлялся как к теще на блины.

– С севера периметр охраняют войска НАТО, – сказал Циклоп. – И у них на кордонах не срочники с АКСаи стоят, а боевые роботы с тепловизорами, стреляющие во всякий движущийся объект. Как говорится, почувствуйте разницу.

– Ясно, – сказал я. – И что ты еще знаешь про эти антенны?

– Загоризонтная РЛС еще после чернобыльской аварии стала испускать излучение, срывающее диггеры с катушек, – ответил Циклоп. – Тогда много было желающих похабарить золотые и серебряные контакты из электрощитов. Только очень быстро у тех сталкеров свои контакты в башке барахлить начинали. А уж после Волны Излучения ЗГРЛС разгулялась на полную. Намного надежнее любого псионика начала превращать особо умных сталкеров в тупых зомби. Например, многие считают, что ты к антеннам ходил и основную часть мозга там оставил.

– Если и так, то самое время за ней вернуться, – задумчиво сказал я, с недоверием шевеля пальцами паутинку между чашками наушников. Она была на удивление упругой, не скажешь по внешнему виду.

– Захаров давно бьется над защитой от излучения ЗГРЛС, – произнес Циклоп. – Видно, что жаль ему было отдавать блокиратор, но кто ж его еще испытает, кроме нас?

– Нас? – переспросил я.

– Ну да, – кивнул Циклоп. – Я разве еще не сказал, что иду с тобой?

– А я сказал, что беру тебя в напарники? – удивился я.

– По мне, хоть «отмычкой», – серьезно сказал Циклоп. – Без базара.

Ну и ну. Прожженный авантюрист, умеющий не только просчитывать сложные многоходовки, но и воплощать их в жизнь, вдруг просится ко мне «отмычкой»?

– И на фига оно тебе?

– Надо, – твердо сказал бывший «вольный», доставая из кармана пачку сигарет. До этого я ни разу не видел, чтобы Циклоп курил. – Смысла в жизни нету, Снайпер. Какая судьба у одиночки? Хабар собрал, на снарягу с патронами сменял – и опять в Зону артефакты собирать. Пока аномалия в фарш не превратит или мутант на дерьмо не переработает.

Циклоп хмыкнул и, выплюнув так и не зажженную сигарету, убрал смятую пачку обратно в карман.

– А знаешь, чем живут гетман в «Воле» и Павленко в «Борге»? Тем, что вспоминают о прошлом, которое у них было ого-го какое. Это называется «есть что вспомнить». Ну а я какой хрен вспомню, если доживу до старости? Как мы со Снайпером у «Борга» танк увели? Так мне этого мало, сталкер. А вот если я, будучи старым пердуном, у каждой стойки рассказывать буду, как с легендой Зоны к ЗГРЛС ходил, то пусть только эта сволочь бармен попробует не налить мне стакан за счет заведения. Так что, считай, я сейчас себе на пенсию зарабатываю.

– Это я, что ли, легенда Зоны? – хмыкнул я.

– Она самая, – кивнул сталкер. – Будущая. Если до антенн дойдешь и назад вернешься. А я уж постараюсь, чтобы дошел и вернулся. Зря, что ли, я из «Воли» свалил?

В словах Циклопа была существенная доля здравого смысла. Несмотря на патологическое везение, следовало признать, что сталкерского опыта у меня пока маловато. И идти с таким багажом знаний и опыта к ЧАЭС, откуда не вернулись матерые сталкеры, знающие Зону как свои пять пальцев, было по меньшей мере самонадеянно. Удача, она ведь как патроны – пока они есть, ты герой. А потом, когда они кончаются, по закону подлости на дороге появляется ктулху. Или еще какая-нибудь радиоактивная пакость.

– Ну хорошо, – сдался я. – Предположим, пошли мы вместе. И как ты предлагаешь вдвоем мимо антенн идти? Блокиратор-то один.

– Блокиратор один, – согласился Циклоп. – Плюс у тебя в костюме своя встроенная защита от аномальных излучений имеется, хоть и хреновенькая по сравнению с блокиратором Захарова. Всего этого вместе должно хватить, чтобы подойти к ЗГРЛС вплотную.

– И отключить?

Циклоп покачал головой.

– Отключить ее невозможно. После того, как один сталкер разок ухитрился отключить антенны, фанатики Монуменга их снова врубили и завалили входы в командный центр. Им ЗГРЛС ни почем. Они слуги Зоны, и вообще непонятно, люди это, зомби или биороботы какие. Но у меня там за стенкой, – сталкер кивнул головой в сторону двери, – рюкзачок. А в рюкзачке средство надежное. Чтобы успокоить ту загоризонтную станцию раз и навсегда. Сходим, посмотрим?

– Давай сходим...

У стены дома лицом вниз лежал труп человека, почти полностью скрывшийся под наваленными на него рюкзаками. Только вымазанные в спекшейся крови волосы торчали из-под зеленого клапана нижнего рюкзака.

– Яйцеголовые у своего лагеря какой-то тоннель копали, так одного из них балкой по башке треснуло. Он до выброса вылезти не успел и как раз на входе в тоннель загнулся. А я, когда за тобой бежал, на труп наткнулся.

Циклоп откинул клапан верхнего рюкзака и, достав продолговатый предмет, протянул его мне.

– А в тоннеле вот этого – залежи.

На брикете было написано: BLOCK DEMOLITION M2 (TETRYTOL) MUST BE DETONATED BY. CORPS OF ENGINEERS U. S. ARMY BLASTING CAP 1 BLOCK = SIX 1/2 LB TNT BLOCK.

– Нехило, – покачал я головой. – Подрывной блок тетритола, взрывчатки американского инженерного корпуса. Один блок равен почти полутора килограммам тротила.

– Ничего себе, – с уважением посмотрел на меня Циклоп, – ты и по-пиндосски шарить... Интересно было бы узнать, откуда ты такой умный взялся.

Я пожал плечами.

– За тем и иду к Монументу, чтобы это выяснить.

– Ну да, – рассеянно сказал бывший «вольный». – Расскажи-ка мне, Монумент, куда делись мои мозги... Ну ладно, это твое дело. В общем, я и подумал – на фига нам обходные пути искать, когда можно эту ЗГРЛС просто взорвать к такой-то маме.

– Ну а как насчет того, что в легенды Зоны стрелять нельзя? – осведомился я.

– Стрелять нельзя, – согласился Циклоп. – Но ведь взрывать-то их никто не пробовал. Ты первый будешь.

– А ты где будешь в это время?

– Я тебя прикрою, – просто сказал бывший «вольный». И добавил: – С безопасного расстояния.

Ловким движением Циклоп отстегнул от кучи рюкзаков длинный чехол и, любовно проведя по нему ладонью, закинул его за спину. После чего пояснил:

– С СВДшкой за спиной тебе никакие фанатики Монумента не страшны. Снайперов же их мы попробуем снять до того, как они нас подстрелят. На то у нас тоже пара козырей имеется.

Я посмотрел на труп.

– Складно у тебя все получается.

– Не доверяешь? – хмыкнул Циклоп, сверкнув в темноте единственным глазом. – Правильно делаешь. В Зоне никому доверять нельзя. Но верить иногда можно. Тем более, когда других вариантов нет. Если же тебе с «рюкзаком» таскаться впадлу, то не парься, я не брезгливый, до контрольной точки донесу. Только дальше сам попрешь полный вес. Идет?

Я пожал плечами. Потом глянул на КПК и зевнул.

– Договорились, – сказал я. – И уж коль ты сам записал себя в «отмычки», то я спать, а ты в караул. Остаток ночи делим по три часа на брата. Идет?

У акустики моего защитного костюма был отличный прием внешних звуковых колебаний – я отчетливо услышал, как скрипнули зубы Циклопа. Потом он буркнул:

– Идет, – и извлек из недр рюкзачной кучи немецкий автомат MP5, гораздо более пригодный для ночного охранения, нежели СВД.

Я же повернулся и ушел в дом. Циклоп, без сомнения, был более чем опытным сталкером, но лишний раз находиться рядом с ним мне было как-то неприятно.

* * *

Мутный рассвет застал меня за обычным занятием – чтением «Энциклопедии Зоны» одновременно с пережевыванием безвкусных сублиматов на основе хлореллы из научного рюкзака. Безусловно полезный, но на редкость безвкусный завтрак. Примерно как картон, только картон вкуснее.

Мои попытки отыскать в «Энциклопедии» подробную информацию о фанатиках Монумента оказались тщетными. Так, несколько фраз, практически не несущих никакой полезной информации:

«Фанатики Монумента. Система организации непонятна, главари неизвестны. На контакт с военными и сталкерами не выходит, торговых операций не ведет. Однако обладает наиболее современным вооружением и защитным снаряжением по сравнению с другими группировками. Примерная численность от 1000 боеспособных единиц. С момента начала освоения Зоны контролирует наиболее удобный подход к ЧАЭС со стороны ЗГРЛС и города Припять,

уничтожая тех, кто пытается проникнуть в эти сектора. Необъяснима невосприимчивость членов группировки к радиации и аномальным излучениям, что позволяет заподозрить в них мутировавшие организмы. Версия неподтвержденная, так как раненых и убитых монументовцы уносят с собой, исключая возможность идентификации и исследования тел. Слухи о том, что члены группировки молятся Монументу, остаются неподтвержденными, так как контактов с монументовцами нет до сих пор».

Очень интересно. Судя по карте, солидный кусок Зоны охраняется целой армией хорошо вооруженных эээ... псевдолюдей, обладающих экстремальными способностями. Которых, судя по «Энциклопедии» и отрывочным рассказам, никто толком не видел. Так, ходячие экзоскелеты, умеющие мастерски отстреливать мишени, движущиеся к центру Зоны. И сейчас этими потенциальными мишенями готовились стать мы с Циклопом.

КПК тихонько пискнул, сигнализируя, что три часа, отпущенные Циклопу на сон, миновали. Я обернулся – и не особенно удивился, увидев бывшего «вольного», деловито пристраивающего себе на спину жутковатый «рюкзак». При этом Циклоп еще умудрялся, словно удав, постепенно заглатывать импортный белковый батончик в шоколадной глазури. Завтрак не отходя от кассы. В смысле, от труп, сильно облегченного Зоной.

Циклоп закончил сборы, подпрыгнул, проверяя, не болтается ли чего, проглотил остатки завтрака, дослал патрон в патронник своего МР5 и подмигнул мне единственным глазом:

– Ну что, Снайпер, пустишь «отмычку» вперед?

От его вчерашнего раздражения не осталось и следа. Я покачал головой.

– Пойдешь замыкающим.

И, не вдаваясь в разговоры, поднялся на ноги, повернулся и пошел туда, где, судя по карте, должна была находиться загоризонтная радиолокационная станция «Дуга-1». Судя по еле слышному звуку шагов, Циклоп не отставал. Однако через сотню метров он догнал меня и пошел рядом.

– Не ходят так по Зоне, – укоризненно сказал он. – Это ж тебе не парк культуры и отдыха.

– Если ты про аномалии, то датчики костюма их распознают, – сказал я. И, предвидя возражения Циклопа, добавил: – К тому же я их чувствую. Некоторые.

– Некоторые и я чувствую, – проворчал Циклоп. – Походишь с мое по Зоне...

В этот момент у меня слегка засвербили корни волос за ушами. Такое бывает, когда кто-то пристально смотрит тебе в затылок и от этого необъяснимо хочется обернуться.

Однако оборачиваться я не стал, совершив немислимый кульбит – падая на землю, извернулся в воздухе и умудрился, нажимая на спусковой крючок «Вала», одновременно левой рукой ухватить Циклопа за отворот комбинезона и увлечь за собой.

Над нашими головами просвистело что-то вязкое и прозрачное. А потом я увидел, как веер бронебойных пуль моего «Вала» пересек гибкое тело, летящее прямо на нас.

В воздух брызнули фонтанчики черной крови, и на землю рядом с нами брякнулся мертвый мутант. Даже с оторванной нижней челюстью труп очень напоминал огромную кошку, изображение которой я видел в «Энциклопедии».

– Один-один, – произнес Циклоп, поднимаясь с земли. – Ты только что грохнул крысь. Я спас твою задницу у лагеря «Всадников», а ты сейчас мою. Долг Жизни уплачен, теперь мы друг другу ничего не должны. Кроме нашего договора, конечно. Жуткая тварь, если честно. Слюна из защечных мешков крыси сразу начинает переваривать мясо, в которое плюнула хозяйка. Той остается только подойти и сожрать готовый «Вискас»... А вот это писец...

Я не сразу понял, какого такого песка имеет в виду мой спутник, вроде о мутировавших песках в «Энциклопедии» ничего не говорилось. Но через мгновение и я увидел...

Крысь не охотилась. Она расчищала себе дорогу. Просто ей некогда, да и некуда было сворачивать, чтобы обогнуть нас, ведь по ее следам неслась свора волкопсов. Таких же огромных, как и первый мутант, застреленный мной из пулемета на блокпосту «Борга».

Их было штук сто, не меньше. В движении они напоминали единый организм, состоящий из спин, покрытых язвами, струпами и кусками отслоившейся шкуры.

– Гон волкособак, – выдохнул Циклоп. – Их ЗГРЛС позвала... Бегом!

И мы рванули.

Шансов убежать от стаи мутировавших тварей не было никаких – мы выигрывали у них метров двести от силы. Даже несмотря на то, что Циклоп выдернул из карманов две РГДшки и с силой швырнул их назад. Грохот взрывов перекрыл многоголосый вой и утробное рычание мутантов, нечасто встречающихся в Зоне. Особенно в таком количестве.

Нам тоже некуда было свернуть. Мы бежали по дороге, с одной стороны которой был двухметровый откос, с другой – болото с торчащей из него крышей кабины затонувшего бульдозера. Единственной нашей надеждой был мост, маячивший впереди. Мы поняли друг друга без слов – если удастся с ходу нырнуть под него и укрыться за сваями, то есть шанс, что часть тварей промчится по настилу. А те, кто последует за нами, получат свою порцию свинца в облезлые бока.

Но для этого нужно было очень сильно постараться.

И мы старались. Подозреваю, что вряд ли я бегал с такой скоростью в том отрезке жизни, память о которой мне кто-то заботливо законсервировал. Потому что если б и бегал, то вряд ли дожил бы до сегодняшнего дня.

Система жизнеобеспечения моего навороченного костюма явно не справлялась с вентиляцией, и бешено колотящееся сердце то и дело норовило ткнуться во внутреннюю поверхность зубов. Я задыхался, кляня про себя ученых. И тех, кто изобрел такой дурацкий костюм, и тех, кто в свое время додумался проводить научные эксперименты в Зоне отчуждения.

Циклопу приходилось немного легче, чем мне. В своем легком «вольном» бронеко-стюме, не обремененном заумными системами фильтрации воздуха и кондиционирования, он со своим огромным «рюкзаком» за плечами мчался словно воздушный шар, о котором писал какой-то древний автор из папки «Литература» в КПК, роман которого я так и не смог дочит-ать.

Я видел боковым зрением, что Циклоп вырвался вперед на полметра... и вдруг застыл на месте, так и не опустив на землю левую ногу. В следующую секунду и я понял, что и сам застреваю в воздухе, словно в густом киселе. Рванувшись назад... я не продвинулся ни на миллиметр, так же как и бывший «вольный» намертво застыв на месте.

– Аномалия... «Тормоз», – прохрипел Циклоп, с усилием ворочая нижней челюстью. – Теперь... точно хана... если не отпустит...

Я заметил, что вместе со мной замер и весь остальной видимый мир. Перестали шевелить ветками тревожимые ветром кривые деревья на склоне, на небе замерли вечные чер-ные тучи Зоны, на дороге, ведущей к мосту, словно нарисованная, застыла тень пролетающей птицы, напоминающая черный крест, намалеванный рядом с чьей-то пожелтевшей от времени костью...

Как-то сразу я понял, что мир, так не вовремя замерший для нас, вовсе не впал в ступор для наступающих нас псов. И рванул, что было сил, надеясь неизвестно на что.

И чуть не упал.

Мир сместился – и замер снова. Я заметил, как тень птицы накрыла лежащую на дороге кость – рассматривать остальной окружающий пейзаж не было времени. Значит, не все поте-ряно!

Новый рывок! Еще! И еще!

Вязкая плоть аномалии нехотя поддавалась моим рывкам, словно сейчас мои судорож-ные движения управляли тем, что происходило вокруг. Картинка, схватываемая глазом, также смещалась рывками – но смещалась!

Еще немного!..

Аномалия неохотно отпустила меня, и я буквально вывалился из нее на дорогу. И сразу услышал глухое многоголосое рычание за спиной.

Оборачиваться времени не было – я лишь быстро мотнул головой, ловя краем глаза приближающуюся биомассу мутантов.

До них оставались считанные метры.

Как и до моста впереди...

Впоследствии я не мог вспомнить, как добежал до спасительного укрытия и, съехав, вероятно на спине, по невысокому обрыву, сумел втиснуться под дощатый настил. Первое, что я осознал, оказавшись в нише под мостом, был вырванный пулей пучок слипшихся от крови волос, шлепнувшийся в бронестекло моего шлема.

Циклоп уже сидел в импровизированном укрытии и палил из своего MP5 в волкособак, скатывающихся с обрыва прямо в ленивый кисель радиоактивного болотца. И хотя основная масса стаи грохотала когтями по деревянному настилу над нашими головами, не поместившись на мосту твари сыпались по обе стороны от нас в изрядном количестве.

Не видя смысла в трате боезапаса по принципу «Борга» – видишь мутанта, стреляй, – я выхватил из специального чехла штатный нож для выживания, прилегающий к защитному костюму, и, схватив за кожу под челюстью первую тварь, сунувшую свою оскаленную пасть под мост с моей стороны, одним движением почти полностью снес ей голову, после чего пинком отбросил от себя. Над кровоточащим трупом сразу же образовалась куча из волкопёсских тел – твари спешили урвать свой кусок неожиданной добычи.

«Тоже сталкеры, – промелькнула мысль у меня в голове. – Их тоже позвала и изменила Зона. Им тоже надо есть и выживать. И практически неважно, что есть и как выживать».

Следующим аналогичным движением я отправил добавку в шевелящуюся кучу.

А потом я услышал витиеватые матюги, значение которых тоже приводилось в «Энциклопедии». Однако комбинация, которую проорал за моей спиной Циклоп, на мой взгляд, вообще не поддавалась смысловой расшифровке.

Обернувшись, я увидел, что на руке сталкера висит волкопёс средних размеров. Понятно. Пока Циклоп менял магазин автомата, тварь в него и вцепилась.

Рыбкой метнувшись вперед, я ухитрился воткнуть нож в глаз твари и, просунув клинок как можно глубже в череп, повернуть и рвануть его назад под углом. Конечно, будь в моей руке «Бритва», череп мутанта просто распался бы надвое. Сейчас же мне удалось лишь повредить мозг твари. К счастью, ту его часть, что отвечала за хватательный рефлекс.

Циклоп стряхнул мутанта с руки и, выдернув неповрежденной правой пистолет «Форт» из кобуры на поясе, тремя выстрелами окончательно разнес волкопсу остатки башки.

– Спасибо, – бросил он через плечо. – Сочтемся.

И застонал. Из прокушенной и полуоторванной мышцы между большим и указательным пальцем его левой руки хлестала кровь.

Я взглянул назад. «Мои» мутанты, грызясь между собой, скатились вниз по обрыву и, закончив битву над останками бывших товарищей по стае, вдруг словно по команде вытянули морды в ту сторону, куда направлялись мы.

К загоризонтной станции.

Я ощутил неприятное покалывание в висках и легкое головокружение.

– ЗГРЛС недалеко, – прохрипел Циклоп, пытаясь одновременно прижать к ране отвалившийся кусок мяса и при этом не выпустить из руки пистолет.

Однако это было уже лишнее. «Его» волкопсы тоже услышали Зов загоризонтной станции и, войдя в затхлую воду болотца, довольно шустро поплыли к противоположному берегу.

Я не стал смотреть, сколько из них доплывет, а сколько утонет в отравленной воде. Нужно было действовать, пока Циклоп не истек кровью. А значит, нужно было перестать думать. Я

уже изучил свой организм на предмет действия в экстремальной ситуации. Выброси из головы мысли – и он сделает всё за тебя сам.

Так случилось и на этот раз.

– Где? – выдохнул я.

Циклоп понял меня без слов.

– Правый крайний.

Откинуть клапан правого рюкзака, выдернуть аптечку, упакованную в красный контейнер, перехватить жгутом бицепс раненого сталкера, расстегнув специально предназначенный для таких случаев клапан на комбинезоне, вкатить ему в плечо содержимое трех шприц-тюбиков с противостолбнячной сывороткой, мощным антибиотиком и анестетиком... Всё это заняло меньше минуты. Еще столько же ушло на обработку раны, и еще один укол местного обезболивающего.

– Готов? – спросил я, надрывая пакетик с шовным материалом.

– Штопай, – криво усмехнулся бледным лицом Циклоп. В свободной руке он всё еще сжимал пистолет. Крепко, до побелевших ногтей. Нормальная реакция опытного бойца – если ранена одна рука, отключи боль меньшей болью в здоровой руке. – Сноровка у тебя, Снайпер, прям как у Болотника. Врач у нас такой есть в Зоне, местная знаменитость. Сам пристрелит, сам залатает.

Я ничего не ответил. Свободный от мыслей мозг был занят другим. Сноровисто – будто всю жизнь только полевой хирургией и занимался – я соединил края раны и наложил шесть швов. После чего забинтовал кисть.

И разрешил себе думать.

– Лихо, – с удивлением в голосе сказал Циклоп, рассматривая свежеперебинтованную руку и пытаясь осторожно шевелить пальцами. – Жаль, специаптечки у того мертвого ботаника не было. В ней помимо всего прочего регенерон имеется, из морских звезд его добывают. За день сквозные раны заживают, не то что эта. А знаешь, когда волчара мне кисть разлохматил, было совсем не больно. Только будто током по руке шарахнуло.

– Это он нерв порвал. Когда в этом месте ножом по руке полоснут – то же самое, – неожиданно для себя сказал я. И не удивился сказанному. За время, проведенное в Зоне, ножом по рукам меня не резали. Значит, снова прорыв сквозь барьеры в мозгу. Что ж, я уже успел привыкнуть к знаниям, появляющимся из ниоткуда. И даже, похоже, научился ими пользоваться по мере необходимости. Только бы вот знать наверняка, что я знаю, а что нет.

– Круто у тебя в башке напихано всего, что касается войны, – эхом моих мыслей отозвался Циклоп. – Думаю, с таким багажом мы точно до Монумента доберемся.

Я промолчал. «Энциклопедия Зоны», написанная кровью многих сталкеров, категорически не советовала строить проекции в будущее. Суеверия в Зоне приобретали особое значение. Наверно, потому, что всегда исполнялись. Поэтому я лишь снял жгут с руки Циклопа, бросил аптечку обратно в его рюкзак, стараясь не касаться основного «рюкзака», и, перехватив поудобнее «Вал», вылез из-под моста.

* * *

Вокруг было тихо. Только мост, болотце и кровь. На мосту, под мостом и на воде – там, где форсировали болото раненные нами и братьями волкопсы. Нормальный пейзаж для Зоны.

– А знаешь, говорят, что богатые в «тормоз» не попадают, – вдруг сказал Циклоп. – Просто не попадают – и все. Такая вот шкурная аномалия.

Я рассеянно кивнул. «Тормоз» остался позади, и вряд ли стоило сейчас разговаривать о том, что было уже в прошлом. Ведь там, за мостом, нас ждало неизвестное будущее. Воплощен-

ное в большом и когда-то желтом знаке радиационной опасности, торчащем сбоку от дороги сразу за мостом. Со знака кто-то небрежно соскоблил краску и намалевал черным:

«Территория группировки “Монумент”. Проход воспрещен! Предупреждение для нарушителей – ведется огонь на поражение!»

Словно в подтверждение этих слов в относительной близости за мостом распорол воздух длинная пулеметная очередь. Потом послышался шум вертолетных винтов, ухнул взрыв. Затем сразу за ним началась беспорядочная трескотня автоматов, перемежаемая криками раненых.

– Началось, – хмыкнул Циклоп. – Значит, и нам пора.

– Что началось? – повернулся я к сталкеру.

– Очередная попытка вояк из ОСНГ разобраться с фанатиками Монумента. Только хрена у них чего выйдет. Но это уже не наша забота.

– У тебя всегда всё на два хода вперед просчитано? – спросил я.

– В Зоне ничего просчитать нельзя, – серьезно произнес Циклоп. – Она сама все за нас просчитывает. Я только сопоставляю факты. Например, вчера от диспетчера «Воли» всем членам группировки поступило предупреждение, что в район Корогода соваться не стоит. Это что может значить? Первое: на группировку «Монумент» никто серьезно дернуться давно не смеет, кроме военных. Второе: погода после выброса обычно нормальная, лётная. Значит, что? Значит, скорее всего, кто-то из «Воли» пронюхал про войсковую операцию по зачистке территории.

– А ты, стало быть, при выходе из «Воли» с их волны не слез?

– Что я, дурной, что ли? – сказал Циклоп, бережно доставая из рюкзака черный цилиндр сантиметров в сорок длиной. Потом он неожиданно поцеловал его и принялся распаковывать СВД.

– Это что за нежности с продолговатыми предметами? – поинтересовался я.

– Сразу видать, что тебе за периметром мозги отшибли, – буркнул Циклоп. – Подарок это, которому цены нет. Штатный глушитель к СВД. Редчайшая вещь. Друг подарил, бывший командир роты глубинной разведки, который на Большой земле, почитай, во всех локальных войнах отметился. И к ней же – лазерный целеуказатель. Так что это теперь не просто снайперка, а подарок судьбы. С которым у нас появляется шанс пройти мимо ЗГРЛС.

– Интересно, почему более современных снайперок в Зоне нет? – между делом бросил я, изучая в бинокль предстоящий маршрут.

– Потому что снайперы жить хотят, – сказал Циклоп, присоединяя свой эксклюзивный глушитель к винтовке. – Знаешь, сколько здесь простая СВД стоит? То-то же. И ту не достать. А достал – ходи да оглядывайся, чтоб тебя за нее в спину не грохнули. К тому же если к ходовым моделям оружия еще можно патроны найти, то к новым хрен ты их где нароешь.

Я не стал напоминать о виденном мной изобилии новейших орудий смерти на складе у Монстра. И так ясно, что из каждого правила бывают исключения.

Между тем бойня на фоне гигантских антенн загоризонтной станции набирала силу.

Сразу за мостом начиналась вполне приличная для Зоны асфальтовая дорога без особо глубоких выбоин и с минимумом растительности, пробившейся сквозь трещины в покрытии. Где-то километра через полтора эта дорога упиралась в металлические ворота с когда-то красной звездой, облезшей от обилия кислотных дождей, но, тем не менее, хорошо различимой в бинокль. По обе стороны от ворот тянулся забор бывшей воинской части, на территории которой и располагалась легендарная ЗГРЛС. Про себя я отметил, что ежели попалась тебе в Зоне заброшенная ВЧ, то вне зависимости от ее состояния соваться туда без надобности не стоит – по-любому наткнешься на бандитов, различающихся лишь униформой, вооружением и ими же придуманными законами. Суть-то не меняется – каждый пытается урвать от Зоны кусок пожирнее и спрятать его понадежнее.

Интересно, монументовцы исключение? Или такие же, как все остальные?

Над забором бывшей части возвышались самодельные наблюдательные вышки, крайне небрежно сколоченные из досок. Странный штрих. Судя по сведениям из «Энциклопедии», столь серьезное формирование, как группировка «Монумент», должно было бы более серьезно относиться к безопасности своей базы.

Мои сомнения в способностях группировки, охраняющей подходы к центру Зоны, развеялись в следующий миг.

Базу атаковало звено из трех вертолетов Ка-50, прозванных «Черными акулами». Я как-то даже удивился вначале – для того, чтобы сровнять с землей территорию бывшей воинской части вместе с ЗГРЛС, вполне хватило бы огневой мощи и одной такой машины. Однако было очевидно, что по мере приближения к гигантским антеннам с пилотами «Черных акул» начинало твориться что-то неладное.

Нос головной машины звена вдруг начал рыскать из стороны в сторону, словно вертолет, как безглазая собака, принюхивался к цели и всё не мог уловить запаха жертвы. Идущие следом вертолеты нерешительно зависли в воздухе. Наконец пилот головной машины решился – от вертолета отделилась ракета, ушедшая мимо цели, куда-то далеко за территорию базы.

В ответ на это словно по команде от каждой вышки взметнулись вверх тонкие белые полосы инверсионных следов, которые в таких случаях оставляет ракета земля-воздух, выпущенная из переносного зенитно-ракетного комплекса.

Головной вертолет заметался, пытаясь уйти от выпущенных ракет, чуть не волчком завертевшись в воздухе. Но маневр не удался – двойная атака ПЗРК и загоризонтной станции оказалась не по силам пилоту.

«Черная акула» превратилась в огненный шар. Два оставшихся воздушных монстра развернулись, уходя из опасной зоны. Вслед им также потянулись белые нити, но на этот раз они не достигли цели. Вероятно, существовала какая-то невидимая граница, при пересечении которой переставала действовать противоаномальная защита бронекостюмов пилотов. Покинув опасную зону, вертолеты грамотно ушли от атаки и, развернувшись, зависли в воздухе, уже недотягиваемые для ракетных комплексов монументовцев.

Чего нельзя было сказать о ракетах Ка-50.

Ответный залп двух вертолетов накрыл территорию части...

Однако ожидаемого моря огня не случилось. Взорвалась лишь одна ракета, разметав какое-то невидимое для меня здание – я лишь наблюдал, как поднялась над забором и разломилась надвое в воздухе металлическая крыша. Остальные, видимо, просто упали на землю продолговатыми кусками металла.

– Вот оно, – прорычал Циклоп. – Вот почему невозможно выбить членов группировки «Монумент» с их позиций. Говорят, у них есть какая-то импульсная установка, препятствующая избыточному выделению энергии. Автоматически реагирует на снаряды, ракеты и бомбы. Поэтому...

– Поэтому если мы хотим добраться до ЗГРЛС, то, наверно, самое время.

– Точно, Снайпер! – произнес Циклоп. – Рванули!

И мы рванули было...

Но ушли недалеко.

Я первый увидел блеск оптики на ближайшей вышке и, уйдя в сторону, свалился в воронку рядом с дорогой – кто-то в свое время безуспешно пытался накрыть загоризонтную станцию чем-то дальнобойным и крупнокалиберным. Вслед за мной туда же рухнул Циклоп.

– Бдят, суки, – прокряхтел он, скидывая с себя «рюкзак» с поклажей и изучая пулевое отверстие в шее облеченного Зоной трупа. – Пару сантиметров левее – и дырка была бы в моей артерии.

– И что дальше? – поинтересовался я. – Снайперская дуэль?

– Именно, – осклабился Циклоп, освобождая от рюкзаков многострадального мертвеца. Покончив с этим занятием, он посмотрел на меня, потом на СВД, потом снова на меня. После чего протянул мне винтовку.

– В общем, так. Я отвлекаю – ты стреляешь. Готов?

Еще не очень представляя, как Циклоп собирается отвлекать снайпера на вышке, я на всякий случай кивнул. И лишь когда бывший член группировки «Воля», схватив под микитки мертвого ученого, рванул его кверху словно куклу, я понял, что сейчас будет.

Но спорить времени уже не было. Я лишь успел дослать патрон в патронник винтовки и увидеть, как веером засохших кровавых сгустков взорвалась голова трупа.

А потом сработали мои рефлексy.

У меня была секунда, пока самозарядная снайперка монументовца автоматически досылает новый патрон из магазина в патронник. И я постарался использовать ее с максимальным результатом.

Рывок, одновременно прикивая глазом к прицелу. Сетка дальномера, совмещенная с полуростовой фигурой на вышке, возвышающейся над деревянным ограждением площадки. Мысленное «черт, тыща триста метров, предельная дальность». Отключение мыслей с одновременным приходом ощущения себя пулей. Посыл *себя* в цель посредством быстрого, но плавного нажатия на спусковой крючок...

Я почувствовал стремительный полет, пока перед моим лицом не оказалось бронестекло экзоскелета. Потом мир заполнила кровь. Но меня уже не было в том мире.

Совмещать дальномер с фигурами на других вышках было бесполезно – они были дальше предельной прицельной дальности поражения. Но это уже было не нужно.

Я был поделен на девять оставшихся в магазине частей и сейчас по частям расходовал *себя*, зачищая вышки от тех, кто хотел убить меня. Я чувствовал это желание даже через расстояние в без малого полтора километра. Я свинцовой кожей ощущал его, приближаясь к забралам экзоскелетов. Я был уверен, что такой концентрированной жадой убийства не может быть наполнен мозг человека. Поэтому я без капли сожаления вонзался в эти мозги, переполненные ненавистью ко всему живому.

А потом я просто сполз на дно воронки, прислонил СВД с пустым магазином к ближайшему рюкзаку, откинул бронестекло костюма и присосался к фляжке с водой. И не отрывался от нее до тех пор, пока она не опустела.

Потом я завинтил крышку фляги и увидел глаз Циклопа.

– Охренеть, – сказал хозяин глаза. – Я и не знал, что из нее можно долбить очередями, как из автомата. Ты все десять вышек зачистил?

Я кивнул, медленно отходя от боевого транса.

– Слушай, реально – когда ты вспомнишь, где заканчивал курсы киллеров, скинешь мне на КПК адресок? Очень нужно.

Я пожал плечами. Понятно, что вопрос был задан чисто ради языка почесать. Хотя времени на это нет ни секунды лишней.

– Дальше что?

– Дальше вот что.

Циклоп выдернул из рюкзака и бросил мне сталкерский пояс с четырьмя контейнерами для артефактов.

– «Рюкзака» у нас больше нет – без головы у трупа вес возвращается, а рюкзачные способности, наоборот, пропадают. Так что давай надевай.

– Что здесь? – спросил я, примеривая на себя пояс.

– Артефакты. Два немного облегчают носимый вес, два снижают последствия облучения, чтоб ты из-за первых двух не загнулся от радиации раньше времени. Не «рюкзак», конечно, но

переть взрывчатку всяко легче будет. И блокиратор на башку не забудь, а то уже отсюда через защиту костюма чувствуется, как ЗГРЛС пытается мозг вынести.

Я аккуратно снял шлем, стараясь не особо высовывать макушку за край воронки, и осторожно примостил себе на голову наушники Захарова, снабженные металлической паутиной. После чего водрузил шлем обратно.

– А ты чем займешься? – поинтересовался я, проверяя магазин своего «Вала».

– Прикрывать тебя буду, – хмыкнул Циклоп. – Только переберусь в воронку поближе к антеннам – у меня ж таких способностей нет. Значит, смотри. Доберись до ЗГРЛС, скинь взрывчатку около ближайшей опоры и бегом назад. Метров за двести отбежишь, ховайся куда-нибудь и стреляй разрывными по рюкзакам. Промежуточные тетриловые детонаторы...

– Подрывают заряд при воздействии пламени, сильных ударов и простреле заряда пулей, – закончил я за него, застегивая пряжку на поясе.

– Точно, – ухмыльнулся краем рта Циклоп, и усмешка его мне не понравилась. – А «Мухой» вынесешь ворота.

– Артефактом?

– Нет, лучше этим, – сказал Циклоп, извлекая из рюкзака ручной гранатомет. – Хотя артефактом было бы, конечно, удобнее.

– А ты неплохо подготовился к походу, – отметил я, переводя гранатомет в боевое положение.

Циклоп ничего не ответил – он менял магазин СВД.

Да и времени для разговоров не было. Наверняка монументовцы уже отметили отсутствие активности на вышках, и сейчас к ним, неуклюже переваливаясь, бегут тяжелые экзоскелеты не пойми с кем внутри.

На мне экзоскелета не было. Стало быть, у меня имелась небольшая фора.

Которую я и использовал, закинув на плечо «Вал», подхватив на сгиб локтя правой руки рюкзаки со взрывчаткой, зацепив в левую взведенную «Муху», выскочив из воронки и припустив что есть мочи по направлению к воротам со звездой.

– Хорошо идешь, сталкер! – раздался внутри моего шлема голос Циклопа. – Так держать!

Я вполне обоснованно подозревал, что одноглазый издевается. Думаю, со стороны я сильно смахивал на снарка, где-то зачем-то умыкнувшего изрядное количество сталкерского барахла. Рюкзаки, несмотря на облегчающие вес артефакты, сильно перевешивали вправо, и мне приходилось бежать левым боком вперед, стараясь ненароком не зацепить спусковой рычаг гранатомета. Снарк, да и только.

Я слышал, как тяжело дышит Циклоп за моей спиной – не иначе, сокращает расстояние, слегка балдея от кровопотери и действия препаратов из аптечки. Потом я услышал хлопок приглушенного выстрела за спиной. И еще один.

– Поднажми, Снайпер, – задыхаясь, прохрипел Циклоп. – Монументовцы на вышки лезут. А меня... на всех не хватит.

Я поднажал. До черных пятен, заплывавших перед глазами. Как совсем недавно от стаи волкопсов, только немножко быстрее. Может, потому, что цель была уже очень близка. Когда видишь цель – оно всегда быстрее бежится навстречу.

«350 метров, – мигнул дальномер в правом верхнем углу бронестекла моего шлема. – 300 метров... 250...»

Всё! Больше не могу!

Я швырнул рюкзаки на землю и, рухнув на одно колено, нажал на спусковой рычаг шептала «Мухи», задрав прицел намного выше линии ворот. Будь что будет!

– И пока летит – отдыхай, – прокомментировал мои действия Циклоп.

Отдыхать пришлось недолго. Противотанковая реактивная граната врезалась в основание ворот и вынесла их, словно они были бумажными. Проход открыт. Отдых закончился. И я, отбросив бесполезную теперь трубу гранатомета, снова подхватил рюкзаки и бросился вперед.

Еще три хлопка за моей спиной подтвердили мои опасения. Времени смотреть на сторожевые вышки не было, этим сейчас вместо меня занимался Циклоп, разглядывая их через оптику СВД. Мне же оставалось одно – бежать. Бежать, видя перед собой лишь медленно приближающиеся громады антенн загоризонтной радиолокационной станции.

Я не помню, как миновал дыру в заборе, на месте которой только что стояли ворота. Я плохо помню, как несясь через захламленную трубами, балками, вагончиками и ржавой техникой территорию бывшей воинской части. Я лишь приседал, уворачивался от вражеских пуль, летящих в меня, и бежал, бежал, бежал... Меня напудала в спину взрывная волна гранаты, придав мне кратковременное ускорение, но я не обернулся посмотреть на того, кто ее бросил.

Мне было не до этого.

Я был очень занят.

Я бежал.

Пока явственно не начал различать грязно-желтую ржавчину на опорах гигантских антенн ЗГРЛС.

Еще рывок – и вот я у цели!

Пуля цзинькнула о металл опоры, но это было уже неважно. Главное, не подвел блокиратор Захарова и мои мозги пока что не сварились в черепной коробке, словно в кастрюле.

А еще я добрался до цели!

Оставалось немного – не упасть сейчас от усталости и не сдохнуть прямо под ЗГРЛС, а правильно распределить заряды. И потом попытаться свалить отсюда.

Еще до своего забега я прикинул, что содержимого рюкзаков хватит, чтобы свалить как минимум две опоры. Вполне достаточно будет, чтобы хотя бы на время ослабить аномальное излучение ЗГРЛС, а может, и вообще ее уничтожить. Хотя никто не исключает, что после взрыва всё останется как было, а то и станет еще хуже. Это ж Зона, и в ней ничего нельзя знать наверняка.

Распределить брикеты, соединенные строительным скотчем в крупные заряды примерно по девять кило каждый, не заняло много времени. Сбросив два из них под ближайшую опору, я метнулся к соседней. Два под одну опору, два под другую, то же самое под третью...

Мне оставалось установить еще два брикета, когда монументовцы поняли, что тип в зеленом костюме не рехнулся от аномального излучения, а совершает вполне осмысленные действия. И синхронно сосредоточили огонь на мне.

Одна пуля рванула рукав моего костюма. Вторая по касательной долбанула по шлему, слегка контузив его обладателя и, похоже, что-то повредив в продвинутом блокираторе академика.

Потому что на мой мозг вдруг обрушилось Нечто.

Мир стал другим. Это была реальность цвета ржавчины на опорах гигантских антенн. Золотисто-мертвая плоть потустороннего мира, из которой на меня со всех сторон надвигались призраки чудовищ Зоны. Я понял: еще немного, и мои кипящие, воюющие от нереальной боли мозги просто взорвутся, брызнув серым веществом сквозь паутинку Захарова и залепив ровными квадратиками внутреннюю поверхность шлема.

Этого было нельзя допустить. Хотя бы потому, что я еще не доделал то, что собирался сделать.

И я шагнул к опоре. Хотя это было самое трудное из всего, что мне приходилось делать до сих пор.

Последние заряды легли туда, куда были должны лечь. Я не знал, сожрут меня полупрозрачные чудовища ржавого мира или просочатся сквозь мое тело, не причинив вреда. Сейчас

это не имело значения. Нужно было снова бежать. Недалеко, хотя бы за угол вон того полуразрушенного здания, из-за которого можно активизировать детонаторы. Либо просто бросить гранату. Или выстрелить...

На ближайшем ко мне брикете вдруг появилась красная точка.

– Ничего личного, пиндосина, – прозвучал в шлеме абсолютно спокойный голос Циклопа.

Потом я услышал знакомый хлопок. И увидел, как разрывается серо-оливковая бумага, в которую были завернуты заряды, в месте попадания пули.

«Странно... Как Циклоп смог проникнуть на базу, ведь блокиратор Захарова был только у меня?» – пронеслось у меня в голове.

Потом я увидел взрыв.

Но взорвались не заряды.

Взорвался, распавшись на тысячи осколков, ржавый мир, как осыпается цветное стекло, когда в него попадает камень.

Перед моими глазами была реальность обычной для Зоны цветовой гаммы с преобладанием серых оттенков. В которой монстры имеют плоть и кровь, а не носятся над землей полупрозрачными тенями.

И в которой существуют машины, способные препятствовать избыточному выделению энергии – в том числе аномальной энергии излучаемой загоризонтной станцией.

Машина стояла метрах в пятидесяти от меня. Это была практически стандартная передвижная радиолокационная станция, металлический параллелепипед на колесах с сильно увеличенной антенной обнаружения на крыше. Повернутой сейчас в мою сторону.

«Так вот чем фанатики Монуумента блокировали взрывы ракет...»

Сейчас я уже не думал о том, что эти самые монументовцы бегут ко мне. Очень неспешно бегут, насколько позволяют им это громоздкие экзоскелеты. Тем не менее приближаются, держа автоматы на изготовку. И не стреляя. Понятно почему. Машина машиной, а взрывчатка взрывчаткой. Кто его знает, вдруг рванет от случайной пули. Одна ракета-то взорвалась, вон до сих пор руины дымятся. А этот сапёр под антеннами ЗГРЛС никуда не денется. Вопрос пяти минут.

Деваться и вправду было некуда. Монументовцы приближались со всех сторон. И выбор вариантов действия на эти пять минут был небогат. Можно было просто сесть на землю и дожидаться, пока закованные в экзоброню фигуры заломят мне руки за спину или же просто запинаят и забьют прикладами. Можно было попробовать застрелиться, но это вряд ли сейчас получится. Поняв, чем занимается сапёр в зеленом научном костюме, операторы передвижного блокиратора выделения энергии развернули антенну и наверняка врубили свою машину на полную мощь. Небось, даже зажигалка сейчас не сработает, не то что пороховой заряд в патроне. Разве что рвануть по прямой до этой самой железной коробки – благо монументовцев пока на пути нет – и пустить себе пулю в лоб в мертвой зоне...

В мертвой зоне...

Я бросился к заряду взрывчатки, одновременно выдергивая на ходу нож из чехла. Мозг зафиксировал пару черных вмятин на клинке – не иначе плохо стертая с металла кровь волкопса проела сталь. Вот ведь как мозг заблокированный устроен, в самые критические моменты отмечает всякую чушь...

Одним движением вспоров скотч, я выдернул из брикета серо-оливковый прямоугольник.

И, широко размахнувшись, метнул его, метя по колесам машины.

Бегущие монументовцы разом остановились, провожая взглядом полет блочного заряда тетритила. А потом, наверно, разом зажмурились от ослепительной вспышки – если, конечно, за непроницаемыми бронестеклами экзоскелетов у них были глаза.

А я уже бежал, на ходу экономно расстреливая магазин своего «Вала» – перезаряжать его времени не было. Просто надо было успеть слишком многое за слишком короткий промежуток времени. За который окончится действие разрушенной взрывчаткой машины и возобновится работа загоризонтной станции.

Двое монументовцев подогнули колени и неловко завалились назад, получив в броне-стекла шлемов по бронебойной пуле – с полста метров для «Вала» не проблема индивидуальная защита любого класса. А я начал ощущать, как в голове нарастает вой и грохот. И не было времени разбираться – то ли это возвращаются для новой атаки «Черные акулы», то ли проснулась временно заглушенная ЗГРЛС.

Обернувшись на ходу, я послал три пули в один из кубов, сложенных у опор загоризонтной станции, – и прыгнул, распластавшись в воздухе. Примерно так, как прыгал совсем недавно на Арене, спасая свою жизнь.

Взрывная волна настигла меня в полете. Смяла, словно тряпку, перевернула и с силой швырнула о бетонный забор. Хорошо, что по касательной, иначе вряд ли бы чем-то помогла автоматика костюма, вовремя сработавшая по принципу автомобильной подушки безопасности.

Я упал на землю, ушел в кувырок и, послав пулю в набегающего фанатика Монумента, рассмеялся. Надо же, автомобильная подушка безопасности! Я вспомнил! Тогда, в прошлой жизни, меня уже била в грудь упругая воздушная волна, затянута в эластичную оболочку. Что ж, спасибо тебе, ЗГРЛС! Когда будет побольше свободного времени, попробую подетальнее поковыряться в своей голове, может, еще чего вспомню...

Сейчас же мне было не до заблокированных воспоминаний. Требовались воспоминания из недавнего прошлого. Сжатый воздух, раздувший костюм изнутри, серьезно осложнял движения. Что-то на эту тему говорил Захаров, выдавая мне эту модель индивидуальной брони... Ага, есть!

Я резко ударил запястьем о приклад «Вала». Послышалось шипение – воздух выходил из костюма через специальный клапан. Уже проще. Теперь надо найти выход отсюда...

Хлопков СВД Циклопа больше не было слышно. То ли его убили, то ли после неудачной попытки ликвидировать меня он решил скрыться от греха подальше. Во всяком случае, путь к дыре в заборе на месте вынесенных мной ворот был открыт.

Если бы не монументовцы...

Похоже, защитники мифического артефакта, исполняющего желания, решили уничтожить меня во что бы то ни стало. Около десятка ходячих роботов неуклюже бежали в мою сторону, пытаясь на ходу совместить три точки – целик, мушку и мою бегущую ростовую фигуру. Положа руку на селезенку, неблагоприятное это занятие, особенно когда тело затянuto в многокилограммовые доспехи, из-за веса приводимые в действие сервомоторами. Хотя если хлестать по цели очередями, то рано или поздно той цели придется туго.

Пока что монументовцы не спешили применять столь радикальную тактику, уверенные, что разрушитель ЗГРЛС никуда не денется с территории части, обнесенной забором. Однако у меня было преимущество в скорости. Когда видишь, что на тебя ведет охоту отделение профессиональных убийц, пусть даже слегка неуклюжих, поневоле открывается второе дыхание.

Я бежал вдоль забора со спринтерской скоростью, однако очень быстро понял, что до ворот мне добраться не судьба. Полукруг монументовцев потихоньку прижимал меня к забору. Уже не раз могли они срезать меня очередью или просто тупо бросить пару гранат – и никуда бы я не делся. Но, видать, зачем-то я им понадобился живым.

«Вот, похоже, настало время, Снайпер, на себе испытать, как из простого сталкера в центре Зоны делают фанатика Монумента...» – пронеслось в голове.

А потом земля содрогнулась. Я видел, как медленно, почему-то очень медленно три монументовца, бежавшие в центре полукруга, просто распались на фрагменты, между кото-

рыми полыхнули ослепительные языки огня. А потом огонь затопил всё, поглотив и оставшихся преследователей, и весь остальной обозримый мир.

* * *

Я очнулся от тишины. Было слишком тихо, как бывает только ночью на кладбище. Я попытался вспомнить, что такое «кладбище» – и мне это удалось. Перед глазами нарисовалась картина: вытянутые кверху кресты и установленные вертикально черные камни. Которые назывались «надгробия». А под ними были «могилы». Места, куда живые люди закапывают мертвых людей. Наверно, для того, чтобы они не превратились в зомби. Хотя для этого вполне достаточно отрезать труп головы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.